

Глафира Коварная

Дневник между мирами

Книга 1: Аранум

Госпожа Фудачка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глафира Коварная

Дневник между мирами. "Книга 1: Аранум. Госпожа-чудачка."

<https://litres.ru/74063011>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она выжила в аварии, которую нельзя объяснить. Убила демона, и тут же её едва не принесли в жертву безумцы. Её спасли, полюбили — и вот она уже жена А потом в одну ночь всё рухнуло. Муж погиб на глазах, друзья пали один за другим, магия исчезла, а она оказалась пленницей Тирана. Под сердцем — наследник, единственное, что осталось от мужа.

В её распоряжении — только гнев, да горькая память. Она притворится безумной, затаится и будет ждать. И когда придёт час — нанесёт удар. Но пока она должна просто выжить. Ради того, кто ещё не родился. Ради него она вытерпит всё.

Содержание

ПРОЛОГ "Дневник, который перевернул всё"	4
Глава 1 "Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!"	18
Глава 2 "Ни одно доброе дело не останется безнаказанным..."	30
Глава 3. "Мужчины как правительство..."	73
Глава 4 "Русская закалка плюс здешняя магия".	119
Глава 5 «Экзамены, раны и несданный зачет по чувствам».	150
Глава 6 «Студенчество – лучшие годы жизни...»	176
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Дневник между мирами. "Книга 1: Аранум. Госпожа-чудачка."

ПРОЛОГ "Дневник, который перевернул всё"

ПРОЛОГ.

«Дневник, который перевернул всё!»

Меня зовут Лаари. Мне сто семнадцать лет — по меркам аранумарцев это возраст, когда ты уже не ребёнок, но ещё и не взрослый. Достаточно, чтобы успеть натворить глупостей, и недостаточно, чтобы научиться их не совершать. Я — пра-пра-пра-правнучка (а сколько там этих «пра» — я сбилась со счёта где-то после десятого колена) той самой Эрики Тулкониэль, которую в школьных хрониках величают «Спасительницей Аранума», а в церковных балладах — «Святой королевой».

Прошло почти шесть тысяч лет с тех пор, как она правила. Шесть тысяч лет, за которые Аранум успел несколько раз распасться и снова собраться, магия угасала и возрождалась, а легенды о Королеве-воительнице обросли такими слоями

лжи, что правду уже никто не помнит. Даже я, её потомок, знаю о ней лишь то, что написано в официальных хрониках: кроткая набожная женщина, с короной на голове и практически игрушечным мечом в руке.

Скукотища.

Мне сто семнадцать лет, я не умею носить корсеты, не выношу, когда меня называют «Ваше высочество», а в прошлом месяце на спор оживила статую дракона в столичной магической академии. Статуя, надо сказать, тоже отличилась и устроила небольшой пожар. Профессора из-за этого «случая» до сих пор заикаются. А родные не устают твердить, что я — вылитая Эрика: та же упрямая, авантюрная душа, что не терпит оков. Но в последние годы я стала замечать, как они смотрят на меня: с надеждой и с болью. Слишком много веков главный трон формально пустовал. Слишком много веков Аранум ждал кого-то, кто поведёт за собой.

Мой отец — король Фириат, «Тёмный огонь», как его прозвали при дворе, — правит уже пятьсот лет. Он устал. И я знаю, о чём он думает, когда смотрит на меня.

Вчера, после очередного моего «невинного» розыгрыша с огнедышащим драконом, он мрачно помянул всех сущностей нижних миров и объявил, что «с него хватит».

Я думала, меня снова временно отправят в монастырь или, на худой конец, посадят под домашний арест. Но отец повёл меня в свою тайную личную библиотеку — укромное святилище в сердце дворца, куда мне раньше входа не было.

Высокие своды, усыпанные паутиной тысячелетий, полки из чёрного дуба, где тома шептали заклинаниями. Воздух, тяжёлый от аромата пергамента, ладана и пыли веков.

Он подошёл к стене, скрытой гобеленом с изображением древнего сражения — того самого, где Эрика будто бы сокрушила армии сарцев, — коснулся рун, и панель отъехала. В небольшом хрустальном ящике, переливающимся внутренним светом, хранились несколько древних рукописных тетрадей.

— Дневники Легендарной Королевы, — сказал отец. — Эрики Тулкониэль. Их не видел никто, кроме правителей.

Я уставилась на них с сомнением. История — это скуча, пыльные свитки и бесконечные даты. Но отец кивнул на портрет, висевший над столом: слишком реальное и живое изображение рыжеволосой девушки с зелёными глазами, горящими дерзким огнём, и лукавой полуухмылкой на лице. Отец сказал, что портрет был написан самим Архимагом Ра-вэоном, который, как гласит легенда, «ушёл за Грань следом за Королевой».

— Говорят, ты очень похожа на неё, — продолжал отец. — Она тоже не хотела быть ни королевой, ни принцессой. Мало того, она этому яростно сопротивлялась.

Я перевела взгляд с портрета на дневники. И в груди шевельнулось любопытство.

В этот миг я заметила, что в углу библиотеки, прислонив-

шись к косяку, стоял мой брат — Арээла, «Золотой ястреб», как его прозвали за острый ум стратега и дипломата. Ему двести сорок лет, и он уже давно ведёт переговоры по делам королевства от имени отца. Он стоял, скрестив руки на груди, и с лёгкой усмешкой наблюдал за разворачивающейся сценой.

— Могла бы просто сказать «нет» твоему кавалеру на том балу, — заметил он, поправляя манжеты. — Но, нет, тебе же нужно было устроить это представление с драконом. В твои сто семнадцать лет пора бы уже знать меру.

— Заткнись, Арэ, — буркнула я.

Он — старший. И именно он должен унаследовать трон. У него это отлично получится. У него вообще всё отлично получается — балансировать на острие ножа между древними традициями и новыми веяниями. А я... я просто хочу, чтобы меня оставили в покое.

Но отец, как назло, упёрся.

— А если не поможет, — лениво протянул Арээла, — отправим её в монастырь? Или замуж за какого-нибудь древнего герцога, которому тысяча лет?

Я показала ему кулак, а отец лишь вздохнул.

— Читай, Лаари, читай! — произнёс он, и его голос, обычно твёрдый, как королевский эдикт, задрожал от волнения. — Может, это принесёт тебе хоть какое-то просветление.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. А я взяла первую тетрадь, забралась с ногами в массивное кресло напротив

стола и открыла её.

Странная тетрадь. Переплёт из неизвестного материала, гладкого, как шёлк паутины, и страницы из белоснежной бумаги, что не желтела со временем и казалась почти живой. Магия, которой уже никто не владеет. На обложке, выцветшими, но чёткими буквами, начиналось: *«И чтобы помнить о каждом из вас, мои верные и мои вечные, я буду вести этот Дневник...»*

Внутри, между страницами первой тетради, лежали три листа бумаги — зачарованные, пульсирующие лёгким магическим теплом. Я взяла их в руки и они зашелестели, как осенние листья, хотя в библиотеке не было ветра.

Первый лист был подписан: **«Равэон, регент Королевства, Советник Лотиона Руадхри... об Эрике Леие Тулкониэль».**

Я пробежала глазами листок: *«Главная особенность этой женщины заключалась в поразительном контрасте между её внешним обликом и внутренней сутью. Со стороны она казалась неуверенной, даже робкой — скромной, застенчивой, не склонной к решительным действиям. Но за этой маской скрывалась железная воля, выкованная в огне испытаний. На деле мы получили королеву, которая умела быть жёсткой, когда того требовала необходимость, и оставаться человечной, когда наступало затишье. Она была сильным политиком, тонким стратегом, но, при этом, не утратила ни искренности, ни способности посмеяться*

над собой. Её отличали редкое мужество, верность тем, кто шёл с ней рядом, и честность, порой граничившая с безрассудством. Красота её не бросалась в глаза с первого взгляда, но общение с ней, отмеченное редким обаянием и глубокой внутренней теплотой, навсегда врезалось в душу. И я любил её так, как не любил никого до и никого после.

И теперь каждый день, после того сражения, когда она сгорела в пламени Кукольника, закрывая нас собой, уничтожив его, я просыпаюсь и заново переживаю потерю. Говорят, она ушла за Грань. Ложь. Я видел, как пламя пожирало её. Я слышал её последний крик. Я не успел тогда. Портал сработал слишком поздно. Мы потеряли доли секунды. Она — единственная рана, которая не заживает, и единственный свет, который не меркнет для меня. Я люблю её даже сквозь смерть, сквозь пепел, сквозь невозможность её вернуть. И эта любовь — моя вечная казнь и моё единственное спасение. Если ты читаешь это — знай: она погибла как герой, а я... я остался жить с этим. Равэон ».

Я присвистнула. Равэон — тот самый Архимаг, чей портрет висит в Зале Славы рядом с троном уже шесть тысяч лет. В учебнике его называли «верным советником», а о смерти Эрики писали сухо: «Королева ушла за Грань, передав правление наследнику». Ни слова о пожаре. Ни слова о Кукольнике. Ни слова о том, что она сгорела заживо.

А здесь, на этом клочке бумаги, он писал... с такой болью, словно потерял не просто королеву, а собственное серд-

це, вырванное из груди. И эти слова — «я видел, как пламя пожирало её», — заставили меня замереть. Он был там. Он видел. И жил с этим. Ошеломляло не только «я любил её», но и то, что он не врал себе: она не ушла, она погибла, а он остался.

— Дай посмотреть, — Арээла бесшумно подошёл и выхватил листок из моих рук. Прочёл, и его брови поползли вверх. — Это он о нашей пра-пра... о Эрике? Той самой, которую изображают святой?

— Отдай, — я вырвала бумагу обратно.

Второй лист был от другого человека: **«Лотион ноэ Руадхри, барон, супруг Эрики, регент Королевства, правитель Королевства».**

«Я помню её не только в короне и доспехах, но и в то утро, когда она, нечесаная и сонная, ругала меня за то, что я стащил у нее ночью одеяло. Глубина и тонкость её переживаний скрывались за грубыми манерами и шокирующим поведением. На деле за этой маской таился трезвый расчёт и здоровое мышление, острый взгляд и глубокое понимание происходящего. Моя хрупкая, смешная, невыносимо родная баронесса была красива неуловимой красотой — не той, что бросается в глаза, а той, что проникает в сердце и остаётся там навсегда. Уже тогда в её лёгкой, почти летящей походке чувствовалась поступь будущей правительницы. И я, глупец, понял это не сразу, а когда понял — полюбил её навсегда. Любил, когда она смеялась надо мной, любил, когда

она плакала по погибшим друзьям, любил, когда она сидела на троне, уставшая, но несгибаемая.

Она подарила мне сына и подарила мне смысл жить. И даже тогда, перед лицом настоящей опасности, она, единственная из нас, сохранила полное самообладание и спокойное мужество.

Мы с Равэоном вместе рванули к ней, когда поняли, что Кукольник вновь появился в нашем мире. Мы открыли портал одновременно, вышли в одно мгновение — и опоздали на доли секунды. Я протянул к ней руку. Равэон уже готовил заклинание. Но она уже горела. Её крик, её глаза, в которых не было страха — только боль и прощание, — они до сих пор со мной. Она успела только прошептать: «Люблю. Живите». И пламя сомкнулось. Она победила, а мы... мы опоздали.

Я не спас её. Мы не спасли её. Самые сильные маги Аранума стояли и смотрели, как горит наша Рика... наша Эрика. А потом мы просто смотрели друг на друга — я и Равэон, — и оба знали: мы не простим себе этого никогда. Столько лет прошло, а я всё ещё жду, что она выйдет из своих покоев для аудиенции, улыбнется нам и скажет «Дурак рыжий!».

Со временем я полюбил другую — Эрику Лесную, её верную подругу, которая стала моей женой. Но это иная любовь — тихая, спокойная, как утренний свет, что ложится на траву. Она не сжигает, а согревает. С ней я нашёл покой. Но то, что я чувствовал к Эрике-Королеве... то было пла-

мя, которое не угасло до сих пор. И я никогда не забуду её, ту, что подарила мне сына, ту, что отдала жизнь за всех нас. Такова была мать моего сына, моя первая любовь, мой самый близкий друг — моя королева Эрика ».

Первый супруг. Лотион. Тот самый, который, по легенде, погиб на Кровавом балу — событии, о котором историки до сих пор спорят, потом внезапно воскрес. В учебнике об их отношениях написано мало. А здесь — исповедь. Слова о любви, о том, как он помнит её смешной и нежной, как она дразнилась по утрам. И — ещё страшнее — свидетельство: они с Равэоном вместе вышли из портала и вместе опоздали на доли секунды. Не один, не поодиночке — вдвоём, самые близкие ей люди, и всё равно не успели. Эта фраза — «опоздали на доли секунды» — заставила меня содрогнуться. Оба были там. Оба видели, как она горит. Оба не смогли её спасти. И оба прожили с этим всю свою жизнь.

Письмо Равэона было болью вечного одиночества. Письмо Лотиона — болью общей утраты, той, что не смыть даже временем. Оно выбивало почву из-под ног не меньше. И почему-то дневник стало ещё тяжелее читать. Потому что они были вдвоём, они любили её, они защищали её — и всё равно опоздали.

— Он её любил, — тихо сказал Арээла. — Оба любили. Но по-настоящему. Через шесть тысяч лет это читается так же остро, как если бы они написали это вчера.

Я хотела согласиться — он был прав, и спорить здесь было

не о чем. Но что-то внутри дёрнулось, может быть, защитная реакция на эту чужую, такую огромную боль, про которую мы только что прочли. А может быть, просто неловкость от того, что брат говорит о любви с такой уверенностью, будто сам в ней что-то понимает.

— А ты у нас специалист по любви? — огрызнулась я, но в голосе не было злости.

Третий лист был самым старым — пожелтевший по краям, с почти выцветшими чернилами, намертво прикрепленный к первой странице Дневника Эрики. Почерк был изящный, с аранумарскими завитушками, таким писали в старину, в ее времена.

«Моей Эрике.

Я не умею говорить красиво — ты знаешь. Но сейчас, когда ты спишь в соседней комнате, а я пишу эти строки при свете единственной свечи, я, наконец, решаюсь сказать то, о чём я молчу слишком долго.

Я полюбил тебя в тот самый миг, когда ты появилась в моей жизни. Ты была хрупкой, злой, перепачканной кровью, притворившейся безумной — и прекраснее любой из придворных красавиц.

На том проклятом Кровавом балу, я увидел женищину, которая, несмотря на пережитый кошмар, боль и кровь, смерть близких друзей и мужа, отказывалась падать духом. Ты стояла напротив Раво, юного, глупого, марионетки Кукольника, стиснув зубы, с горящими глазами — и в этом

безмолвном вызове судьбе было столько жизни, столько несгибаемой воли, что я просто замер, поражённый до глубины души.

И с тех пор я не переставал любить тебя ни на один день. Я любил тебя, когда ты училась владеть кинжалом во имя мести. Я любил тебя, когда ты танцевала под дождём на крыше, чтобы стереть свою боль. Я любил тебя, когда ты плакала о тех, кого потеряла. Я любил тебя, когда ты меня ненавидела. Я любил тебя, когда ты сражалась вместе со мной. Я любил тебя, когда ты сидела на троне, усталая, но несгибаемая.

Моя любовь не требует ответа и не ищет света. Она — та самая тишина, что ложится у твоих ног тенью, готовая укрыть тебя от бури и чужих глаз. Она — немое обещание подставить плечо в тот миг, когда мир покажется тебе слишком тяжёлым, и ты почувствуешь, что падаешь от усталости. И она — это моё желание, которое живёт глубже всех слов: видеть тебя счастливой. Всегда. Даже если твоя улыбка будет обращена не ко мне. Даже если дорога, на которой ты найдёшь покой, приведёт тебя к другому.

И сегодня я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя и буду любить тебя вечно, сколько бы ни отмерил нам этот мир. Ты можешь никогда не прочитать это письмо. Можешь прочитать и посмеяться надо мной. Можешь положить в самый дальний ящик твоего письменного стола и забыть. Но одно останется неизменным: где бы ты ни была, часть

меня всегда будет с тобой, моя любовь всегда будет с тобой.

Вэон».

У меня перехватило дыхание. Арээла, заглянувший через плечо, молчал — редкий случай, когда у него не нашлось ни одной колкости для меня.

— В официальных хрониках о нём почти ничего нет, — тихо сказала я, откладывая листок. — Просто «верный соратник Королевы», «главный советник». Ни слова о том, каким он был на самом деле. Ни слова о том, что он чувствовал.

Арээла хмыкнул, но без обычной колкости.

— Ты же знаешь, кто переписал все эти хроники? — спросил он, хотя, скорее, утверждал. — Церковь Великого Творца. После того как Эрика ушла... или сгорела, церковь постепенно захватила власть. Сначала — советники, потом — судьи, потом — сам трон стал её марионеткой. Медленно, столетие за столетием. Они называли это «божественным порядком». И, чтобы укрепить свою власть, они переписали историю. Образ Эрики превратился в святую куклу, а её соратников или вычеркнули, или сделали безликими тенями. Всё, что не вписывалось в их догмы, объявлялось ересью и уничтожалось.

Я посмотрела на стопку старых тетрадей.

— И эти дневники сохранились только потому, что кто-то спрятал их в тайной библиотеке?

— Да. Церковь не знает о них. Или знает, но не может до-

стать. Потому что даже у них есть пределы власти — пока что, — Арээла помрачнел. — Но с каждым годом они влияют на всё большее количество решений в королевстве. Налоги, законы, даже на то, кого венчать на трон. Отец — лишь формальный правитель. Реальная власть — у Верховного Понтифика и его Совета.

Я сжала пальцы на обложке дневника.

— Значит, они не просто лгут — они сознательно стёрли правду, чтобы мы не знали, кем была Эрика на самом деле.

— А может, чтобы мы не знали, кто такой Кукольник, — добавил Арээла. — И, чтобы мы не знали, что жертва Эрики была реальной, а не «уходом за Грань».

Мы оба замолчали. В тайной библиотеке отца, где пахло воском и старым пергаментом, вдруг стало очень тихо. Только портрет Эрики смотрел на нас сверху — живой, насмешливый, словно знал какой-то секрет, которого мы ещё не поняли.

— Ещё одна ложь, которую мы привыкли считать правдой, — наконец сказал Арээла.

А потом я нашла короткую записку, написанную её рукой — размашисто, торопливо, словно на бегу, с чернильными кляксами, которые за шесть тысяч лет не выцвели:

«Мои имена: Аля, Лейа, Эрика. Мои привычки: вести дневник, потому что у меня бывают провалы в памяти на самом интересном месте. И я буду вести этот Дневник: чтобы не потерять нить, чтобы помнить обо всём и обо всех,

чтобы выжить в вихре, что зовётся судьбой».

Провалы в памяти? О чём она? И что за странные имена — Аля, Лейа? Ни одно из них не встречается в хрониках.

Арээла, который всё это время стоял за моим плечом, присвистнул.

— Знаешь, сестра, — сказал он, — возможно, отец не так уж глуп. Может, тебе действительно стоит это прочитать. Шесть тысяч лет никто не знал правды. А ты можешь узнать. Да и я с тобой тоже.

— Ты на чьей стороне? — спросила я.

— На твоей, — он пожал плечами. — Всегда. Даже когда ты ведёшь себя как идиотка. А сейчас — особенно. Потому что, если эти дневники раскроют, кем была наша прародительница на самом деле... это может изменить всё.

Я закатила глаза, но внутри что-то шевельнулось.

Эрика была не святой. Она была живой. Упрямой, влюблённой, ошибающейся — и при этом неsgiбаемой. Как я. Как, возможно, и Арээла, который прятал доброту за маской циника.

— Ладно, — я перелистнула страницу. — Посмотрим, как ты выкручивалась, прабабушка.

И я начала читать.

Глава 1 "Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!"

ГЛАВА 1. «Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!»

Слово не воробей!

Вyleтит неосторожное —

вернётся трёхэтажное!

(народная мудрость)

Господи... Дорогой боженька... ну как же голова-то болела! Не болела — она ревела, пульсировала, словно внутри черепа устроили оркестр из кузнецов с молотами, и каждый кузнец бил в свой момент, без такта и ритма. Откуда были эти вопли? Драную кошку асфальтовым катком раскатывали? А рядом ещё и бритвой по стеклу водили — раз за разом, с наслаждением садиста. Точно происходил какой-то конкурс: «Доконай меня окончательно и выиграй мобильник!» Мля...

Я очнулась — вернее, я попыталась вынырнуть из забытья, как утопающий, который уже наглотался воды и вдруг понял, что дышать больше нечем, — и снова рухнула в спасительную тьму. Она была мягкая, тёплая, словно пуховое одеяло, в которое заворачивают после долгой болезни. Я

провалилась в неё с облегчением, потому что в той, другой реальности — где были звуки, боль и этот проклятый визг — ничего хорошего меня явно не ждало.

Второе пробуждение прошло легче. Не так резко, без ощущения, что череп вот-вот треснет по швам. Но визг не унимался. Он накатывал волнами — то приближаясь, то затихая, словно кто-то играл на нервах, как на струнах расстроенной гитары. «Круговорот похмелья в природе»: пьянка — головняк — сушняк — это я знала по рассказам подруг, сама никогда не доходила до кондиции «лежачий овощ». Тело ныло. Ныло везде: в мышцах, в суставах, даже в тех местах, о существовании которых я раньше не подозревала. Горло пересохло так, что язык казался наждачной бумагой. И эта жажда мучала меня — невыносимая, животная, заставляющая облизывать пересохшие губы в надежде набрать хоть каплю влаги.

А визг-то откуда? Я лежала с закрытыми глазами, перебирая в памяти все известные мне звуки, способные вызвать такую реакцию. Бензопила? Нет, слишком высоко. Крики чаек? Какие чайки зимой? И потом, этот звук был механическим и живым одновременно. Когда-то, ещё в прошлой, нормальной жизни, я случайно стала свидетелем, как на парковке у гипермаркета две женщины не поделили место. Их визг был такой, что у меня заложило уши на час. После этого я поклялась: меня ничем не проймёт. Оказалось, проймёт.

Я лежала в полутьме, пытаюсь собрать мысли. Но они

ускользали, как песок сквозь пальцы — только соберёшь в горсть, а они уже просочились, оставив лишь ощущение пустоты и тревоги.

И, тем не менее, пора было определить свою ориентацию — в пространстве, разумеется, без всяких подтекстов. Где же это я оказалась и откуда такая дикая боль в голове? Я, конечно, любила выпить — особенно в Новый год, когда мир по традиции искрится шампанским и фейерверками. Но, во-первых, этот праздник я всегда встречала только в семейном кругу: за праздничным столом, с ароматом мандаринов и старыми комедиями, под которые мы дружно смеялись до слёз. А во-вторых, дома я никогда не теряла контроль над собой. В кругу родных я была тише воды, ниже травы, и даже бокал с шампанским держала с таким видом, будто это была святая вода. Это раз.

А два. В глазах больше не двоилось, боль постепенно утихла, превращаясь в терпимую пульсацию — как после удара, но без тошноты. Значит, пора было реконструировать предшествующие события: шаг за шагом, как в полицейском отчете, без лишних фантазий.

Я медленно, словно боясь потревожить воспоминания, принялась перебирать в голове последние часы перед «провалом памяти». Я ехала в автобусе. Я ехала к закадычной подруге с подарками. Новый год на носу, а там соберутся все наши «присердечные и закадычные» — компания, где воспоминания теплее вина, а смех не смолкает до утра. Я везла

всем подарки — шоколадки в виде ёлочек, ароматические свечи с запахом корицы, плед с оленями (подруга фанатеет от этих рогатых). И я ехала по автомобильной развязке в общественном автобусе — стареньком, скрипящем на поворотах, с запахом мокрых сидений из кожезама и выхлопа бензина. Место мое было у окна, а рядом сидела какая-то тётка с сумкой, которая то и дело задевала меня локтем.

Сначала была лишь вспышка — ослепительная, как удар молнии прямо перед глазами. А затем сознание провалилось в глухую темноту, и только пульсирующая боль осталась единственным доказательством того, что я ещё жива. А когда темнота начала понемногу рассеиваться, боль вернулась, но уже иной — глубокой, ноющей, словно кто-то терпеливо и безжалостно перемешивал осколки моих мыслей.

Значит, дело не в похмелье. Авария — вот что со мной случилось. И, судя по всему, сильное сотрясение. А за ним, как я знала из книг и фильмов, часто приходят галлюцинации. Бред больного воображения. Скоро я очнусь в больничной палате, под капельницей, а надо мной будет склоняться улыбающийся врач и приговаривать: «Ну что, голубушка, легко отделались!».

Я открыла глаза и огляделась повнимательнее. Свет падал на меня откуда-то сбоку — не искусственный, не электрический, а живой, мерцающий, словно от костра. Он метался вокруг, выхватывая из мрака рваные очертания обломков и отбрасывая на них причудливые, живые блики. Наверное,

спасатели уже работали. У них всегда были прожекторы. И меня скоро должны были спасти.

Я собрала остатки моих сил — их было примерно, как удохлой мухи в янтаре, — и поползла на свет. На локтях и коленях, сквозь грязь и мелкие обломки, что царапали кожу, как когти разозлённого кота. Под ладонями хлюпала какая-то жижа — то ли растаявший снег, то ли технические жидкости из разбитых машин. Воняло горелым пластиком и чем-то сладковато-приторным, от чего к горлу подступала тошнота.

Я ползла медленно, но упорно, словно черепаха, которой пообещали вечность. В голове пульсировала одна мысль: только бы не отключиться снова, только бы добраться. Вокруг было темно, но чем ближе я подбиралась к источнику света, тем ярче он становился. А потом щель расширилась, и я, собрав последние силы, протиснулась сквозь неё — и вывалилась наружу, в прямо навстречу ветру и небу.

Я с трудом поднялась на ноги, пошатываясь, и попыталась осмотреться. И мир вокруг перевернулся. Нет, не так. Мир встал на уши и принялся отбивать чечётку.

Вместо асфальта и бетона — горы. Настоящие, зубчатые, с белыми шапками снега на вершинах, которые уходили куда-то ввысь, теряясь в облаках. Внизу, у подножия, темнел хвойный лес — густой, непроходимый, какими рисуют в иллюстрациях к сказкам братьев Гримм. И ни одного здания. Ни одного фонарного столба. Ни одного следа цивилизации.

Небо — не вечернее, серое, дымное от городского смога, а утреннее, бледно-розовое, с первыми лучами солнца, которые золотили вершины, делая их похожими на гигантские пирамиды из янтаря. И внезапная тишина. Такая тишина, какой не бывает в городе. Она оглушала. В ней слышно было, как ветер перебирает хвою, как где-то далеко журчит вода. А потом, откуда-то из-за скал, из чащи, раздался этот звук, который я сначала приняла за механический, он вдруг оказался живым. Визг. Противный, режущий, настойчивый. Он приближался.

— Галлюцинации, — сказала я себе вслух, чтобы убедиться, что голос ещё работает. — Чистой воды бред. Сотрясение — страшная штука. Бывало, что люди месяцами видели зайчиков и слышали голоса.

Я попыталась встать. Получилось с трудом — ноги дрожали, колени подкашивались, но я устояла. Я подняла голову и осмотрелась. Вокруг — ни души. Только скалы, лес, небо и я. И этот визг, который становился всё громче, приближался.

— Это просто глюк, — мысленно уговаривала я себя. — Сейчас из-за кустов выпрыгнет розовый зайчик и начнёт танцевать ламбаду. Или нарисуетя гном с посохом. Главное — не паниковать.

Визг повторился — совсем близко, буквально в нескольких метрах.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле, пульс отдавался в висках барабанной дробью. Я медленно повернулась

на звук.

Из-за скал, обходя огромный валун, у которого рос чахлый куст, показалось нечто. И я, даже при всём своём скептицизме, не смогла назвать это розовым зайчиком. Потому что это была тварь. Самая мерзейшая тварь из всех, что я когда-либо видела в этой жизни — или, по крайней мере, в своих самых жутких снах.

Кожа её была серая, морщинистая, словно у столетнего слона, но при этом покрытая язвами и струпиями, будто обожжённая кислотой. Глаза — красные, без зрачков, полные голода и безумия. Морда — вытянутая, как у гигантской крысы, но с клыками, как у волка. Острые зубы, грязно-жёлтые, с налётом чего-то зелёного, похожего на патину от древней бронзы.

А рот — он был раззявлен в вопле, который и был тем самым визгом: пронзительным, раздирающим душу, словно нож двигали по стеклу. Только теперь визг был живой, осязаемо тёплый, он исходил из этой пасти, от которой пахло гнилью и смертью.

— Вот это глюк, — прошептала я, чувствуя, как мои волосы зашевелились даже на затылке. — Такого даже в страшном сне не привидится.

Тварь шагнула вперёд. Я шагнула назад — и наступила на что-то острое. Подошва сапога скользнула по грязи, и я поняла, что, если я сейчас упаду, то всё. Больше не встану.

— Стоять! — рывкнула я. — Не подходи! Я серьёзно! У

меня... у меня есть оружие!

В руке оказалась склянка. Та самая, которую я нащупала ещё в завале. Стеклянная, с пробкой, залитой воском. Внутри плескалась мутная жидкость, от которой воняло так, что глаза слезились даже сквозь заложенный нос. Нашатырь? Возможно. А может, и нет. Но выбора не было.

— Гадина, блин, мерзопакость облезлая! — вырвалось у меня. — Не подходи!

Я сжала склянку покрепче, размахнулась и, когда тварь сделала ещё один шаг, швырнула ей пузырьёк прямо в пасть:

— Сдохни, сука страшная!

Стекло разбилось о клыки с хрустом, неприятным, словно ломались кости. Жидкость разлетелась вокруг брызгами. И тварь — взорвалась. Буквально. Разорвалась на куски во вспышке зелёного пламени, яркого, как фейерверк на Новый год. Чёрная, вязкая слизь брызнула в стороны, зашипела на земле, как кислота, оставляя после себя дымящиеся лужи.

Вонь ударила в ноздри с новой силой — смертью, гнилью, палёной плотью, словно сотня столетних мертвяков вырвалась из преисподней и решила устроить пикник прямо у меня под носом.

— Ух ты... — выдохнула я, прижимая ладонь к лицу, чтобы не дышать этим ужасом. — Даже в галлюцинациях я героиня.

Я медленно отошла в сторону и постояла немного, отдышалась под порывом свежего ветра Ноги всё ещё дрожали,

но теперь уже не от страха, а от адреналина. И тут я услышала шаги — быстрые, уверенные, топочущие по камням.

Из-за скал появились *двое парней*. Куртки с рунами, мечи на поясах, луки на спине. Настоящие средневековые воины — или бред моего больного мозга.

Они закричали что-то мне — резко, гортанно, и я не поняла ни слова. Чужой язык. Какой-то незнакомый набор звуков, гортанных и шипящих, похожий на смесь немецкого с арабским, но, ни тем, ни другим, ни даже эльфийским из «Властелина колец» это не было.

— Ладно, ребята, — сказала я, чувствуя, как мир снова начинает плыть, а ноги — подкашиваться. — Вы — мои глюки, и «моя твоя не понимай». Дайте просто проснуться.

Они затараторили быстрее, замахали руками. Один, тот, что повыше, в куртке с серебряной вышивкой, показывал на дымящиеся останки твари, потом на меня. В его голосе, как мне показалось, прозвучало удивление — или страх. Какая разница? Это же сон. Галлюцинация. Вот сейчас я закрою глаза, открою — и окажусь в больничной палате с капельницей.

Я закрыла глаза. Открыла. Ничего не изменилось. Воины стояли на том же месте, воздух вонял гарью, а небо было всё тем же бледно-розовым, чужим, незнакомым.

— Какой реалистичный сон, — пробормотала я. — Интересно, что мне в больнице вкололи?

Второй воин, помоложе, с длинными светлыми волосами,

собранными в хвост, подошёл ближе. Он осторожно протянул руку, коснулся моего плеча — вежливо, даже заботливо, словно боялся напугать. И я почувствовала тепло его пальцев сквозь ткань моей толстовки. Настоящее тепло. Живое.

— Это сон не может быть таким... реальным, — прошептала я.

Он что-то сказал, но я снова не поняла. Только уловила в его голосе сочувствие. Или жалость.

А потом ноги мои окончательно подкосились. Мир накренился, и я уже готовилась встретиться лицом с землёй, но вместо этого почувствовала, как сильные руки подхватили меня — под спину и под колени, одним плавным движением. Меня подняли на руки. Этот светловолосый воин — тот, что был помоложе, — держал меня так легко, будто я весила не больше пуховой подушки. Я ждала, что он сейчас охнет или хотя бы выдохнет от напряжения: мышцы под его курткой заметно напряглись. Но он даже не подал виду.

— Ты чего творишь? — возмутилась я, хотя сил на настоящее возмущение уже не оставалось. — Поставь меня! Я сама... сама пойду...

Он не понял. Конечно, не понял. И не поставил. Только перехватил поудобнее, прижимая меня к груди. Сквозь куртку воина я чувствовала тепло — живое, настоящее, не «глючное». И запах — лесной, хвойный, с примесью чего-то металлического, то ли от оружия, то ли от застежек одежды.

— М-да, — выдохнула я, обречённо откидывая голову

ему на плечо. — Хорошо хоть не воняешь, как тот монстр.

Он что-то ответил — коротко, ворчливо, но я даже не пыталась разобраться. Мне было уже всё равно. Этот сон затягивался, но хотя бы в нём меня несли на руках, как принцессу из дешёвого романа.

— Ладно, — пробормотала я, закрывая глаза. — Неси. Только не урони.

Второй воин пошёл впереди. Он что-то резко сказал светловолосому, тот кивнул. Они обменялись быстрыми фразами — гортанными, чужими, похожими на шорох камней. Я не понимала ни слова, но в их интонациях угадывалась поспешность. Они куда-то торопились. Спасатели? Скорая? А может, санитары из психушки, которые везли меня в палату с мягкими стенами.

— Главное, чтобы, когда я проснусь, ёлка стояла и шампанское было, — прошептала я, чувствуя, как сознание снова уплывает. — И чтобы подруга не съела все шоколадки без меня.

Они что-то говорили надо мной — быстро, взволнованно, на своём чужом языке. А я смотрела в небо — бледно-розовое, чужое, неправильное, — и думала: «Какой всё-таки странный сон... И почему я до сих пор не проснулась?»

Но вопрос так и остался без ответа. Веки тяжелели, голоса таяли, превращаясь в неразборчивый гул, а розоватое небо расплывалось в серой пелене. Я перестала бороться. И тогда темнота сомкнулась надо мной, тёплая и мягкая, убаюкива-

Ющая в такт шагам незнакомца, который нёс меня неизвестно зачем и неизвестно куда.

Глава 2 "Ни одно доброе дело не останется безнаказанным..."

Глава 2. «Ни одно доброе дело не останется безнаказанным...»

В жизни всегда есть вакантное место подвигу!

...Надо только быть подальше от этого места.

(Народная мудрость)

И создал Бог женицу....

Существо получилось злобное, но забавное!

(Факт)

По странному, мерному покачиванию мне казалось, что я лежала в какой-то гигантской колыбели, укачиваемой ветром. Я медленно открыла глаза, пытаясь разогнать остатки тумана в голове. Боль в затылке утихла до тупой пульсации, а мир, вместо того чтобы плыть, как в кошмаре, обрёл контуры.

Передо мной маячили спины двух мужчин — или, судя по широким плечам и уверенной осанке, воинов — в странных одеждах, что казались вышедшими из забытых эпох. Нет, определённо не приснится же такое.

Блин, один — «брюнетик» с тёмной косой, другой — «блондинчик» с золотистыми локонами. Жаль, видела я вас только со спины, без лица — без этой драматической хариз-

мы.

— Что за ерунду я сейчас думаю? — промелькнула в голове шальная мысль, и я сама удивилась своей иронии: в такой момент мозг рисует фантастические картины, вместо того чтобы паниковать.

Я потихоньку осмотрелась вокруг, не шевелясь, чтобы не привлечь внимания, — осторожно окинув взглядом эту новую «действительность», словно разведчик во вражеском лагере. Лежала я на чём-то мягком, но колючем, что периодически «вздрагивало» от толчков и скрипело подо мной. Чуть скосив глаза в сторону, я увидела деревянный бортик — грубо сколоченный, с щелями, через которые просачивался холодный воздух, — и пучок соломы у моего плеча, жёлтый и пахнущий пылью и сеном. Я осторожно пошевелила пальцами — и нащупала ту же солому возле руки, сухую и колючую.

Осмотрев себя насколько это было возможно, я, наконец, сообразила, что еду в телеге, лежу на соломе, разложенной по повозке, что тащат эту повозку лошади. И почему-то я не мерзла... Хотя вокруг зима — снег искрится на полях, мороз щиплет щёки, а дыхание вырывается паром. Мои вещи на мне, очки на месте, сумка не пропала. Интересный сон... Хотя какой-то он странный, слишком детализированный — от запаха лошадиного пота до скрипа колёс по ухабам. Видимо, сильно я головой приложилась после аварии и мозг, спасаясь от реальности, плетёт эту паутину из воспоминаний о книгах и фильмах.

Но мой «сон» так и не желал пропадать — напротив, он упрямо крепчал, обретая краски и звуки. Одежда у «мужчин» явно была «средневеково-феодалная»: куртки, усыпанные металлическими заклёпками. Только куртки... какие-то необычные, гладкие, переливающиеся на свету, с лёгким свечением, словно пропитанные какой-то потусторонней силой.

Нет, не было таких тканей в Средневековье у простого соловия, это я точно помню из уроков истории и бесконечных сериалов: крестьяне ходили в грубой шерсти, а это — как у дворян из книг про фэнтези-миры. Стоп, вот я начала рассматривать их оружие: лук через плечо, колчан со стрелами, и было слышно металлическое дребезжание. А значит, вы, мужчины, далеко не «простое сословие» — воины, стражи или рыцари из баллады. Бредятина... Какой-то сон слишком реальный получился: лошади фыркали, телега скрипела, ветер нёс запах хвои. А мне, что, Новый год вообще привиделся? Или вся моя жизнь до аварии — иллюзия? Бред!

И что тогда происходит? В голове закружились сценарии, как в детективе: два предположения, логичные на первый взгляд, но оба абсурдные, как сюжет плохого фантастического фильма.

Первое: я поехала отдыхать в пригород, есть шашлык в честь Нового года — лес, снег, мангал, — меня ушибло шишкой, неожиданно сорвавшейся с ветки или самой веткой (гравитация шутит жестоко). И спасли несчастную девушку,

заблудившуюся в лесу и ушибленную шишкой или веткой, «ролевики» — энтузиасты, что разыгрывают средневековые с полной отдачей: от ткани до оружия. Шикарно, конечно, — романтика, костры, песни под луной, — но не реально, хоть и весело. Такое предположение вызвало у меня лёгкую улыбку — губы сами растянулись, несмотря на абсурд.

Впрочем, «мужчины» впереди, словно почуяв мою внутреннюю усмешку, вдруг стали о чём-то переговариваться — голоса низкие, ритмичные, с ноткой настороженности, что пробирала до мурашек. Я затаила дыхание: незнакомая речь, или это акцент такой сильный? Слова текли, как река — мелодичном, с гортанными переливами и шипящими согласными. Язык казался... живым, пульсирующим, словно созданным отдельно, а не простой имитацией для шоу. Сердце заколотилось сильнее: если это сон, то почему он не рассеялся? А если нет... Тогда что ждало меня впереди — пробуждение или новая реальность?

Под мерное покачивание телеги, под скрип колёс по ухабам, фыркание лошадей, холодный ветер, что нёс запах хвои и дыма от далёкого костра, в мои развесёлые галлюцинации постепенно стали возвращаться воспоминания о произошедшем со мною ранее. Не полностью — обрывками, словно кусочки странной головоломки, что появлялись и исчезали вновь и вновь, перетекая в калейдоскоп образов, перемешиваясь с окружавшей меня необычной действительностью: вот момент аварии — визг металла, падение, — а вот я полз-

ла из-под обломков, швырнула склянку в серую тварь, и зелёное пламя вспыхнуло, как в кошмарном сне.

Почему я «взорвала» какую-то мерзкую язвенную тварь с волчьими клыками? И деревья вокруг... Эти ели какие-то странные, слишком ветвистые, с густой хвоей, что цеплялась за края телеги, словно живые пальцы. Красиво, практически рождественские ели — серебристые от снега, величественные, как в сказке, — но не помню я у нас таких елей: наши были скромнее, без этой эпической мощи. Я крепко зажмурилась на мгновение, с силой, надеясь, что это всего лишь сон — яркий, но рассеивающийся при первом усилии воли.

— Проснись, идиотка! — мысленно приказала я себе, считая до десяти. Но, открыв глаза, я опять увидела перед собой всё тот же лес — бесконечный, древний, с тенями, что плясали между стволами, — и спины странных мужчин в их «куртках», что теперь казались не бутафорией, а настоящей бронёй.

В общем, как говорил главный герой моего любимого фильма «Васаби», — тот крутой француз с молниеносной реакцией, — «Соображаю я, конечно, быстро, но дайте мне подумать!». Времени на размышления было мало, но меня пока не убили — значит, я была нужна им живой, что радовало... Пока радовало. Итак, вопрос номер один — первостепенный, жгучий, как открытый нерв: «Где я, чёрт вас всех дери?».

Упс, кажется, я это произнесла вслух — слова вырва-

лись хриплым шёпотом, эхом отразившись от бортиков телеги. «Мужчины» резко обернулись — движение было синхронное, как у тренированных стражей, — и я застыла в немом восхищении, дыхание буквально перехватило. Боже мой, Голливуд завидовал молча! Вот это были красавцы — черты их лиц были так прекрасны, словно были вылеплены умелым скульптором эпохи Возрождения: высокие скулы, орлиные носы, чувственные губы, глаза цвета грозового неба у одного и лесной зелени — у второго. Да они же просто божественны! Широкие плечи и мускулистые торсы, обтянутые туниками, лишь подчёркивали их потрясающую мужественность — было бы написано в каком-нибудь женском романе.

Наверное, я уже в раю, и сие есть «ангелы небесные», хотя меня с моим «прелестным характером» — упрямым, язвительным, с долей цинизма — заждались в аду и уже давно, с вилами и котлом. Но какие у меня тогда миленькие черти в сопровождении... Я радостно улыбнулась моим «спасителям» — лукаво, как школьница, пойманная на шалости, — пытаюсь разрядить напряжение, но внутри всё сжалось от смеси страха и восторга.

А «блондинчик», тем временем, — тот, с золотистыми волосами, что сияли в лучах пробивающегося солнца, — наклонился, вглядываясь в меня с лёгким прищуром. В его глазах цвета лесной зелени промелькнуло что-то — забота? подозрение? — а затем он провёл рукой перед моим ли-

цом: жест быстрый, уверенный, с лёгким сиянием на пальцах. Мир закружился в вихре света — мягком, гипнотическом, — и тьма накрыла меня снова, как занавес на сцене.

— Эх, разбудите меня утром! И веселые же у меня галлюцинации начались! — промелькнула запоздалая мысль. — Яркие, как фейерверк. Всё, столько пить я завязываю! Навсегда! Ну, или хотя бы до следующего Нового года!

Повторно очнулась я уже в каком-то доме — скромном, но уютном, — в комнате с низким потолком, на широкой кровати с периной, что пахла свежевыстиранным льняным бельём и травами. И — о чудо! — я была всё ещё в одежде: толстовка мятая, но на мне, джинсы, сапоги, сумка в ногах. А это значит, маньяков на горизонте нет, и, видимо, я всё-таки совершила тот полёт «в светлое будущее на верной маршрутке» — авария, обломки, и вот я здесь.

Ведь скорее всего далеко меня от автобуса выбросило — ветер, инерция, снег... Ушла, перепугавшись, далеко, упала в обморок в сугроб, а потом спасатели меня нашли, согрели. Мысль казалась логичной, но на больничную палату эта комната была не похожа.

Я потянулась, разминая затёкшие мышцы: тело ныло, как после марафона, но кости по ощущениям были целы, а голова ясная, без той пульсирующей боли, что я чувствовала раньше.

— Значит, так, — думала я. — Чтобы убедиться в реальности: мне был необходим бравый подъём с кровати. Затем

следовало отмыть эту липкую грязь с лица и рук, чтобы почувствовать себя человеком. А потом неплохо бы мне было поспать, желательно уже без толстовки, в чём-то лёгком, под тёплым одеялом, чтобы стряхнуть этот кошмар.

Я резко вскочила с кровати на ноги — движение вышло слишком импульсивным, — и каблуки сапог глухо стукнули о деревянный пол, эхом отозвавшись в тишине комнаты. Пол был неровный, потемневший от времени, с ковриками у стен — не больничный пол. В углу стоял умывальник — медный, с кувшином воды, — значит, находилась я всё-таки в каком-то подобии гостиницы. Ну, спасибо и на том.

Только вот почему я до сих пор в толстовке? Она тяжёлая, пропитанная влагой, и ткань липнет к коже, как напоминание о пещере, твари и падении в руки «блондинчика».

Но тут мои радужные размышления были грубо прерваны. Дверь скрипнула, впуская сквозняк с запахом дыма и мокрой земли, и вошли мои «ролевики» — те самые, с лошадьми, телегой и мечами, теперь без курток, но в тех же туниках, что странно переливались в свете масляной лампы. Брюнетик и блондинчик замерли на пороге, переглянувшись, и один — блондин — шагнул ближе, протягивая ко мне руку с какой-то тряпицей.

Мой разум в очередной раз «помахал мне ручкой, до встречи!»: мир качнулся, тьма накрыла с головой, и я осела на пол, как подкошенная. Вообще, если честно, с такой резвой периодичностью я в обмороки в жизни ни разу не падала

— ни от жары, ни от вида крови. Это уже не галлюцинации, а что-то системное: стресс, сотрясение? Или я, правда, сейчас в средневековье?!

Очнулась я уже в другом «бреду» — причём с явно зловещим, полумистическим уклоном, где романтика с красавчиками-воинами уступала место ужасу. Я лежала в тонкой белой сорочке с кружевными оборками — прохладной, почти прозрачной, как саван, — на каком-то каменном столе, холодном и твёрдом, что впивался острыми камнями в спину через ткань. Воздух был пропитан сыростью и ладаном, а тело моё зябло от сквозняка.

Как я сюда попала? Последнее, что я помнила, — те воины в дверях, а потом провал. Должно быть, меня снова похитили, пока я была без сознания. Похоже, мои «спасители» оказались не такими уж спасителями... Или это сделали другие. Я смутно припоминала чьи-то грубые руки, волокшие меня куда-то в темноту, и вонючую тряпку, прижатую к моему рту. А когда я очнулась — вот она, реальность. И ещё: мою одежду сняли. Значит, меня переодевали. Мерзость какая.

Повернув голову в сторону, я увидела справа от себя изображение какого-то демонического создания — фреску на стене: рогатое, с пламенем в глазах, высеченное в сером камне, словно страж из средневекового ада. Бросив взгляд в противоположную сторону, я буквально застыла на месте от дикого ужаса, сердце ухнуло в пропасть: какой-то бородатый мужик в синем балахоне — жрец? — стоял у алтаря, бормоча

заклинания. Рядом с ним находилась странная девка в белом одеянии, с лицом, бледным, как воск, и глазами, горящими фанатизмом. А позади, как мне показалось, толпился народ — некие тени фигур в капюшонах, — которые что-то молитвенно завывали, голоса их эхом отдаваясь в сводах здания.

Шёл дождь — капли стучали по крыше, просачиваясь сквозь щели, — вокруг меня витал дым странный, густой, с примесью трав и серы, холод собачий пробирал до костей.

— Э-э-э, так я простыну тут, народ, скоро... Пустите птичку на волю! Жуткий кошмар... Почему я не просыпаюсь? Это уже не сон — ритуал какой-то, жертвоприношение? — в моей голове вихрем пронеслись клише из ужастиков: секта, древний обряд, и я — главная звезда на алтаре.

Я завозилась на столе, пытаюсь встать на ноги — тело инстинктивно рванулось к свободе, — но что-то мешало: запястья и щиколотки охватывало нечто ледяное, металлическое — браслеты? Цепи из серебра или железа, холодные, как могильный камень, впивались в кожу, почти не давая пошевелиться. Сердце отчаянно заколотилось, отдаваясь в ушах громом, и на меня накатила волна безумного, полумистического страха — того, что парализует, как тень смерти.

Я попыталась закричать — зов о помощи, что разорвал бы этот кошмар, — но горло словно сдавило невидимой рукой: из него вырвался лишь тихий, полный ужаса хрип, вибрирующий в груди, как предсмертный стон.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! Мамочки! — сердце лихорадочно

застучало, адреналин хлестнул по венам, я рванулась сильнее, дёргая цепями, чувствуя, как металл царапает кожу, но девка — эта белая тень — с неожиданной силой уложила меня обратно, прижав ладонью к груди. Её прикосновение было холодным, как лёд, а глаза — пустыми, без жалости, глаза безумной фанатички. Мир сузился до этой клетки: я в ловушке, и выхода нет.

— Проснись, Аля... Проснись!

И на этом самом замечательном моменте — кульминации всего этого абсурдного фарса — я, наконец, заметила, что бородатый мужик с впечатляющим ножичком своей хилой, но уверенной рукой простёр его над моей головой, надо мной — многострадальной жертвой ритуального произвола. Лезвие сверкало в полумраке, отражая блики от свечей, — ритуальный кинжал, украшенный рунами, что казались выжженными на металле. Он что-то вещал нараспев, глаза мужичка закатились в фанатичном экстазе, а та девка рядом делала отменно прочувствованное лицо — бледное, сосредоточенное, как у монашки, погружившейся в молитву, — и выла что-то такое молитвенное, мелодичное, но от того становилось ещё жутче.

— Ага, «фанатичка погрузилась в молитву — вернётся через полчаса». Сектанты, блин, чёрт, зараза! Вот попала, так попала! — в моей голове вихрем пронеслись все те идиотские фильмы ужасов: тайные общества, древние культы, и я — в главной роли на алтаре. — Почему именно я? За что

этот бред?!

Страх смерти — тот холодный, липкий ужас, что сковывает тело, — неожиданно притупился, уступив место безрассудной смелости, той самой, что рождается на грани отчаяния. И я, конечно, как любой нормальный русский человек в подобной ситуации, привычным «русским матерным» — тем самым красноречивым, размашистым потоком, что вырывается из глубин души в моменты экстрима, — выразила всё своё отношение к происходящему событию: к свидетелям этого цирка — тем теням в капюшонах, что бормотали в унисон, а особенно к главным действующим лицам: мужику с ножом и девке — с упором на их сомнительное происхождение, запутанные взаимоотношения, мужские способности одного и плесень на одном месте у той особы женского пола. Слова летели, как пули из автомата: хриплые, яростные, эхом отскакивающие от каменных сводов. Это был мой протест — крик души, что разорвал тишину ритуала, — и на миг мне показалось, что даже эти фанатики дрогнули, услышав эту чужеродную, грубую речь.

И на этом самом проникновенном моменте моего монолога — когда я добиралась до кульминации, обещая всем «вселенскую кару» в виде северного пушистого зверька за их безумие, — мужик вдруг искажил лицо в «типа страшном» оскале: брови сдвинулись, губы искривились в гримасе ярости, и он замахнулся ножом, поднимая его высоко, как в театральной драме. Лезвие свистнуло в воздухе, а девка в этот

миг — как по команде — заорала пронзительно, раздирая воздух таким воплем, что вздрогнули даже камни.

Я инстинктивно рванулась в сторону — тело дёрнулось, мышцы напряглись до боли, — но кандалы были закреплены слишком прочно: тяжёлые браслеты впивались в запястья и щиколотки, цепи звенели, не давая даже отползти назад, спастись от удара.

— Где вы, мои спасители? Те «ролевики» с лошадьми? Или это сон, и нож — всего лишь тень? — я снова попыталась закричать — зов о помощи, что эхом разнёсся бы по залам, — но горло снова сдавило: из него вырвался лишь жалкий хрип, полный паники и отчаяния. — Ма-моч-ки...

Сердце колотилось, как барабан войны, в ушах стучала кровь.

— Карала! — почти понятно завопили эти два «сектанта» хором, их голоса слились в унисон, вибрируя по стенам.

«Зрительный зал» — толпа в капюшонах, простые люди с лицами, искажёнными суеверием, — повторил за ними, наращивая громкость:

— КАРАЛА!

Слово эхом прокатилось по залу — «карала» — как приговор, что повис в воздухе, густом от дыма ладана и страха. Но на место страха пришла безумная ярость — горячая, ослепляющая, как вспышка молнии: она хлестнула по венам, заставив забыть о боли в руках.

— Ага, конечно, карала! Всех я карала — и ещё покараю

за этот беспредел, творящийся в тенях! Только вот кандалы немного мешают: эти чёртовы цепи, холодные и неумолимые, приковали меня к столу, как жертву в древнем мифе. Вот выберусь — и придёт вам «вселенская северная пушистая карала», карать за каждый миг этого кошмара, — я дёрнулась снова, зубы скрипнули, мой взгляд впился в лицо жреца — мой вызов, чистый и яростный.

И тут, словно в ответ на мои безмолвные молитвы — или на ту бурю в душе, что разрывала её в клочья — ворвались они: КАРАТЕЛИ! В стиле «А теперь, внимание — сюрприз: к вам пришла ваша героическая смерть! Всем привет!»

Двери — или те щели в каменной стене, что служили входом, — распахнулись с грохотом, впуская хаос: вспышки света от факелов, топот сапог, крики, что перекрыли завывание жрецов. Мои «ролевики» — брюнетик и блондинчик, были теперь в полном боевом облачении, с мечами в руках и доспехами, что звенели металлом, они буквально вломились в зал. Дальше всё происходящее напоминало мне фэнтезийный фильм — хаотичный, эпичный, с замедленной съёмкой в голове: сектанты — или жрецы культа — ринулись в драку, размахивая импровизированным оружием; крестьяне из «зрительного зала» разбежались в панике, как стадо; средневековые рыцари — мои спасители — рубились с грацией, выкованной веками; а я...

Я — жертвенная дева, закованная, но живая, лежала на каменном столе посреди этого вихря теней и стали. Клинки

скрещивались, искры летели, кровь — надеюсь, не моя — брызнула на камень. И в этом безумии я, наконец, поняла: это не сон. Это реальность — дикая, чужая, но в настоящий момент моя!

Мой разрыв между осознанием и действием длился не больше секунды — а может, вечность, — но за это короткое «кино в голове» мир вокруг успел переписать сценарий заново. И первый кадр этого нового, кровавого блокбастера выглядел так.

Кадр первый — геройский, где реальность сливалась с кошмаром, а воздух пропитался запахом крови и ладана. Как раз в тот миг, когда нож жреца завис над моей грудью, словно приговор, — на торжественный помост справа от этих полоумных клириков-сектантов буквально влетел «блондинчик в образе». То есть: мускулистый, полуголый до пояса воин — этакий местный Конан-варвар после обесцвечивания волос, но с внешностью, что затмит любого голливудского атлета. Длинные белые пряди развевались на ветру, как знамёна бури, кошачьи зеленые глаза пылали демоническим огнём, а на руках были когти, острые, как серпы луны, что удлинялись в полёте. Он подлетел с грацией хищной птицы к бородатому мужику и, вот так запросто, словно попросил зажигалку для сигареты, схватил его за шею. Раздался хруст — короткий, хлёсткий, как сломанный стебель, — и голова отлетела в сторону, тело медленно осело на помост, заливая дерево алой рекой. Толпа — этот «зрительный зал» из суе-

верных крестьян и теней в плащах с капюшонами — ахнула в унисон, полный ужаса вздох эхом прокатился по своду, а я — заворожённо, с замиранием сердца — смотрела на это, не в силах отвести взгляд. Это было не просто убийство: это был акт божественного возмездия, где красота и жестокость сплелись в одно.

А дальше был кадр второй — воинственный, где сталь пела свою песню, а кровь рисовала узоры на камне. Одновременно с блондинчиком справа от главных фанатиков словно материализовался брюнетик — уже без лишних трансформаций, но с мечом в руке, клинок которого блестел, как молния в ночи. Он двигался плавно, как тень: замах от плеча, дуга металла — и девка в белом, та самая с фанатичными глазами, распалась напополам, от ключицы до пояса, с фонтанами крови, что брызнули в воздух. «Mortal Kombat» локального средневекового масштаба, блин: никаких спецэффектов, только реальный ужас и запах железа в воздухе. Её разрубленное тело ещё раз дёрнулось в агонии, но брюнетик уже шагнул дальше, вытирая лезвие о плащ, лицо его было спокойное, сосредоточенное, даже, как показалось, без лишней жестокости. Сектанты в плащах закричали в смеси ярости и паники, и ринулись в атаку, но это лишь усилило хаос: кто-то споткнулся о тело, кто-то метнулся к выходу, а их вопли смешались с лязгом оружия.

— *Nasta la vista, baby*, — только и смогла прошептать я, изумлённо глядя на происходящее вокруг меня, так и не веря

до конца в этот вихрь безумных событий. Слова эти вырвались сами — эхо из старого фильма, ирония спасения в абсурде, — но в голосе звенело облегчение, смешанное с тошнотой. Мир кружился: тела падали, крики эхом отражались от стен, а я — всё ещё прикованная — чувствовала себя зрителем в собственном кошмаре, где герои из моих «ролевых» спасителей стали реальностью.

И, наконец, кадр третий — гуманный, где ярость уступила место порядку, а страх — раскаянию под острым взглядом. После этого кровавого представления брюнетик повернулся к толпе — его фигура возвышалась на помосте, как фигура судьи в трибунале, — и он начал что-то грозно вещать: голос был низкий, гулкий, с рычащими нотками, что перекатывались по залу, как гром. И, видимо, в своей речи брюнетик ещё и очень прочувствованно «матерился» на своём странном наречии — ибо в момент этой проникновенной речи «зрительный зал» — крестьяне, жрецы, случайные свидетели — старался «врасти в землю»: кто-то пал ниц, бормоча что-то похожее на извинения; кто-то скукожился за колонной, изображая невидимку; другие — притворялись растением, столбом, неподвижными тенями в углу.

А блондинчик, тем временем, встал рядом с брюнетиком и лёгким движением руки разорвал мои кандалы: когти сверкнули, металл хрустнул, как ледяная корка, и цепи осыпались с лязгом, оставив на коже красные следы. Он благоклонно кивнул мне — словно жестом защитника, — и тоже

что-то изобразил перед толпой: скрестил руки на груди, обвёл мрачным взглядом зал, словно спрашивая: «Ищу жертву — добровольцы будут?». Его зеленые глаза полыхнули предупреждением, и толпа затихла окончательно, сломленная этим дуэтом — воином и демоном.

И в этом хаосе — от первого удара до эха раскаяния — время растянулось, как в замедленной съёмке: а я сидела на каменном столе, потирая запястья, сердце всё ещё колотилось, но страх ушёл, смытый волной адреналина. Нет, это был не фильм: кровь была теплая, запах был реальный, а мои спасители — живые, дышащие, с явно выраженным гневом на их лицах. Что дальше? Вопрос повис в воздухе, густом от дыма благовоний и надежды на адекватность происходящего.

И вот сидела я на краю этого проклятого «жертвенника» и тряслась от пронизывающего холода, словно лист на ветру. Зубы мои выбивали такую ритмичную дробь, что полк барабанщиков из оперы позавидовал бы: клац-клац, эхом отзываясь в каменном зале и смешиваясь с шумом дождя. А окрестности я теперь мрачно рассматривала в ближайшем разбитом окне — панорама открывалась откровенно унылая, но правдоподобная: на заднем фоне приютилась деревенька, сгорбленная под серым небом, — несколько покосившихся хижин с соломенными крышами, а вот дальше виднелись домики получше с дымком из труб. Снаружи был дождь со снегом, который смешивался в ледяную кашу, и

порывами из разбитых окон внутрь здания налетал ледяной ветер, что замораживал всё до костей, холод был поистине собачий, пробиравший до мозга, словно дыхание зимы из могилы.

А на «жертвенном» столе стояли каменные чашки с огоньком, тусклым и дрожащим, как последние искры надежды, и сидела я, как типичное «Кентервильское привидение», бледная, как полотно, с посиневшими от холода руками и ногами, кожа моя была в мурашках, в глазах щипало от размокшей туши, что растеклась чёрными дорожками по щекам, волосы висели сосульками, слипшиеся от влаги, и в этой белой кружевной сорочке, что теперь липла к телу, как мокрый саван, как напоминание о только что пережитом аде.

Я слезла с жертвенного стола — медленно, осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрых камнях. Еле подошла поближе к одной из тех чашек с огнём — и стала греть мои озябшие руки возле пламени: тепло было робкое, но спасительное, ласкающее кожу, как первый глоток чая в мороз. Пальцы покалывало, возвращая их к жизни, а я теперь полусидела на этом столе, чтобы не касаться ледяного пола, уставившись на огонь, и думала: «Ну вот, Аля, поздравляю, ты жива, но в каком ты цирке?»

Видимо, эти мои шевеления и отвлекли парней от их «поиска экзекуции» для народа, когда они, эти мои спасители, как раз набирали обороты в своих грозных речах, но теперь они замерли, повернувшись ко мне.

Блондинчик повернулся первым — его зеленые глаза, ещё миг назад горевшие яростью битвы, внезапно смягчились, наполнились виноватым блеском, словно он сам себя укорял за мою дрожь в этом ледяном аду. Разве что рукой по лбу не стукнул в раскаянии — и он рванул с помоста куда-то в сторону за разбитые двери, движения его были молниеносными, грациозными, как у хищника. Но через пару мгновений он вернулся — с роскошным меховым плащом в руках, поистине королевским сокровищем: мех был густой, бархатистый, золотисто-коричневый, с подкладкой из пурпурного бархата, что переливался в полумраке, как рубин в огне, и тонкой золотой вышивкой по периметру — руны или древние узоры, но мне это было неважно. Он завернул меня в этот плащ — нежно, но крепко, обволакивая теплом, что мгновенно проникло сквозь тонкую сорочку, — уселся на край помоста, прижал меня к своей широкой груди и начал укачивать, как ребёнка в колыбели. Ладонью он гладил меня по голове, по спутанным, мокрым волосам, и говорил мягким, низким голосом на своём загадочном наречии что-то такое доброе, нежное, но интонация его речи была универсальной: успокаивающей, обещающей, что всё позади, что теперь всё хорошо. Буквально в этот момент картина маслом нарисовалась — «Старший брат и его непутёвая сестра»: его объятия источали жар, а я, прижавшись к его груди, чувствовала биение его сердца, ровное и мощное, как барабан войны в мирном ритме.

Я понемногу согревалась, веки тяжелели, и на миг — всего на один предательский миг — мне даже показалось, что самое страшное действительно осталось позади. Что сейчас этот блондинчик дотащит меня до тёплой комнаты, уложит в постель, и я просто усну, а утром проснусь если не дома, то хотя бы в более внятной реальности. Но недаром говорят: если в фэнтезийном мире тебя укутали в царский мех, прижали к могучей груди и замурлыкали успокаивающие заклинания — жди подвоха. Моё чутьё, которое ни разу не подводило меня ни в драках, ни в аварийных ситуациях на дороге, вдруг ожило и завопило благим матом.

И что-то мне моя левая пятка запредчувствовала неладное, а правая полупопия моя уже точно уверяла: всё далеко не хорошо, и всё далеко не позади. Главная заварушка ещё намечалась — как туча на горизонте, — а это так была лишь репетиция оркестра. И даже репетиция перед одной из репетиций, скромная увертюра перед бурей.

Я постепенно согревалась — ещё бы: сидя на руках у «демонического Конана-варвара, секс-символа из легенд», который пылал жаром, словно живая печка, и, кажется, совершенно никогда не мёрз в этой своей жизни. Его тело буквально источало тепло, как вулкан в зимней ночи, прогоняя мой озноб. Кровь прилиwała к щекам, пальцы оттаивали, а дрожь уступала место ленивой истоме, но разум шептал: это затишье перед штормом. А брюнетик, тем временем, напоследок что-то страшно грозное рыкнул — голос его прогре-

мел, как раскат грома над полем, — и кулаком толпе погрозил. Народ тут же пал ниц, мордами в грязь, в эту хлюпающую слякоть, что пропитывала одежды, а ручки свои умоляющие простёр, бормоча мольбы о пощаде. Мой спаситель прыгнул с помоста — ловко, как воин после триумфа, — опять кулаком толпе погрозил и рыкнул ещё раз, усиливая угрозу, эхом разнося её по площадке. С неба, словно в ответ на его ярость, грянул гром — мощный, оглушительный, — сверкнули молнии, разрывая серые тучи, и даже деревце одно неподалёку от этого «храма» вроде как загорелось: пламя лизнуло ветви, треща в сыром воздухе, добавив апокалипсического драматизма. На этом экзекуция народа закончилась — толпа замерла в покорности, сломленная этим союзом героической мощи и небесного гнева, — и тишина повисла, тяжёлая, как плащ на плечах.

Блондинчик, тем временем, не выпуская меня из крепких нежных объятий своих рук, просто прыгнул вниз с помоста лёгким, уверенным движением, что не потревожил даже моё избитое тело, и понёс «спасённую даму» в направлении той самой деревеньки: шаги его были размеренными, сквозь лужи и грязь, ветер хлестал по лицу каплями дождя, но в тепле его объятий таилась безопасность. Брюнетик последовал за ним, ведя за собой лошадей, молча, как верный страж, с мечом наготове, оглядываясь на толпу, что не смела даже шелхнуться. Мы уходили — из этого ада в неизвестность, — и в душе моей теплилась надежда: спасены ли мы на самом

деле, или это лишь пауза в очередной симфонии бед? Время покажет, а пока у меня было тепло в крепких мужских объятиях, и это уже было победой.

— Странно, — мелькнула мысль, пока я, высунув кончик носа и один любопытный глаз из мехового плаща, в который меня так заботливо завернули, осторожно рассматривала окрестности. — Или здесь была поздняя осень, или зима выдалась необычно тёплой, или просто ранняя весна. Должен был быть снег — чистый, пушистый, укрывающий землю как одеяло. Здесь, определённо, должен был быть снег, который я видела в разбитом ведре мороз щипал кожу, а воздух пахнул влагой и хвоей. Так где же он? Неужели этот мир — или что это такое — играл по своим правилам, где сезоны смешивались, как цвета в калейдоскопе?

В общем, эти «спасители» принесли меня с царственной небрежностью, видимо, в местную гостиницу: скромное здание из потемневшего дерева, с низкими балками и запахом дыма в воздухе. Народ внутри тут же пал ниц на пол — лица в пыли, плечи сгорблены в покорности, — хозяин, толстый, как бочка, втянул пузо в щёки, словно пытаюсь стать меньше, на карачках пополз к парням и что-то проскулил жалобно, на их таинственном наречии, словно умоляя о милости. А те просто прошествовали мимо них со мной на руках — величественно, не удостоив никого взглядом, ноль внимания на всех этих сломленных фигур, — прямо до «номеров», то есть комнат на втором этаже, где скрипели доски под нога-

ми, а из окон виднелись силуэты деревьев в сумерках.

И ведь доставили они меня до знакомой комнаты — той самой, где я очнулась ранее, — до знакомой кровати с грубой, но чистой периной, вон умывальник знакомый виднелся в углу, медный и потрёпанный временем. Блондинчик сел на край кровати, меня из рук не выпустил — объятия его были тёплыми, надёжными, — и начал шептать что-то ласковое, низким, вибрирующим голосом, а по голове меня гладили его сильные пальцы, успокаивая, словно я была раненым птенцом. Брюнетик тем временем дверь открыл — с грохотом, что эхом разнёсся по коридору, — и что-то в проём рыкнул: короткий, рычащий приказ, полный авторитета. В результате чего, ровно через пару минут — как мне показалось в те мгновения расслабленной полудрёмы из-за всего пережитого и теплых мужских объятий, — слуги — несколько парней в потрёпанных туниках, с опущенными глазами — вкатили в комнату деревянную ванну: массивную, с резными боками, что пахла свежим деревом. Горячей водой её заполнили — пар поднимался клубами, обещая рай в этом холодном мире, — какие-то кувшинчики принесли, видимо с ароматными маслами и травами, и буквально ретировались из «номера» с «крейсерской» скоростью, пятясь к двери, чтобы не поворачиваться к моим «спасителям» спиной.

Блондинчик уже сидел на широкой кровати, прижимая меня к груди, когда к ней подошел брюнетик. Он просто опустился на край постели с другой стороны, повернулся к нам

и замер. Блондин чуть ослабил объятия, но не выпустил меня, и они оба уставились на меня с таким виноватым видом, словно школьники, которых поймали на поджоге учительского стула. Они заговорили почти одновременно, перебивая друг друга, низкими, умоляющими голосами на своём странном наречии. Я не понимала слов, но интонация была предельно ясна: *«Прости меня, Васенька, дуру грешную!»* — вот так, наверное, звучало бы их извинение на русском, с нотками древнего ритуала и искренней тревоги за мою судьбу.

А я смотрела на всю эту картину и размышляла:

— Ага, так вас, гады, так! Не укараулили, чуть не из-за вас меня, невинную, на амулеты от нечисти не порезали — в жертву отдали этим фанатикам.

И на этом моменте я уже окончательно уверилась в достоверности всего со мной происходящего: так натурально в бреду я бы зубами не клала от холода, так не мёрзла до костей, да и парни были слишком настоящие — тёплые, живые, с запахом лесных трав, пота и крови. А мужик с той девкой уж слишком уж натурально скончались на моих глазах, кровь их ещё, наверное, не высохла на том помосте. Что ж, значит, я оказалась в неизвестной потусторонней реальности — или параллельном мире, где магия реальна, а авария всего лишь — портал сквозь миры. И надо было что-то с этим делать: выжить, разобраться, найти путь назад. А это уже приводило меня к общему выводу о ситуации, что есть две приоритет-

ные стратегические задачи передо мной в этом мире: первая — освоиться и не сдохнуть; а вторая — вернуться домой, к знакомому миру с маршрутками и Новым годом.

Послушала я их с минутку — слова лились потоком, полным раскаяния, эхом отражаясь от стен комнаты, — руку свою простёрла над кающимися, как благословение в старом обряде, и произнесла, заикаясь от остатков холода и усталости:

— П-п-парни, м-м-оя т-т-воя ни хр-р-ена не п-п-понимай! Ав-в-век п-п-плезир, м-м-не п-п-переводчика с р-р-русского на т-т-тарабарский.

Тут брюнетик одной рукой хлопнул себя по лбу — жест был таким выразительным, полным самобичевания, словно он только что осознал собственный грандиозный промах, — подошёл ко мне ближе, наклонился, и второй рукой провёл перед моим лицом: знакомый жест, эхом отозвавшийся в памяти от предыдущих «отключек», но на этот раз такой реакции не последовало. Наоборот — этот результат превзошёл даже все наши самые смелые ожидания: мир вокруг не потемнел, а, напротив, вспыхнул ясностью. В ушах моих вдруг зазвучали слова не как хаотичный поток шипящих звуков, а как чёткий язык — мелодичный, с древними корнями, где каждое слово несло оттенки значения: честь, покаяние, магия. Комната — скромная, но уютная, с треском поленьев в очаге, что грел воздух ароматами сосны и специй, — словно обрела новые контуры, а лица спасителей озарились в свете

от единственной масляной лампы, висевшей на стене.

Брюнетик выпрямился, его глаза — тёмные, пронизанные раскаянием, — встретились с моими, и он произнёс низким, уважительным голосом:

— Светлая дева! Простите меня! Теперь вы можете нас понимать.

Я расхохоталась:

— Ага, дева я, светлая — особенно дева в мои-то года, когда те исторические времена канули в Лету, а в зеркале отражается женщина с опытом за плечами.

Кстати, в комнате-то натоплено: жар от очага лился волнами, прогоняя остатки озноба, и я даже согрелась окончательно, больше не изображая полк барабанщиков зубами. Пальцы мои всё ещё были онемевшими, но кровь уже постепенно прилиwała, возвращая ощущение реальности — этой странной, чужеродной, но уже понятной.

— Гранд мерси вам, милый юноша, за апгрейд моего сознания! — буркнула я брюнетику, сарказм скользнул по языку, как привычный щит от хаоса. Голос мой всё ещё дрожал слегка от пережитого, но слова текли свободно, на их наречии, что теперь звучало в голове как родное, с лёгким акцентом моей былой речи. — А теперь, парни, я вас внимательно слушаю и настоятельно рекомендую рассказывать всё подробно: какого хрена я тут делаю, какого хрена меня фанатики хотели распотрошить на сувениры, что вообще в стране творится, какая политическая обстановка, как мне из всего

этого дерьма выпутаться? И, внимание, главный вопрос — какого хрена я в сорочке? Где моя одежда, мать вашу, извращенцы чертовы?!

Едва отойдя от пережитого сегодня стресса — того вихря из теней, крови и цепей, что ещё эхом отдавался в висках, — я перешла в «нападение»: со мной так всегда бывало, когда нервы натягивались до предела, — я вдруг начинала резко хамить окружающим, сбрасывая накопленный негатив, как змея старую кожу. Мужчины замерли, их лица — смесь удивления и покорности — отразили мою ярость, словно зеркало: брюнетик опустил взгляд, блондин слегка потупился, но оба даже не шелохнулись, ожидая предстоящей бури.

— И ещё крайне настоятельно вам советую не доводить меня до состояния «Изволю гневаться», — добавила я, голос мой окреп, переходя в стальной тон, полный иронии и предупреждения. — И для справки: я не светлая и тем более не дева. В моём возрасте это уже просто неприлично — слишком много историй позади, слишком мало иллюзий впереди. Так что давайте по-честному: объясняйте, пока я не взорвалась, как та склянка на морде чудовища.

Парни удивлённо посмотрели на меня — их глаза, ещё недавно полные решимости воинов, теперь расширились от моего резкого тона, — но, видимо, они решили не обращать внимания на этот выпад, словно такие вспышки гнева были им привычны при общении с любыми «светлыми девами» или кем там они меня считали.

Они переглянулись, кивнули друг другу, и общий рассказ моих спасителей свёлся к следующему: они говорили по очереди, низкими, ритмичными голосами, что эхом отражались от деревянных стен комнаты, пропитанной теплом очага и лёгким ароматом трав. Блондин начал, опустив взгляд, а брюнетик подхватывал, словно в ритуале, — и в их тоне сквозило глубокое раскаяние, подкреплённое виноватыми глазами, что блестели в свете лампы, как у провинившихся щенков.

— Простите нас, сиятельная госпожа! — произнёс брюнетик первым, склонив голову ниже, его тёмные волосы упали на лоб, скрывая морщину беспокойства. — Мы вас не уберегли. Мы думали, что в этой деревне вам ничего не грозит, и слишком мало охранных заклинаний поставили вокруг вашего пристанища.

Блондин кивнул, беря эстафету, и его глаза, уже преобразившиеся из жёлтых в привычные мне цвета зелёной листвы, вмиг потухли, отражая вину за допущенную оплошность.

— Мы вас случайно вызвали из другого мира заклинанием «Последнего призыва», — продолжил он, голос его стал тише, почти шёпотом, словно эти слова были тяжёлым бременем. — И так вышло, что вы спасли это графство от Крага — того древнего демона, что сеял хаос в наших землях, — убили его и выжили при этом. Но, пока мы отошли из гостиницы, вас успел похитить так называемый «Совет высших адептов Каралы».

Они снова обменялись взглядами, и брюнетик подхватил, его кулаки невольно сжались, вспоминая недавнюю битву.

— Ведь, если вы выжили после столкновения с демоном, то они решили, что именно вы и призвали Краага из нижнего мира, — объяснил он, слова его падали тяжело, как камни в воду. — Поэтому вас объявили «проклятой гаргулей нижнего мира» и решили принести в жертву Карале, древней богине мести и теней. Хотя в нашем королевстве уже тысячелетия как исповедуют веру в Великого Творца — единого бога света и порядка, но в отдалённых деревнях, как эта, люди всё ещё цепляются за старые верования, скрытые культы и обряды, что передаются шёпотом от поколения к поколению.

— Кроме того, в последнее время демоны из нижних миров прорывались всё чаще, — добавил блондин. — Они сильно различались по мощи: одних мог одолеть простой боевой заговор или даже деревенский маг со скромным талантом, а на других... на других ничего не действовало, кроме древней магии или жертвы, как той, что уготовили вам.

На этом лирическом моменте — когда их рассказ начал кружить голову, как вино из сказочного кубка, — я их прервала: меня слегка затрясло, словно от внезапного озноба, хотя очаг пылал жарко, бросая танцующие блики на стены. Услышанное заставило меня сильно нервничать — мир, что они описывали, казался паутиной из легенд и кошмаров, где я, Аля из современного мира, оказалась случайной нитью.

Я с силой вцепилась в край одеяла — пальцы побеле-

ли, ткань смялась в кулаках, — глубоко вздохнула, пытаюсь унять сердцебиение, и тихо произнесла, голос мой дрогнул, но слова вышли твёрдыми, как вызов:

— Значит, так, милые юноши, вопрос номер один: почему я должна была скоропостижно скончаться после безвинного убийства вашего Краага от этого заклинания «Последнего призыва»? Вопрос номер два: почему понадобилось вытаскивать именно меня из другого мира? Мой мир далеко не нижний — он очень даже замечательный, верхний, с его развитыми технологиями и прочими простыми радостями, а не с демонами и ритуалами. И что, вам самим не судьба была прикончить этого Краага? Зачем невинной, хрупкой девушке — то есть мне, с её нежными руками и нулевым опытом в магии, — брать на себя бремя спасения какого-то зачуханного графства? Объяснитесь, пока я не лопнула от любопытства... или от ярости.

Дальше они рассказали мне, что они — Равэон и Аланэтон, или Алан и Рав, как я их назвала про себя — были в эти края по заданию какого-то Архимага, чтобы разобраться с нашествием демонов. Крааг оказался сильнее, чем ожидалось, и они применили запретное заклинание, которое должно было призвать существо из нижнего мира, способное уничтожить демона ценой собственной жизни. Но вместо демона появилась я, которая не только выжила, но и уничтожила Краага без всякой магии, какой-то взрывающейся склянкой. Это вызвало переполох среди магов и, в конце концов,

привело к тому, что местные фанатики сочли меня воплощением зла.

— Мы не знали, что они нападут, — покаянно добавил Алан, — мы думали, что, пока вы лежите здесь без сознания, никто вас не тронет. Но эти твари как-то пронюхали про чудо с Краагом... И вот результат.

— Ладно, с этим разобрались, — перебила я, чувствуя, как усталость наваливается, но и любопытство не отпускает. — Теперь главное: как мне вернуться домой?

Парни переглянулись. Рав ответил первым, осторожно подбирая слова:

— Это... сложно. Заклинание, которое вас призвало, было одноразовым и нестабильным. Мы не уверены, что портал можно открыть снова. Потребуется время, чтобы найти способ. Архимаг, возможно, сможет помочь.

— Да вы издеваетесь! — взорвалась я, вскакивая с кровати. — Меня вытащили в ваш безумный мир, чуть не зарезали, а теперь говорят, что обратная дорога — «сложно»?!

Я сделала несколько шагов по комнате, сжимая и разжимая кулаки, пытаюсь унять дрожь. Остановилась у окна, глядя на тёмную, беззвёздную ночь за стеклом. Снег всё падал, крупными хлопьями, укрывая землю белым саваном. Вдалеке, у края леса, мелькнул огонёк — волк? Или просто бродяга? Я не знала. И от этого незнания становилось ещё страшнее.

— Ладно, — выдохнула я, поворачиваясь к ним. — Допу-

стим. Вы обещаете помочь мне найти дорогу домой?

— Клянёмся, — в унисон ответили оба, и в их голосах впервые прозвучала искренность, почти клятва.

— Тогда мы ещё поговорим, — проворчала я, садясь обратно на кровать. — А сейчас — рассказывайте, что за чёртов план вы там придумали с этим Архимагом?

Рав начал рассказывать, и я, честно говоря, слушала вполуха. Какие-то Советы магов, Архимаг, Зимний замок... В голове шумело от усталости и переизбытка информации. В конце концов, когда он заговорил о том, что пора бы помыться и отдохнуть, я только кивнула, соглашаясь.

— Значит, так, — подвела я итог, — завтра едем к вашему Архимагу, и пусть он мне всё объяснит на пальцах. А сейчас — вы оба в душ, потом будем есть, потом спать.

Парни переглянулись, но спорить не стали. Видимо, поняли, что с капризной попаданкой лучше не связываться.

После того как парни вышли мыться, я, наконец, осталась одна в тишине комнаты. Я подошла к своей сумке. Спортивная, чёрная, с длинной лямкой, она пережила аварию, похищение и жертвоприношение. Я расстегнула молнию и запустила руку внутрь.

Телефон был на месте. Плеер был на месте. Наушники, косметичка, зарядные устройства, паспорт, кошелёк с рублями, сменная одежда — всё было там. На мгновение мне стало легче: эти маленькие кусочки моего мира — пластик, металл, тусклые экраны — казались якорем, который не да-

вал окончательно провалиться в этот фэнтезийный кошмар.

Я закрыла глаза и позволила себе несколько минут просто не думать о демонах, магии и том, как я здесь оказалась. В груди заныло — тоска по дому, по семье, по подругам, по ёлке, которую мы так и не нарядили. Слезы навернулись на глаза, но я сдержалась. Не время раскисать.

Пока парней не было, я приняла ванну — горячую, с ароматными маслами, которые оставили слуги. С наслаждением погрузилась в воду, чувствуя, как тепло смывает грязь, кровь и страх. Отмокала я, наверное, с полчаса, позволив себе забыть обо всём. Потом вымыла голову какой-то мыльной пастой из кувшинчика — волосы стали мягкими и приобрели странный медовый оттенок. Вылезла, вытерлась мягким полотенцем. Надела чистую футболку, тёплые спортивные штаны, свежие носки. Сразу стало легче.

Вернулись парни — вымытые, в сухой одежде, с подносами еды в руках. Брюнетик нёс горячее мясо, блондинчик — хлеб и кувшин с вином.

— Мы подумали, вы проголодались, госпожа, — сказал Алан.

— А то, — буркнула я, но внутри шевельнулась благодарность.

Ужинали мы на полу, на расстеленном клетчатом ковре. Я плюхнулась прямо на него, скрестив ноги, — парни переглянулись, но промолчали и сели рядом. Ели мы молча, жадно, потому что я была голодна как волк, а они, видимо, после

битвы и погони тоже. Мясо оказалось сочным, хлеб свежим, вино — терпким и тёплым. Я даже не стала возражать, когда Рав подлил мне второй кубок.

Когда последний кусок мяса был отправлен в рот, а дно тарелки засияло девственной чистотой, я отставила посуду в сторону и несколько мгновений просто сидела, прикрыв глаза, чувствуя, как сытость мягко разливается по телу, унимая остатки дрожи. Парни терпеливо ждали, не торопили. В комнате потрескивал камин, где-то за окном падал снег, и в этой почти домашней тишине мой разборчивый внутренний голос наконец скомандовал: хватит прятаться за едой, пора задавать вопросы.

Я с трудом поднялась с ковра — ноги затекли, но в теле, наконец, появилась хоть какая-то сила. Парни мгновенно вскочили следом, но я жестом остановила их порыв помочь мне встать. Сама, держась за край кровати, я забралась на высокую перину, кое-как устроилась в горе подушек и с наслаждением откинулась на спину, прикрыв глаза. Кровать оказалась неожиданно уютной — пахла травами и теплом, а подушки мягко облепили усталое тело. Не открывая глаз, я похлопала ладонью по покрывалу слева и справа от себя.

— Садитесь уже, — буркнула я. — И рассказывайте. Почему вы вообще решили меня спасти? Я же для вас — чужая, непонятная, без магии.

— Вы убили Краага, — просто ответил Алан. — Этого достаточно.

— И вы — наша гостья, — добавил Рав. — Пусть и неожиданная.

Я хмыкнула, но спорить не стала.

Я ещё посидела немного, прикрыв глаза под треск камина, а потом всё же заставила себя подняться и спросить у парней про уборную. К счастью, цивилизация в этом диком мире оказалась на некоторой высоте и уборная, находившаяся в соседнем помещении, имела признаки развитой цивилизации.

Вернувшись в комнату — чистая, расслабленная, в свежей майке и домашних штанах, — я забралась на кровать, подтянула к себе сумку и запустила руку в боковой карман. Плеер, старенький, потёртый, но верный, лежал на самом дне, аккуратно обмотанный наушниками. Я распутала провода, вставила штекер в гнездо, сунула наушники в уши и, не глядя, наугад ткнула «плей». Из динамиков зазвучала та самая композиция, которую я слушала перед аварией — странное дежавю, от которого к горлу подступил комок. Я откинулась на подушки, закрыла глаза и позволила музыке заполнить паузу между реальностями.

Но музыка вдруг прервалась, а экранчик плеера моргнул и погас. Я нажала на кнопку — ноль реакции. Батарейка села в ноль. Чёрт! А зарядки-то у меня с собой — пауэрбанк, но он ещё с автобуса в пути почти разряжен, телефон тоже дышит на ладан: процентов семь, не больше. Я спрыгнула с кровати и вытащила смартфон — он еле светился, на дис-

плее мигала красная иконка. И тут меня накрыло отчаяние: если сядут гаджеты окончательно — я останусь совершенно одна, без связи с моим миром, без музыки, без фонарика, без хоть какой-то ниточки, которая держала меня за реальность.

— Да чтоб вас! — вырвалось у меня громче, чем хотелось. Я плюхнулась обратно на кровать, стиснула зубы и уставилась в потолок, чувствуя, как к глазам подступает злость пополам с обидой.

Парни, услышав мою тираду, переглянулись, а потом блондин — Рав — тихо поднялся и приблизился к краю кровати.

— Госпожа, что случилось? — спросил он, вглядываясь в моё лицо с искренним беспокойством. — Вы расстроены. Это из-за этих... странных предметов?

Он кивнул на плеер и смартфон, которые я сжимала в руках, словно утопающий — спасательный круг.

— *Батарейки* сели, — буркнула я, шмыгнув носом. — *Аккумуляторы*. Энергия кончилась. В моём мире эти штуки работают от *электричества*, а у вас его нет. Понимаешь? Нет *розеток*, нет *USB*, нет ничего. Я останусь без *связи*, без музыки, без возможности хоть как-то записывать происходящее. *Смартфон* мой — в кирпич превратится.

Алан нахмурился, затем повернулся к Раву и произнёс несколько быстрых фраз на их наречии. Рав кивнул, подошёл ближе, внимательно рассматривая мои устройства — прищурившись, как часовщик, перед которым поставили задачу

века.

— То есть, — медленно проговорил Рав, — эти предметы работают на чистой магии? На энергии, запасённой в них самих? И когда запас иссякает — они умирают?

— Ну да, — удивилась я. — Примерно так. Но это не магия, это *ионы, электроны, химия* внутри *батарей*. Но сути это не меняет: энергии нет — гаджет превращается в бесполезный кусок пластика и кремния.

Брюнетик вдруг расплылся в улыбке — впервые за всё время. Улыбка у него оказалась неожиданно тёплой, почти мальчишеской, с лёгким блеском в глазах.

— Госпожа, но это же так просто! — воскликнул он. — Мы не умеем чинить ваше... *электричество*, но мы умеем наполнять вещи энергией. Прямой передачи, конечно, нет, но есть базовое накопительное заклинание энергии — любой маг первой ступени умеет его создавать. Оно преобразует окружающую магию в любой вид силы. Холод, тепло... и то, что нужно этим вашим вещам.

— Да ладно, — я недоверчиво прищурилась. — Не дурите мне голову.

— Сейчас проверим, — сказал Алан и щёлкнул пальцами. В воздухе между его ладонями возник крошечный светящийся шарик — серебристый, пульсирующий, как живое сердце. Он мягко перетёк на мою ладонь, где лежал смартфон, и влился в корпус устройства. Экран телефона вдруг моргнул — и загорелся сам собой, показывая уже не семь

процентов, а целых семьдесят семь. Плеер — я судорожно нажала на пуск — тоже ожил. Из динамиков ударили гитарные риффы, да так громко, что парни вздрогнули: для них это, конечно, звучало как колдовская какофония.

— Опа, — выдохнула я, таращась на заряженный смартфон, как на чудо. — Работает! Правда работает!!!

Рав усмехнулся, скрестив руки на груди:

— Это простейшая подпитка энергией. Ваши *батарейки* устроены очень примитивно, госпожа. Для нас это как вдохнуть — выпустить немного сырой энергии, и всё готово.

— И часто вы так сморкаетесь магией? — хмыкнула я, не в силах сдержать улыбку. На душе вдруг стало удивительно легко. Да, гаджеты починили — пусть и не электричеством, а магией. Но работает же! Я снова могу слушать музыку, фотографировать это безумие, записывать голосовые заметки. Маленькая, но победа.

— Любые ваши вещи, нуждающиеся в энергии, мы сможем подзаряжать, — добавил Алан. — Хоть каждую ночь. Это не сложно — как разогреть воду в котелке. Только скажите, когда они снова ослабеют.

— Обещаю, — кивнула я, пряча заранее заряженный смартфон под подушку (на всякий случай). — Спасибо, мальчики. Вы сегодня меня уже второй раз спасаете: сначала от ножа, теперь от *цифровой смерти*. Я уж было попрощалась с *плейлистом* навсегда.

Парни вежливо поклонились — мол, в порядке вещей,

госпожа, обращайтесь, — и отошли к двери, но я их остановила.

— Слушайте, вы куда? На пол, что ли, собираетесь ложиться?

— Мы будем спать у окна и входа, чтобы защищать вас, — невозмутимо ответил Рав.

Я оглядела комнату: пол деревянный, холодный, сквозняк из щелей так и тянет. А парни, при всём их героизме, — такие же живые люди, как и я.

— На полу же дует, кости застудите, — сказала я. — Кровать вон какая широкая — места хватит на всех. Ложитесь рядом со мной. Вы и в тепле будете, и защита лучше — ни к двери, ни к окну никто не подкрадётся незаметно. Поколдуйте там ваших усиленных заклинаний охраны, например.

Алан поперхнулся воздухом:

— Госпожа, это совершенно неприлично! Вы — светлая дева, мы — воины, а спать на одной постели...

— Ах, оставьте свои средневековые заморочки, — усмехнулась я. — В моём мире парни и девушки часто ночуют в одной палатке или в хостеле, и ничего страшного. Тем более что вы мне доверяете, я вам доверяю. Мечтать начнёте о большем — пенделем разбуду, обещаю. Так что живо на кровать, и без препирательств!

Парни снова переглянулись — видимо, поняли, что спорить со мной бесполезно. Вдохнули, выбрали свои мечи и плащи и аккуратно, словно боясь разбудить саму кровать,

забрались на свободные края: Рав лёг с одного бока, Алан — с другого. Между нами оставалось порядочное расстояние — одеял хватало всем, а в ногах даже осталось место.

— Вот так-то лучше, — удовлетворённо сказала я, зарываясь в подушку. — Никто не замёрзнет, совесть моя чиста.

Я надела наушники, включила только что зарядившийся плеер — на этот раз выбрала спокойную композицию в стиле альтернативного рока, с её грустным, но убаюкивающим мотивом, — и откинулась на подушки.

Парни, устроившиеся рядом, с явным любопытством косились на мои наушники: откуда доносились едва слышные, чужие для этого мира звуки — гитарный перебор и голос, который они, конечно, не могли понять.

— Что это за колдовство, госпожа? — не выдержал Рав. — Вы слышите голоса? Духи?

— Не духи, а музыка, — усмехнулась я, приподняв один наушник. — В моём мире люди сочиняют мелодии, записывают их на такие штуки и слушают в любое время. Чтобы успокоиться, взбодриться или просто не сойти с ума от одиночества.

— Станные слова вы говорите, — покачал головой Алан. — Никогда не слышал о таких заклинаниях.

— Это не заклинания. Ладно, не берите в голову. Для вас я, наверное, действительно госпожа-чудачка из другого мира со странными словами.

Они переглянулись, но возражать не стали — кажется, это

определение их вполне устроило.

Я снова надела наушники, сделала звук тише и закрыла глаза.

Парни лежали неподвижно, как струны, боясь лишний раз пошевелиться, но постепенно их дыхание стало ровнее. Кровать под тремя телами слегка поскрипывала, но это даже убавляло.

— Госпожа, — тихо позвал Рав через пару минут.

— М-м-м?

— Вы... правда не боитесь спать рядом с нами? Мы же мужчины.

— А чего бояться? — буркнула я, не открывая глаз. — Вы мои билеты домой. Мёртвые билеты мне не нужны, а живые — очень даже. Спите давайте.

Он хмыкнул, но промолчал.

— И всё равно вы чудачка, — едва слышно добавил Алан откуда-то из-за моего правого плеча.

— А то, — повторила я, чувствуя, как уголки губ сами собой поднимаются в улыбке. — Спокойной ночи, мальчики.

— Сладких снов, госпожа-чудачка из другого мира со странными словами, — вдруг почти серьёзно ответил блондин.

Я едва не фыркнула от смеха, но сдержалась. Так и закончился этот бесконечный и безумный день. День, когда моя жизнь перевернулась с ног на голову.

Я лежала в тёплой постели под одеялом, чувствуя, как сле-

ва и справа ровно дышат два воина, спасшие меня сегодня от ножа, жертвоприношения и от холода, и думала:

— Ну что ж, Аля, ты всегда хотела приключений? Вот они — на всю катушку. Держись, девочка, и не пасуй. В конце концов, ты русская женщина — а мы, русские женщины, лошадей на скаку останавливаем и в горящие избы входим. А уж с магией, двумя телохранителями и демонами как-нибудь разберёмся.

С этими мыслями я провалилась в глубокий сон. Завтра намечался новый день, полный неизвестности и, возможно, опасностей. Но я уже была к ним почти готова.

Глава 3. "Мужчины как правительство..."

Глава 3. «Мужчины как правительство...»

Мужчины как правительство.

Красиво обещают,

и так же красиво объясняют,

почему не сдержали обещание.

(Народная мудрость)

Сон пришёл тяжёлый, вязкий, как старая патока, и такой же чёрный. Ни демонов, ни алтарей, ни криков — только глубокая, бесконечная пустота, в которой растворялось всё моё «я». Я проваливалась в неё, как в тёплое болото, и, кажется, даже не дышала. А потом пустота начала понемногу теплеть.

Сначала мне показалось, что это просто моя собственная кровь разгоняется по венам после долгого неподвижного сна. Но тепло становилось плотнее, осязаемее. Оно пахло мылом с травами, и чем-то неуловимо лесным, хвойным, горьковатым, как кора сосны после дождя. Я бессознательно потянулась к этому запаху, как цветок к солнцу.

Я не хотела просыпаться. Тело требовало ещё хотя бы полчаса забвения. Но подсознание, этот вечный бдительный страж, уже фиксировало детали одну за другой, складывая

их в картину, которая с каждой секундой становилась всё более неловкой.

Моя щека уткнулась во что-то твёрдое, но определённо живое — широкая грудная клетка медленно вздымалась под ритм чужого дыхания. Моя левая рука лежала на чьём-то плече, пальцы сами собой вцепились в ткань рубашки — тонкую, льняную, теплую. Моя левая нога нагло, бесстыдно перекинулась через чьи-то бёдра и устроилась между ними, колено упёрлось в простыню с другой стороны. И ещё одна нога, правая, тоже на ком-то лежала — чувствовалось тепло чужой поясницы под икрой.

«Это сон, — лениво подумала я, ещё не до конца проснувшись. — Просто очень реалистичный, тактильный, даже чересчур тактильный сон».

Но потом чья-то рука осторожно, почти боязливо погладила меня по спине — от лопаток до самой поясницы, едва касаясь, словно пальцы шли по раскалённым углям. Прикосновение было невесомым, но от него по позвоночнику пробежала россыпь мурашек. А вторая рука, тёплая и тяжёлая, спокойно лежала на моей талии, прижимая меня к себе. С другой стороны тоже кто-то дышал — ровно, глубоко, с лёгким присвистом.

Я замерла, всё ещё не открывая глаз. Сердце, только что дремавшее, пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. В голове разом включилась паника, заглушённая было остатками дремоты.

*«Кто?! Какого чёрта?! Где моё одеяло?! Где **моя** сторона кровати?!»*

Я помнила вчерашние договорённости. Мы заключили самый настоящий договор — устный, но железный. Спать на одной кровати, потому что комната одна, но **отдельно**: каждый под своим одеялом, на своей подушке, без случайных касаний в темноте. Я помнила, как Рав перед сном поцеловал меня в макушку — легко, почти по-отечески, и это ещё было сносно, почти приятно, если честно признаться. Помнила, как Алан пожелал спокойной ночи и отодвинулся на самый край. Я же заснула последней. Устроилась демонстративно в **центре** этой огромной кровати — чисто из вредности и эксперимента, заявив: *«Это моя кровать. Вы тут временно. Спать без касаний. Нарушителей буду пинать во сне»*. Рав тогда хмыкнул, Алан что-то невнятно буркнул про «гордую независимость вредных девиц». Они погасили свечи, и я провалилась в сон под скрип половиц и треск догорающих углей в камине.

И надо же — проснулась, приклеившись к **обоим** одновременно.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я приоткрыла глаза. Света в комнате было ещё мало — рассвет только начинал золотить узкие щели между тяжёлыми шторами, оставляя помещение в дымчатом, синеватом полумраке. Очаг давно погас, угли едва тлели, посылая вверх призрачные струйки тепла, пахнущие пеплом.

Первое, что я увидела, — профиль Равэона. Он лежал на спине, слегка повернув голову в мою сторону, глаза закрыты. Ресницы — неожиданно длинные, светлые, почти белые — отбрасывали причудливые тени на высокие скулы. Рот чуть приоткрыт, дыхание ровное, без храпа. Одна его рука лежала поверх одеяла на моей талии — не грубо, не хозяйски, а как-то привычно, будто это место всегда принадлежало ей. Вторая рука была у меня под спиной, придерживая, словно боялся, что я укачусь.

Моя левая нога покоилась на его бёдрах, колено упёрлось в простыню с другой стороны. Правая нога, как я и подозревала, лежала на Алане — он спал на животе, отвернувшись к стене, и моя икра просто устроилась на его поясице, как на мягкой, тёплой подушке.

Живописная композиция. Картина маслом. *«Утро в гостинице после спасения от демонов».*

— Твою мать, — с чувством подумала я, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Вот это компрометация.

Надо было срочно, бесшумно, как мышь, отползти на свою часть кровати и сделать вид, что ничего не случилось. Осторожно убрать ноги, перекатиться, спрятаться под одеяло. Но в ту самую секунду, как я попыталась приподняться и высвободить левое колено, Равэон вздохнул глубоко, по-утреннему — грудная клетка под моей щекой поднялась, опустилась — и его рука на моей спине сжалась чуть сильнее, удерживая меня на месте. Не больно, но очень настойчиво.

Я замерла, затаив дыхание.

Он всё ещё не открывал глаз. Но уголок его губ вдруг дрогнул, и на бледном лице расцвела эта лёгкая, почти застенчивая улыбка — тёплая, как первый луч солнца.

— Не убегай, госпожа-чудачка, — прошептал он хриловатым со сна голосом. — Ты тёплая. И очень... шумно спишь. Ворочалась, кряхтела, что-то бормотала. Я думал, тебе снится кошмар. А ты просто искала, кого бы обнять.

Я оцепенела.

— Я не чудачка, — прошептала я в ответ, пытаюсь придать голосу максимум ядовитости, но проклятый утренний шёпот вышел сиплым, прерывистым и каким-то совершенно несердитым. — Я не чудачка. Аля я.

Рав, наконец, открыл глаза. Зелёные, с тёплым внутренним янтарным блеском, они смотрели на меня насмешливо, но совершенно без злости. В них была какая-то тёплая, понимающая ирония — как у взрослого, который смотрит на ребёнка, спорящего о пустяках.

— Аля, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Аля — это короткое? Или полное?

— Аля — это Аля, — буркнула я, пытаюсь незаметно вытащить колено из его бёдер. — Домашнее. Для своих.

— А для чужих?

— Для чужих я... — я замялась. Левую ногу он придерживал рукой поверх одеяла, и высвободиться не получалось. Проклятый маг. — Для чужих, которые меня похищают и

тащат в свои средневековые гостиницы, никакого имени нет. Есть только одно слово, начинающееся на букву «б».

Рав рассмеялся — тихо, беззвучно, одними плечами, но глаза его засияли.

— Не злись. Я серьёзно. Как нам тебя представлять в городе? Деревне? Перед портным? «Таинственная незнакомка» — это слишком величественно, а «странная беглянка» — небезопасно.

И тут мне в голову пришла шальная, совершенно идиотская мысль. Такие обычно приходят, когда спишь в центре кровати в обнимку с незнакомцем в мире, где есть демоны и магия, и жизнь висит на волоске. Я усмехнулась, не удержавшись.

— Ладно. Для чужих я Лейа.

— Лейа? — Рав приподнялся на локте, и его лицо оказалось опасно близко. Я чувствовала его дыхание на своей щеке — тёплое, с остаточным привкусом вчерашнего вина. — Звучит... нездешне. Словно ветер с другой стороны мира.

— Ещё бы, — я позволила себе улыбку и немного отодвинулась, упираясь рукой в его плечо. — Это из моего мира. Из одной очень старой космической сказки. Там была принцесса — её звали **Лея**. Организация повстанцев, звёздные войны, штурмовики, понимаешь? Нет, не понимаешь. В общем, принцесса с характером. В плену у злодея она не плакала, а душила его цепями. Я в детстве мечтала быть как она.

— И ты решила взять её имя? — Рав внимательно слушал,

и мне показалось, что он даже понял про «звёздные войны» больше, чем говорил. Маги, они такие.

— В качестве шутки, — пожалала я плечами. И тут же одёрнула себя: не хватало ещё перед ним распинаться. — Лейа — как маскировка. Карнавальный костюм. А для своих — Аля. Улавливаешь разницу, господин маг?

— Улавливаю, — он произнёс моё новое имя медленно, пробуя на вкус. — Лей-а. Звезда. Принцесса-чудачка.

— Не принцесса, — поправила я, хотя внутри что-то приятно ёкнуло от того, как это прозвучало в его устах. — Просто Лейа. Без титулов, звёзд и повстанческой армии.

— Хорошо, — согласился он. — Для всего мира ты Лейа — девушка с неясным прошлым и взрывным характером. А для нас с Аланом — Аля. Двойное имя для двойной жизни.

Я хотела огрызнуться, что никакой двойной жизни не планирую, но промолчала. Потому что, чёрт возьми, он был прав. Я уже жила двойной жизнью. Днём — злая, колючая, настороженная Аля, которая никому не даёт спуска. Ночью — человек, который во сне ищет тепло и прижимается к первому встречному, потому что так спокойнее.

— А что, Алан может проснуться в любой момент, — шепнула я, услышав, как дыхание с правой стороны изменило ритм.

— Алан спит как убитый после боя, — Рав убрал руку с моей талии, но не торопился отодвигаться. — Можешь не дёргаться. Он ничего не узнает.

— А если узнает?

— Скажем, что это ты меня обнимала. Тут и скажем.

— Я тебя сейчас обниму за шею, очень крепко, — прошипела я, но улыбка всё равно предательски выползла на губы.

Я всё-таки выскользнула из его рук — резким, кошачьим движением — и откатилась на свою часть кровати, натянув одеяло до подбородка. Сердце колотилось где-то в горле, но уже не от паники, а от странной, непонятной бодрости.

— Всё, хватит нежностей, — проворчала я, пряча лицо в подушку. — Ты своё «госпожа-чудачка» сказал, имя я придумала. Дальше по плану: завтрак, одежда и чтобы никаких поцелуев.

— А кто говорил про поцелуи? — невинно спросил Рав, поднимаясь с постели и поправляя рубашку.

— Я на будущее.

Он усмехнулся, подошёл к камину и мановением руки зажёг угасшие угли — золотистая искра сорвалась с пальцев, упала в труху, и огонь весело затрещал, прогоняя утреннюю сырость. В комнате сразу стало светлее и уютнее.

Я же вытащила из-под подушки дневник — потрёпанную тетрадь в твёрдом переплёте, попавшую сюда из моего мира, — и ручку. Я засунула его туда ещё вчера, когда ложилась спать последней. Не хотелось, чтобы парни увидели мои записи, если вдруг решат обыскать комнату. Под подушкой же было самое безопасное место: туда никто не полезет без спроса, даже Рав с его «заботой». И при свете разгорающегося-

ся камина я написала несколько строк, стараясь, чтобы буквы не прыгали:

«Утро, кажется, второго дня в Арануме. Проснулась в центре кровати между Равом и Аланом. Моя нога была на нём. Моя рука — на нём. Моя щека — у него на груди. А вторая нога — на Алане. Рав назвал меня "госпожа-чудачка". Сказал, что я во сне ищу тепло и очень шумно сплю. Это почти нежно. Почти.

Решила: для чужих и здешних я буду Лейа. Это шутка, конечно. Принцесса Лея из "Звёздных войн" — та самая, что душила врагов цепями и командовала повстанцами. В детстве я хотела быть как она. Теперь вот, в другом мире, могу хотя бы имя одолжить. Звучит красиво. Звезда. Пусть будет.

А для парней я буду Аля. Короткое, домашнее, от детства, когда мама звала к обеду. Если Рав с Аланом начнут называть меня Лейа — не страшно. Имена — это тоже маски, а маски иногда становятся лицом.

Рав сегодня был почти милым. Это подозрительно. Возможно, он просто усыпляет мою бдительность. Буду настороже.

P.S. Алан храпит, когда лежит на животе. Теперь я знаю. И это знание делает меня сильнее».

Я осторожно закрыла дневник и сунула обратно под подушку, пока никто не видел. Алан всё ещё спал, отвернувшись и ровно дыша. Рав возился у камина, подкидывая мел-

кие поленья.

— Лейа, — позвал он, не оборачиваясь.

— Аля, — машинально поправила я.

— Лейа, — повторил он с лёгким нажимом, и я поняла: это проверка. Для здешних — Лейа. — Вставай. Нам нужно решить вопрос с твоей одеждой. Пока ты вчера отдыхала, мы с Аланом кое-что для тебя купили в лавке.

Я насторожилась. Что-то мне подсказывало: к этому «кое-чему» я буду не готова.

— Что именно вы купили?

— Увидишь, — Рав обернулся и улыбнулся той самой улыбкой, которая в любом мире означала: *«Ты будешь в восторге, хотя, вероятно, нет»*.

Я вздохнула и села на кровати, поправляя сползшую футболку.

— Ладно. Показывай.

Алан, услышав голоса, заворочался, сел на своей стороне, протёр глаза и мрачно посмотрел на меня.

— Доброе утро, — сказал он своим ровным, ничего не выражающим тоном.

— Доброе, — буркнула я, чувствуя, как уши всё ещё горят от утренней близости с Равом.

Я выбралась из-под одеяла, слезла с кровати, натянула свою любимую спортивную кофту поверх футболки (единственный островок нормальности в этом безумном мире), сунула ноги в мои сапоги и направилась к креслу у камина,

на котором уже красовалась аккуратно сложенная стопка вещей.

— Вот, — Рав кивнул на них. — Выбрали в лавке. Продащица сказала, что это лучший вариант для девушки твоего... статуса.

Я подошла, подняла верхнюю вещь — и сердце моё рухнуло куда-то в пятки.

Это было платье. Тёплое, шерстяное, явно дорогое, очень женственное и... нежно-сиреневого цвета. С вышивкой. С цветочками по подолу и рукавам. С кружевным воротничком. К нему прилагался плащ того же оттенка, перчатки и даже сапожки на небольшом каблучке с бантиками.

Я подняла глаза на парней. Рав смотрел с надеждой. Алан — с уверенностью, что всё сделано правильно.

Я медленно, очень медленно выдохнула.

— Вы... вы это серьёзно?

— А что не так? — искренне удивился Алан. — Сиреневый идёт всем девушкам. И на меху тепло. Ехать нам долго, а там холодно.

Я закрыла глаза, мысленно считая до десяти. В голове крутились картины: как я, прыщавая и вечно недовольная собой в двенадцать лет, ненавидела пастельные тона всей душой. Как в пятнадцать поклялась никогда не носить розовое и сиреневое. Как в двадцать один сожгла подаренный бабушкой сиреневый свитер (ладно, не сожгла, отдала в секонд-хенд, но в душе сожгла). И вот теперь эти двое...

— Это... это полный *капец*, — сказала я вслух. — Я в этом буду похожа на привидение, которое нарядилось на выпускной. Или на куклу из магазина дешёвых безделушек.

— Ты драматизируешь, — бесстрастно заметил Алан.

— Я не драматизирую! — я швырнула платье обратно в кресло. — Я из другого мира! Я ношу чёрное! Кожу! Штаны! А вы предлагаете мне рассекать по вашему средневековью в вот ЭТОМ?!

— Другой одежды здесь нет, — жёстко сказал Алан. — Либо это, либо ходи в своей футболке и мёрзни, пока мы не доберёмся до нормального портного.

— А до портного сколько?

— Долго.

— Долго в этом? — я ткнула пальцем в сиреневое. — Да я...

— Аля, — мягко вмешался Рав. — Мы купили лучшее, что было. Хотели как лучше.

— Лучшее для кого? Для принцессы из идиотской сказки?

— Аля? — Алан поднял бровь, услышав моё имя.

— Она сказала, что для здешних будет Лейя, — тихо произнёс Рав. — А для нас — Аля.

— Странно, — Алан покачал головой. — Зачем два имени?

— Это шутка, — Рав усмехнулся, но без насмешки. — Из её мира. Там есть старая сказка. Принцессу звали Лея. Она

была командиром повстанцев, душила злодеев цепями и не боялась говорить правду в лицо. Аля в детстве мечтала быть такой.

— И взяла её имя?

— Как маскировку, — Рав пожал плечами. — И как напоминание себе — не сдаваться. Она сказала: «Лейа — маска, Аля — я». Для чужих — одно, для своих — другое.

— Для своих? — переспросил Алан. — Мы уже «свои»?

— Не знаю, — честно ответил Рав. — Но она назвала нам свои имена. Это уже что-то.

— И что за имя — Аля?

— Короткое или просто домашнее. Она не объясняла. Но когда я называю её Алей, она не злится.

Алан покачал головой.

— Странная девушка.

— Странная, — согласился Рав. — Но запоминается.

А я в это время стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на ненавистный сиреневый цвет, который уже начинал казаться мне личным оскорблением. Парни переглянулись. Алан вздохнул и вышел в коридор — кажется, проверять лошадей. Рав остался, молча глядя на меня.

— Ладно, — сказала я, наконец, очень спокойным, ровным голосом — таким спокойным, что Рав инстинктивно сделал шаг назад. — Оставьте меня. Я подумаю.

— Ты не думай долго, — сказал он на пороге. — Мы пойдём за завтраком. Олады с мёдом и горячее молоко.

Дверь за ним закрылась.

Я осталась одна. Посмотрела на платье. Посмотрела на камин, где весело потрескивали дрова. Посмотрела снова на платье.

— Ну, парни, — сказала я громко, обращаясь к пустой комнате. — Вы сами напросились.

Я взяла платье за подол и поднесла его к огню.

Ткань занялась мгновенно.

Сиреневый шерстяной подол вспыхнул ярко, с весёлым треском, словно само платье радовалось, что его сжигают. Языки пламени лизнули кружевной воротник, цветочки на рукавах скрутились в чёрные пепельные лепестки, и воздух наполнился запахом палёной шерсти — едким, сладковатым, невыносимо победным.

Я стояла перед камином, сложив руки на груди, и смотрела, как сиреневая мерзость превращается в горстку пепла. В голове было удивительно пусто и спокойно. Никаких угрызений совести. Никакого *«а что они скажут?»*. Только глубокая, первобытная радость уничтожения того, что тебя оскорбляет.

— Вот так, — сказала я пламени. — Поделом.

Огонь всё ещё пожирал остатки ткани, когда я отошла к окну. На улице морозно блестел снег, лошади у коновязи фыркали, пар шёл из их ноздрей. Какой-то местный мужик в тулупе тащил дрова. Всё так обычно, так нормально — и так бесконечно далеко от моей прежней жизни.

— Что бы сейчас сказала мама? — подумала я. Мама бы вздохнула, покачала головой и сказала: *«Аля, ты могла бы просто отказаться. Зачем же жечь?»* Но мама не знала, каково это — когда твоё тело переодевают без спроса, когда твою волю подменяют чужим решением, а потом удивляются, почему ты не благодарна.

А я давно устала быть удобной. Еще в той жизни...

Через пятнадцать минут в комнату вернулся Рав. С порога он учуял запах гари, нахмурился, обвёл взглядом комнату и, наконец, заметил сиреневые догорающие остатки в камине. Его лицо вытянулось.

— Ты сожгла платье, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Сожгла, — спокойно подтвердила я, застёгивая свою кофту поверх футболки. — Оно было уродливым, неудобным, практичным как вата в сапогах и — о чудо — совершенно не моим. Извини, но я не собираюсь изображать девицу из женского романа с цветочками на подоле.

— Оно стоило пятнадцать серебряных, — в голосе Рава прорезалась сталь. — Мы покупали его не для красоты, а чтобы тебя не узнали. Ты выделяешься и так. Говоришь с акцентом, ходишь в странной одежде. А в этом платье ты была бы просто одной из местных.

— Я выделяюсь в любом случае, — огрызнулась я. — Потому что я не отсюда. Потому что я не знаю ваших правил, ваших проклятых цветовых гамм и того, чем отличает-

ся праздничное платье от повседневного. И знаешь что? Это не моя проблема.

— Тогда, может, нам стоило оставить тебя тогда на алтаре? — раздался холодный голос Алана.

Он стоял в дверях, подперев плечом косяк. Рука на поясе, меч на боку. Взгляд — колющий, оценивающий. Я впервые видела его таким.

— Чтобы не тратить серебро на неблагодарную? — закончил он.

В комнате повисла тишина. Напряжение было таким плотным, что, казалось, можно резать ножом.

— Неблагодарная? — я шагнула к нему, чувствуя, как внутри поднимается волна ярости, смешанной с обидой. — Я вам что, должна ноги целовать за то, что вы сделали то, что любой нормальный человек сделал бы на вашем месте? Вы спасли меня от демона — спасибо. Я помню. Я скажу спасибо. Сто раз скажу. Но это не значит, что вы теперь мои папаша и можете решать, что мне носить, когда мне спать и кто меня целует!

— Никто тебя не целует, — буркнул Алан.

— Пока нет, — парировала я. — Но я уже вижу, куда ветер дует. Сначала меня переодевают без спроса. Потом я просыпаюсь в обнимку с вашим другом. Потом вы покупаете мне платье, в котором я выгляжу как идиотка. Что дальше? За муж выдадите за подходящего парня?

Алан дёрнул глазом. Рав глубоко вздохнул и провёл рукой

по лицу.

— Лейа... Аля... послушай, — начал он, но я перебила.

— Что слушать? Что вы хотели как лучше? Лучшее — враг хорошего. Я сама решу, что мне носить. Вы не в моём мире, а я не в вашей армии. У нас равноправие или как?

Рав выдохнул и сел за стол, положив локти на столешницу.

— Хорошо, — сказал он устало. — Как ты предлагаешь решить вопрос с одеждой?

— Просто, — я взяла со стола лист бумаги и карандаш, который нашла в ящике комода. — Я рисую, что мне нужно. Ты отдаёшь портному. Он шьёт. Я плачу. Или вы даёте в долг, раз уж я сожгла платье, которое я не просила покупать.

— Договорились, — кивнул Рав.

Я села за стол и начала рисовать. Пальцы летали по бумаге, как будто тосковали по привычному движению — эскизы, наброски, выкройки. Руки помнили то, что голова уже почти забыла: как рисовать куртку с воротником-стойкой, как обозначить меховую окантовку, как сделать штаны в обтяжку, но не тесными. Сапоги на низком каблуке — ровно три сантиметра, чтобы не сломать ногу на первой же кочке.

Я чувствовала, как парни смотрят на меня через плечо. Алан — с недоверием. Рав — с любопытством.

— Ты серьёзно носишь такое? — спросил Рав, когда я закончила куртку и принялась за свитер.

— Серьёзно. И не пытайся меня переубедить. Чёрный цвет — классика. Не маркий, не кричащий, подходит ко все-

му. На этом всё.

— А юбки? — подал голос Алан.

— Юбки — по ситуации. Но не до пола и не с бантиками. И уж точно не, если я собираюсь ехать верхом или, не дай боги, убегать от демонов. В юбке я споткнусь на первой же кочке.

— Ты очень... практичная, — заметил Рав.

— Я умею выживать.

Я подняла голову и встретила его взгляд. Он смотрел на меня без насмешки. Серьёзно. Будто впервые видел во мне не «взбалмошную девицу», а кого-то, кто умеет постоять за себя.

— Сколько это будет стоить? — спросила я, возвращаясь к рисунку.

— Дороже, чем то платье, — вздохнул Алан. — Кожа, мех, ускоренная работа портного. Я думаю, около двадцати серебряных.

— У меня нет ваших денег, — призналась я. — Вообще.

Алан молча выложил на стол кожаный мешочек. Звякнуло серебро.

— Мы уже заплатили за платье. Ты его сожгла. Теперь платишь ты, — сказал он ледяным тоном. — Но у тебя нет денег. Поэтому мы даём тебе взаймы. Двадцать монет. Отработаешь или вернёшь, когда появится возможность.

— Я же сказала да, — кивнула я, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Тогда дорисовывай, — Алан взял эскиз, повертел его в руках и передал Раву. — Я найду портного. Думаю, он сделает всё к вечеру. Но мы не можем ждать долго. Завтра рано утром выезжаем.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он поднял руку.

— Не спорь.

— Я и не спору, — я взяла мешочек с серебром, взвесила на ладони. Тяжёлый. Двадцать монет — целое состояние для этого мира. — Я просто скажу спасибо. И отдам, когда смогу.

— Будем считать, что это аванс за услуги, — буркнул Алан и вышел.

Мы остались вдвоём с Равом. Я сидела над эскизами, он стоял у окна, глядя на заснеженную улицу.

— Ты злишься, — сказал он тихо.

— Нет, — я отложила карандаш. — Устала. И да, злюсь. Но не на вас. На обстоятельства.

Он повернулся, подошёл ко мне и положил руку на плечо. Я не отодвинулась.

— Я понимаю, — тихо сказал Рав. — Ты потеряла всё. Мир, дом, язык. Даже привычную одежду. Это тяжело.

— Ты даже не представляешь насколько, — я посмотрела на эскизы. — Вот, например, эти штаны должны быть чёрными, а этот свитер — тёмно-серым. А куртка — чёрная с белым мехом. А вы тут со своими сиреневыми цветами...

— Напиши на рисунках, — предложил он. — Портной поймёт.

— Я не умею писать на вашем языке, — призналась я. — Читать тоже.

— Почему ты сразу не сказала? — Рав взял мою руку с карандашом. — Это проблема.

— Я знаю, — я отдернула руку. — Но я не смогу выучить алфавит за один день.

— А с магией — сможешь, — он улыбнулся. — Не совсем выучить, но сильно ускорить процесс. Есть заклинание копирования навыков. Его используют при изучении языков. Хочешь попробовать?

— А это не больно?

— Нет. И не опасно. Просто на время твоя рука будет запоминать правильное написание слов, которые ты видишь или слышишь. И одновременно зрение начнёт узнавать буквы и складывать их в слова, даже если ты раньше никогда их не видела. Выученные буквы же в твоей памяти уже самостоятельно будут собираться в необходимые слова, и ты сможешь всё читать без проблем, будто знаешь язык с детства. А после заклинание рассеется, и часть навыка останется с тобой навсегда.

Я подумала секунду.

— Давай, — решила я. — Если ты меня в лягушку не превратишь.

Рав рассмеялся, взял лист бумаги, написал на нём красивым ровным почерком весь их алфавит, а ниже — несколько простых слов и короткую фразу: *«Привет, меня зовут Лейа»*.

Потом положил лист передо мной, взял мою правую руку в свои ладони и что-то прошептал. Я почувствовала лёгкое покалывание в кончиках пальцев — тёплое, не неприятное.

— Теперь попробуй написать, — сказал он, отпуская мою руку.

Я взяла карандаш и — о чудо! — пальцы сами вывели букву за буквой, ровно, красиво, без ошибок. Я смотрела на написанное и не верила своим глазам.

— Это... невероятно, — прошептала я.

— Потренируешься пару дней — и сможешь писать без заклинания, — сказал Рав. — А пока попробуй подписать свои эскизы. Я прослежу, чтобы портной ничего не перепутал.

Я быстро, уже уверенно, написала на каждом рисунке цвета и ткани. Потом посмотрела на Рава.

— Спасибо, — сказала я тихо. — Это правда очень помогло.

— Будем считать, что мы в расчёте, — он взял эскизы. — Ты не сожгла больше ни одного платья, а я учу тебя писать.

— Честный обмен, — усмехнулась я.

— Честнее некуда.

Я смотрела на буквы, которые моя рука теперь узнавала, и чувствовала, как внутри поднимается странное, тёплое чувство — благодарности, что ли? Или чего-то большего? Я отогнала его.

Не время. Не место. Не с ним.

— Я правда хотел помочь, — сказал он. — И Алан тоже. Мы, может, и не всегда умеем выбирать женскую одежду. У нас ведь были только казармы и магические академии.

— Я поняла, — я подняла на него глаза. — Но в следующий раз лучше меня спрашивайте. Ладно?

— Ладно.

На следующее утро за завтраком, который нам принесли прямо в комнату — хозяин гостиницы, всё ещё не оправившийся от визита магов, предпочитал не показываться на глаза, а Алан, хмуро глядя в окно, сообщил нам:

— Дороги завалило. Метель будет ещё дня три, не меньше. Придётся ждать.

— Чудно, — пробормотала я, жуя гренку с мёдом. — Значит, я заперта в этой дыре с двумя магами, и с кучей местных, которые хотели принести меня в жертву.

— Сектантов мы убили, — напомнил Рав, прихлёбывая травяной чай. — Остальные селяне теперь нас боятся. Никто не сунется.

— И на том спасибо, — я вздохнула. — Ладно, будем считать это отпуском. Только без теплого моря и солнца.

Алан, как всегда, промолчал, но я заметила, что он смотрит то на меня, то на Рава с каким-то странным выражением — словно прикидывает что-то в уме. И действительно, ближе к вечеру, когда я уже начала клевать носом, он вдруг поднялся с кресла и потянулся.

— У нас с Равом отдельная комната, дальше по коридо-

ру, — сообщил он. — Но кто-то должен дежурить здесь. На случай, если тебе станет плохо или сектанты всё-таки решат вернуться.

— Я в порядке, — возразила я.

— Ты вчера стонала во сне, — напомнил он. — Так что дежурство — мера разумная.

Я хотела возмутиться, но Рав, сидевший у камина, вдруг произнёс:

— Я могу остаться. Ты, Алан, и так почти не спал прошлой ночью.

Алан перевёл взгляд с него на меня, потом обратно. На его лице мелькнуло что-то странное — то ли усмешка, то ли понимание, — но он тут же спрятал это за своей обычной невозмутимостью.

— Хорошо, — сказал он. — Рав останется. У него это получается лучше.

Он развернулся и вышел, а я осталась сидеть с открытым ртом.

— Что это было? — спросила я, глядя на закрывшуюся дверь.

— Понятия не имею, — ответил Рав, но в его голосе мне почудилась нотка смущения. — Алан иногда говорит загадками.

С этого дня повелось: днём они оба были рядом, а по ночам дежурил Рав. Алан всегда находил какой-то странный предлог, чтобы не оставаться со мной на ночь — то ему нуж-

но проверить лошадей, то разобрать оружие, то просто «выспаться, чтобы завтра быть в форме». И всякий раз, уходя, он бросал на нас короткий взгляд, в котором мне чудилось что-то неуловимо хитрое. Будто он знал что-то, чего не говорил вслух.

В первую же ночь их «дежурства» мне приснился кошмар. Каменный стол, бородатый жрец, нож, толпа, скандирующая «Карала!». Я закричала и села в кровати, дрожа, чувствуя, как фантомная боль в запястьях пульсирует в такт сердцу.

Рав мгновенно оказался рядом — он не спал, сидел на стуле у камина с книгой. Отложив её, он опустил на край кровати, и его руки осторожно легли мне на плечи.

— Тише, тише, — его голос был низким и спокойным. — Это сон. Всё закончилось. Ты в безопасности.

— Они опять... опять меня резали, — прошептала я, вцепившись в его рубашку, пытаюсь отдышаться.

— Никто тебя не тронет, — твёрдо сказал он. — Я здесь. Слышишь? Я не уйду, пока ты не уснёшь.

— Расскажи что-нибудь, — попросила я, всё ещё не отпуская его. — Что угодно. Отвлеки меня.

Он помолчал, потом осторожно высвободился, подбросил дров в камин и сел на стул рядом с кроватью.

— Что ты хочешь услышать?

— Про себя расскажи... Откуда ты?

— Меня нашли на поле боя, — начал он негромко, глядя в огонь. — Я был изранен, без памяти, в луже крови. Думали

— мёртвый. Но местный правитель, объезжавший поле после битвы с демонами, заметил, что я ещё дышу. Приказал забрать и выходить. Его лекари возились со мной несколько недель. Когда я очнулся, выяснилось, что я не знаю, кто я, откуда, сколько мне лет. Ни имени, ни дома, ни прошлого. Только странная светлая коса и странная способность к магии, которая проявилась гораздо сильнее, чем у остальных. Правитель написал рекомендательное письмо в Академию и отправил меня туда. Вот так я и оказался в Академии, обрел косу, стал Архимагом.

— Совсем ничего о себе не помнишь? — тихо спросила я.

— Ничего. Но иногда мне снятся сны — ледяные горы, бескрайние снежные равнины, ветер, который поёт на непонятном языке. Но когда просыпаюсь — ничего не могу удержать. Только холод остаётся. Всегда холод.

Он замолчал, и в комнате повисла долгая пауза, нарушаемая лишь потрескиванием дров. Я смотрела на его профиль, освещённый пламенем, и впервые видела перед собой не странного мага, а человека, который потерял всё и собрал себя по крупицам. Но в этой тишине в моей голове вдруг всплыл совсем другой вопрос — тот, что мучил меня с момента пробуждения.

— Рав, — осторожно позвала я. — Можно спросить?

— Спрашивай.

— Ты Архимаг. И скорее всего сильнейший маг. Как тогда получилось, что какие-то деревенские сектанты смогли

выкрасть меня прямо из гостиницы, пока вы с Аланом были здесь? Ты ведь должен был почувствовать. Должен был...

Он вздохнул и провёл рукой по лицу. Видно было, что этот вопрос терзает его самого не меньше, чем меня.

— Эта деревня стоит на мёртвой зоне, — негромко ответил он. — Место, где магия почти не работает. Я не знаю точно, почему так: может быть, здесь когда-то прошла битва с демонами и земля до сих пор помнит ту боль. Может быть, наоборот — здесь никогда не было сильных магических потоков, и сама почва отторгает чары. В таких местах даже Архимаг становится почти обычным человеком. Мы поставили охранные заклинания вокруг твоей комнаты, но они сработали в разы слабее, чем должны были. А когда тебя похитили, мы вообще ничего не почувствовали.

— То есть ты хочешь сказать, что здесь, в этой гостинице, ты не можешь колдовать? Совсем?

— Не совсем, — он покачал головой. — Простейшие заклинания — зажечь камин, подсушить одежду, наложить лёгкое заклинание запоминания — ещё получают. Но что-то серьёзное — сильные боевые чары, защитные барьеры, телепортация — почти невозможно. Поэтому я и не смог тебя уберечь. И до сих пор злюсь на себя за это.

Я смотрела на него и видела, как тяжело ему даются эти слова. Архимаг, привыкший, что его боятся и уважают, сейчас сидел передо мной и признавался в собственной беспомощности. И от этого он казался мне ещё более... живым.

Настоящим.

— Ты не виноват, — тихо сказала я. — Ты не знал. И всё равно пришёл за мной.

— Чудом успел, — он горько усмехнулся. — Ты сама себя вытащила. Мы просто ворвались и добились тех, кто остался. А ты сидела на жертвенном столе и жутко ругалась на неизвестном языке.

— Это моя защитная реакция, — я слабо улыбнулась. — Когда страшно, я начинаю орать и ругаться на всех.

— Эффективно, — он посмотрел на меня с теплотой, и в его глазах больше не было привычной насмешки. Только усталость и что-то ещё — то ли благодарность, то ли нежность, — чему я пока не могла дать названия.

Мы замолчали. За окном по-прежнему выла метель, но в комнате было тепло и тихо. И я впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности — не потому, что меня охраняла магия, а потому, что рядом был человек, который честно признался в своей уязвимости и всё равно остался.

А на следующий день я проснулась с ощущением, что голова набита мокрой ватой. В горле першило, нос не дышал, а тело ломало так, будто по мне проехала телега. Попыталась встать — комната покачнулась.

— Лежи, — раздался знакомый голос.

Рав сидел на стуле у моей кровати с книгой в руках. Судя по закладке, он был здесь уже давно. На тумбочке стояли тазик с водой, чистая тряпица, кружка с отваром, горшочек

с мёдом и несколько склянок.

— Даже умирающую девушку нельзя оставить без присмотра? — прохрипела я.

— Особенно умирающую, — он отложил книгу и приложил ладонь к моему лбу. Его рука была прохладной, а прикосновение — осторожным, почти невесомым. — Жар ещё держится. Как ты умудрилась?

— Наверное, когда босиком по комнате ходила, — пробормотала я. — Или от окна дует. И на том алтаре простыла.

— Алан притащил травы от местной знахарки. Я приготовил отвар. Пей.

Он поднёс кружку к моим губам. Я выпила, поморщилась — горько.

— Ты меня травишь?

— Это единственное, что работает здесь, — он усмехнулся. — Серьёзные заклинания для выздоровления здесь не тянут, но травяные настои и легкие заклинания лечения — вполне.

Я выпила всё, стараясь не кривиться слишком сильно, и откинулась на подушку.

— А Алан где?

— Пошёл проверять лошадей, — ответил Рав. И, помедлив, добавил: — Он сказал, чтобы я присмотрел за тобой. Сказал, что у меня это получается лучше.

— А что, есть с кем сравнивать?

— Видимо да, — он отвёл глаза. — Алан вообще време-

нами говорит загадками. Я уже перестал спрашивать.

Я закрыла глаза. В комнате было тихо — только треск дров в камине да звук перелистываемых страниц. Это успокаивало.

— Не уходи, — прошептала я, проваливаясь в дрему.

— Я здесь.

Сквозь полусон я почувствовала, как он смочил тряпицу в прохладной воде и осторожно положил мне на лоб. Его пальцы на секунду задержались на моём виске. Последнее, что я помню, — ощущение, что кто-то гладит меня по волосам, легко, почти невесомо.

Проснулась я уже под утро. Жар спал. На стуле, откинув голову к стене, спал Рав — книга выпала из его рук. Я осторожно укрыла его пледом и вернулась в кровать. Засыпая, я думала о том, что в моём мире ни один мужчина не сидел бы у моей постели всю ночь. И от этой мысли было тепло.

На следующий день, когда Рав поправлял мне подушку, он случайно сильно задел моё запястье. Я дёрнулась — резко, непроизвольно, как от ожога. Он замер, а я тут же отдёрнула руку, пряча её под одеяло. В комнате повисла тишина.

— Почему ты так реагируешь? — спросил он, наконец. В его голосе не было осуждения, только осторожность и что-то, похожее на боль. — Я заметил, что иногда, когда я касаюсь тебя, ты вздрагиваешь. Что с тобой было?

Я долго молчала, уставившись в потолок. Потом тихо заговорила:

— Там, в моём мире, был человек. Его звали Дима. Сначала он был нежным, говорил, что я особенная. А потом начал требовать, чтобы я стала для него удобной. Он не бил меня, нет. Но когда я пыталась уйти, или сделать что-то своему, он хватал за плечи — сильно, до синяков. Прижимал к стене. Удерживал, пока я не переставала вырываться. Этого было достаточно, чтобы я чувствовала себя беспомощной. И другое... тоже.

Рав молчал. Его кулаки медленно сжались.

— Мне удалось уйти, но я поклялась, что больше никогда не позволю никому так ко мне прикасаться. Поэтому, когда кто-то делает это слишком резко, я снова чувствую себя той девочкой, которую силой заставляют подчиниться. А я не хочу быть «удобной», когда моё мнение ничего не значит.

Он медленно выдохнул, подошёл к камину и долго стоял там, глядя в огонь.

— Я не знал, — сказал он глухо. — Прости. Я буду осторожнее.

— Ты уже осторожен, — заметила я. — Спасибо.

Он не обернулся, но я увидела, как его плечи слегка ослабились.

Алан уходил теперь почти сразу после ужина, оставляя нас с Равом вдвоём. В один из таких вечеров я порылась в своей сумке и извлекла на свет старую, слегка потрёпанную колоду карт.

— Что это? — Рав удивлённо уставился на прямоугольные

кусочки картона с незнакомыми символами.

— Карты, — я развернула колоду веером. — Из моего мира. У нас это обычное дело — играть в карты. Тут играют во что-то подобное?

— Никогда таких не видел, — он осторожно взял одну карту, повертел. — У нас играют в кости, в руны, иногда в фигурки на доске. А это... забавно.

— Хочешь научиться? Правила простые, — и я быстро объяснила ему основы простейшей карточной игры на двоих. Он схватывал на лету, и уже через четверть часа мы сидели друг напротив друга с картами в руках.

— Скучно, — заявила я после нескольких партий. — Ты выигрываешь, я выигрываю — какая разница, если мы ничего не ставим?

— А ты азартна.

— Я реалистка. Игра без ставки — просто раскладывание бумажек. Давай, сыграем на желания. Без глупостей, без магии. Идёт?

— Идёт.

Первая партия осталась за мной. И я неожиданно, даже для себя, спросила его:

— Что ты чувствуешь прямо сейчас? Честно.

Он помолчал, вертя в пальцах карту.

— Странное спокойствие. Рядом с тобой я не чувствую себя Архимагом. Просто собой. И мне это... нравится.

Я смутилась и поспешно сдала карты. Следующую партию

выиграл он.

— Расскажи мне о своём мире. О чём-то простом. О месте, где ты была счастлива.

Я начала рассказывать о море, о дощатом пирсе, о запахе водорослей, об отце, который учил меня плавать. Голос дрогнул, и я замолчала, чувствуя, как к глазам подступают слёзы.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я почти увидел это.

Третью партию выиграла я. Я посмотрела ему в глаза и спросила:

— Расскажи мне про Архимага. Я хочу понять, что это значит на самом деле.

Он отложил карты и начал рассказывать — о Совете магов, о «первом среди равных», о правителе, о политических интригах этого мира, о тех, кто может пострадать из-за этих интриг. Я слушала, не перебивая.

— Поэтому я и берегу тех, кто мне дорог, — закончил он и посмотрел мне прямо в глаза. Я почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Ещё партию? — спросила я, чтобы сбросить напряжение.

— Нет. На сегодня хватит. Я и так проиграл больше, чем планировал.

— Это не проигрыш. Это честность.

— Спасибо за честность, Рика.

Он встал и пересел к камину — поближе к огню, который

уже почти догорел. Я думала, что он, сейчас уйдёт к себе, а вместо него может быть в этот вечер будет дежурить Алан, но вместо этого он откинулся на спинку стула и, кажется, вовсе не собирался прощаться.

— Спасибо за эту честность, Рика.

— Ты уже говорил, — я слабо улыбнулась, всё ещё чувствуя странное тепло внутри.

— Знаю. Но иногда слова стоят того, чтобы их повторить.

Мы замолчали. Он смотрел в огонь, я — на него. Между нами повисла та самая тишина, которая за последние дни стала почти привычной — не неловкой, а скорее уютной, как старое одеяло, согревающее в метель. В камине треснуло полено, взметнув сноп искр, и Рав, встрепенувшись, поднялся.

— Поздно. Тебе нужно спать.

— А тебе?

— Я подежурю.

Он набросил свой плащ на спинку стула, устраиваясь поудобнее, и я поняла, что спорить бесполезно. Но прежде чем забраться под одеяло, я помедлила, покусывая губу. Слова застряли где-то в горле — не то чтобы мне было страшно, скорее неловко. Но видеть, как он снова сворачивается в неудобной позе на жёстком деревянном стуле, было выше моих сил.

— Рав, — позвала я тихо, почти шёпотом.

Он обернулся.

— Стул неудобный. А кровать большая. Если хочешь...

ложись здесь. Только спать, — добавила я поспешно, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Ты всю ночь дежуришь, спина заболит на стуле. Я просто... мне будет спокойнее. И ты, возможно, выспишься.

Он смотрел на меня несколько секунд, и я уже мысленно проклинала себя за эту дурацкую просьбу. Но потом он молча поднялся, снял сапоги и осторожно, словно боясь спугнуть, сел на край кровати.

— Спасибо, — сказал он так тихо, что я едва расслышала.

Я подвинулась, освобождая место, и легла, повернувшись на бок. Через минуту он тоже вытянулся, стараясь держаться как можно ближе к краю — благородно, почти целомудренно. Между нами оставалось расстояние, но я чувствовала тепло его тела, слышала его дыхание, и от этого в груди разливалось странное, непривычное спокойствие.

Я закрыла глаза и провалилась в сон без кошмаров.

Следующий день прошёл как в тумане. Метель, наконец, выдохлась, оставив после себя сугробы в человеческий рост и звенящую тишину. Алан ушёл проверять дорогу к конюшне, Рав возился с оружием, а я просто сидела у окна и смотрела, как солнце играет на снегу. Мы почти не разговаривали — каждый думал о своём, но это молчание не было тягостным. Оно было... правильным. Словно мы все трое, сами того не замечая, научились существовать рядом, не нарушая границ друг друга.

А вечером Алан ушёл особенно рано — бросил на ходу

что-то про «проверить сбрю» и скрылся за дверью, прежде чем кто-то из нас успел ответить. Мы с Равом переглянулись, и я почувствовала, как уголки губ сами собой ползут вверх.

— Он это специально, — заметила я.

— Уже не сомневаюсь, — отозвался Рав с лёгкой усмешкой.

Мы с Равом остались вдвоём. Я сидела на кровати, закутавшись в плед, он устроился на стуле у огня.

— Иди сюда. Кровать большая, места хватит. Только без глупостей.

Он хмыкнул, но поднялся и сел на кровать, прислонившись спиной к изголовью. Я подвинулась, освобождая ему место, и мы оказались плечом к плечу.

— Так теплее, — заметила я.

— Теплее, — согласился он.

Мы замолчали. Я чувствовала тепло его тела, слышала ровное дыхание. Веки налились тяжестью. Моя голова сама собой склонилась, уткнулась в его плечо. Он замер на секунду, а потом осторожно положил ладонь на мои волосы и начал медленно перебирать пряди.

— Что ты делаешь? — пробормотала я, не открывая глаз.

— Не знаю. Просто приятно.

Я не стала спорить. В полусне я услышала его голос:

— Иногда мне кажется, что я знал тебя раньше. В какой-то другой жизни. Там, где были только снег и тишина.

— Может, так и было, — прошептала я.

Я заснула. Проснулась на рассвете: моя голова лежала у него на коленях, его пальцы всё ещё запутались в моих волосах. Я осторожно поднялась, укрыла его пледом. Сердце колотилось. Я запретила себе думать о том, что это значит. Но улыбка всё равно не сходила с губ.

Прошёл ещё день. Алан ушёл сразу после ужина, даже не придумывая предлога. На тумбочке стояла бутылка домашней настойки — подарок хозяина гостиницы.

— Будешь? — Рав кивнул на бутылку.

— Наливай, — я пододвинула кружку. — Я русская, меня настойкой не напугаешь. К тому же после того, что я пережила, мне пара глотков явно не помешает.

Он хмыкнул, разлил. Я отпила — терпкая, с травяным привкусом, приятно обжигает горло.

— Расскажи мне об Арануме, — попросила я. — Хочется понять, куда я попала.

— Аранум... — он задумался. — Это старый мир. Ему около десяти тысяч лет. Люди здесь живут бок о бок с аранумарцами, гномами, оборотнями. Когда-то были ещё драконы и единороги, но они ушли во время Великой войны с демонами.

— Великой войны?

— Шесть тысяч лет назад, — кивнул он. — Прорвались полчища. Мир чуть не погиб. Магические существа отдали жизни, чтобы закрыть порталы.

— Как Крааг.

— Крааг был не самым сильным. Бывают и похуже.

— За злость, — поднял он кружку.

— За злость, — эхом отозвалась я, и мы чокнулись.

Пауза затянулась. Я вдруг заметила, что Рав уже несколько минут сидит в неудобной позе, поджав под себя ногу, и то и дело морщится, разминая затёкшую шею. Стул у камина был старым, скрипучим и явно не рассчитанным на долгие посиделки.

— У тебя спина скоро отвалится, — заметила я. — Давай переместимся на кровать, пока ты не превратился в старика раньше времени.

Он усмехнулся, но спорить не стал. Мы перебрались на широкую гостиничную кровать, устланную мягким одеялом, и устроились, прислонившись спинами к деревянному изголовью. Бутылку я предусмотрительно захватила с собой и поставила на тумбочку. Ноги вытянули, укрыв их одним пледом — в комнате было тепло, но от окна всё равно тянуло холодом.

— Вот так-то лучше, — сказал он, откидывая голову на подушку. — Стул действительно был ужасным.

— А ты терпел, — я пихнула его локтем в бок. — Герой.

— Архимаг, — поправил он с лёгкой усмешкой. — Привычка.

— А что было дальше? — спросила я, подливая себе ещё настойки. — Как выжившие отстроились?

Рав сделал глоток и откинулся на подушки.

— Дальше началась новая эпоха. Аранумарцы, люди, гномы и оборотни — все, кто уцелел, — заключили Великий Союз и поделили земли. Аранум стал центром, потому что здесь сохранились самые сильные магические школы и древние библиотеки. Постепенно королевство разрослось, поглотив соседние княжества. Сейчас это самое могущественное государство на континенте. Но не единственное.

— А что за соседи? — я уже устроилась поудобнее, поджав ноги.

— На южном побережье — Вольная Лига. Это союз портовых городов-республик: Россерум, Арджентия, Маренция, Салёрна, Вентия и другие. У них нет короля, всё решают купеческие советы и выборные консулы. Богатые, как демоны, и такие же хитрые. Торгуют всем подряд — от пряностей до артефактов. Аранум с ними то воюет, то дружит, но, в открытую ссориться никто не хочет — слишком много денег на кону.

Он помолчал, покрутил кружку в пальцах.

— К востоку от нас, за Серебряными горами, лежит Королевство Сар. Там правят люди, но живут вперемешку с оборотнями и аранумарцами. Их столица Арк-Сар высечена прямо в скале — впечатляющее зрелище, я тебе скажу. А ещё дальше на восток, за Лесом Тысячи Теней, есть королевство Харад-Тар — там живут только оборотни, чистокровные. Они недолюбливают Аранум.

— Почему?

— Старая история. Земельные споры, ещё со времён Войны. Они считают, что Аранум захватил их исконные территории. И, честно говоря, они правы. Но с тех пор много воды утекло, а обиды остались.

Я задумчиво кивнула.

— А что ещё есть?

— Много чего, — он усмехнулся. — Под горами, что тянутся через весь континент, лежит Подгорное Королевство гномов. Они не любят «поверхностных жителей», но торгуют с нами охотно. Их рунная магия — лучшая в мире. Мечи, доспехи, артефакты — всё, что выковано гномами, ценится на вес золота. Буквально.

— А на севере?

— Там, за Ледяным Хребтом, — Нордхейм. Суровые ребята, живут набегами и рыбной ловлей. В прошлом веке их конунг даже пытался захватить северные провинции Аранума, но получил по зубам и с тех пор сидит тихо. Почти.

Он сделал ещё глоток и продолжил.

— На западе, за морем, есть ещё Империя Талмор. Очень большой остров. Они называют себя Владыками Морей. С ними Аранум соперничает за торговые пути. Столица у них — Сильверпорт, огромный порт, где сходятся корабли со всего света.

Я слушала, затаив дыхание. Оказывается, мир вокруг был гораздо больше, чем я представляла. А Рав продолжал рассказывать о королевствах, о пустынях и степях, о далёких во-

сточных землях за горами. Я заснула под его голос. Проснулась на рассвете: моя голова лежала у него на коленях. Я осторожно поднялась, укрыла его одеялом. Сердце билось ровно. Впервые за долгое время я не боялась будущего.

На следующий вечер Алан не ушёл сразу. Он сидел в кресле у камина, точил кинжал и, казалось, совершенно не собирался покидать комнату. Я переводила взгляд с него на Раву, чувствуя, что между ними что-то происходит — какое-то молчаливое решение, принятое без меня.

Наконец Алан отложил кинжал и посмотрел прямо на меня.

— Рав рассказал мне, — произнёс он ровным голосом, в котором, однако, слышалось напряжение. — О том, что ты ему говорила. О том человеке из твоего мира. О Диме.

Я замерла. Рав сидел у окна, не вмешиваясь, но я видела, как он напряжён.

— Я не просил его рассказывать, — сказал Алан, заметив мой взгляд. — Но он счёл нужным. И я рад, что он это сделал. Потому что теперь я понимаю... многое.

Он поднялся, сделал несколько шагов по комнате, остановился.

— Ты боишься, что тебя снова подчинят. Что отнимут право выбирать. Что любое прикосновение без спроса к тебе — это насилие. — Он говорил спокойно, но каждое слово падало тяжело. — Я понял. Мы оба поняли.

— Вы..., — начала я, но он поднял руку.

— Дай договорить. То платье... мы не подумали. Мы привыкли решать за других: куда идти и что делать. Но ты не солдат и не подчинённый. Ты — слабая женщина, которую внезапно выдернули из её мира, и у тебя есть полное право злиться. И бояться.

Он посмотрел на Рава, потом снова на меня.

— Я хочу, чтобы ты знала: пока ты с нами, никто не посмеет тебя тронуть без твоего согласия. Ни я, ни Рав, ни кто-либо ещё. Если мы когда-нибудь переступим эту черту — можешь ударить нас, и мы не ответим.

— Я не..., — начала я, но голос дрогнул.

— Мы не идеальны, — тихо добавил Рав, не оборачиваясь от окна. — Но мы стараемся. И я, — он помедлил, — я никогда не сделаю тебе больно.

В комнате повисла тишина. Я смотрела на них — на Алана, который точил кинжал и говорил слова, которых я никогда не ожидала здесь услышать, и на Рава, который прятал глаза. И впервые за всё время, проведённое в этом мире, я почувствовала, что меня действительно слышали.

— Спасибо, — прошептала я, наконец. — Это значит для меня многое.

Алан кивнул и снова сел в кресло. Но прежде чем взять в руки кинжал, он бросил на Рава короткий взгляд — внимательны и, означавший, вероятно: «Ну вот, мы всё с ней выяснили. Теперь можно и о деле».

Прошло ещё два дня. Метель начала стихать, но дороги,

по словам Алана, пока оставались непроходимыми. А я уже почти привыкла к заточению в гостинице, когда однажды вечером Алан вошёл в комнату с новым свёртком в руках.

— Только не кидайся им в камин сразу, — предупредил он сухо, но без прежней жёсткости. — Я объясню.

Я насторожилась. Он положил свёрток на стол и развернул. Внутри лежало платье. Темно-серое, из плотной шерсти, без цветочков и кружев. Простое, строгое, с длинными рукавами и высоким воротником. И плащ — серый, тёплый, на меховой подкладке.

— Портной сказал, что твои эскизы слишком сложны для него, — произнёс Алан. — Кожа, мех, особый покрой — в этой деревне такое не шьют. Но он смог сделать это. Цвет — то, что было. По крайней мере, не сиреневый.

Я взяла платье в руки. Ткань была мягкой, добротной. Да, это не были мои чёрные штаны и куртка. Но это было... достойно. И — я не могла не признать — заботливо.

— Спасибо, — сказала я тихо. — Оно... нормальное.

— Я рад, что ты оценила, — Алан позволил себе лёгкую улыбку. — Надень его, когда поедем. Выходить нам скоро.

Он вышел, оставив нас с Равом вдвоём.

Я сидела на стуле, всё ещё держа платье в руках, и молчала. Потом положила его рядом с собой и повернулась к Раву. Он смотрел на меня, не насмешливо, не грустно, а скорее выжидающе.

Я встала со стула так резко, что тот скрипнул по каменно-

му полу, сама не понимая зачем. Что-то внутри — не благодарность, нет, скорее усталость от одиночества — толкнуло меня ближе к этому человеку, который, пусть и переступал иногда границы, но хотя бы пытался мне помочь. Я подошла почти вплотную, заглянула в его зелёные глаза и сказала едва слышно:

— Ты... ты правда всегда хочешь как лучше?

— Правда, — ответил Рав, не отводя взгляда.

И тогда я позволила себе на секунду расслабить плечи — ту самую секунду, когда его ладонь коснулась моей руки.

Мы стояли так несколько секунд. Я чувствовала тепло его ладони. Это было почти уютно. Почти.

А потом он наклонился и поцеловал меня.

Прямо в губы. Быстро, легко, почти невесомо — но это был поцелуй. Я почти ответила на этот поцелуй. Но прежде чем я успела опомниться, его руки сомкнулись у меня на спине — крепко, властно, не оставляя пространства для манёвра. Он прижимал меня к себе всё сильнее, и я не могла пошевелиться, не могла отстраниться, не могла даже повернуть голову. Его пальцы впились в ткань моей кофты, удерживая на месте, и от этого захвата — не грубого, но неумолимого — по телу пробежала дрожь.

Длилось это не больше нескольких секунд, но тут в моей голове словно взорвалась бомба.

«Что?! Мы же договаривались — никаких поцелуев! Он что, спятил? А если я сейчас его ударю? А если мне... по-

нравилось? НЕТ! Не понравилось! Он держит меня! Он держит, а я не могу вырваться, как тогда, как с Димой!»

Я упёрлась ладонями в его грудь и рванулась изо всех сил. Я оттолкнула его с такой силой, что он сделал шаг назад и ударился спиной о стену.

— Ты охренел? — прошипела я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Какого лешего?!

— Аля, прости, — Рав поднял ладони в примирительном жесте, глаза его были полны раскаяния. — Я не хотел...

— Не хотел? А что ты хотел? — я повысила голос. — У нас был договор! Никаких поцелуев, никаких приставаний! А ты целуешь меня, как будто мы... не знаю... влюблённая парочка!

— Ты выглядела такой уязвимой, — сказал он, и его голос был полон искренней, почти жалкой ноты. — Мне показалось...

— А тебе не надо было казаться! Надо было думать головой!

— Что здесь происходит? — раздался голос Алана.

Он стоял на пороге, нахмурившись. Один взгляд на моё злое лицо и на растерянного Рава — и он всё понял.

— Рав, — сказал он жёстко.

— Да.

— Без разрешения?

— Я не подумал.

Алан закрыл глаза на секунду, и я увидела, как у него дёр-

нулся кадык. Он явно сдерживал себя.

— Аля, — обратился он ко мне уже мягче.

— Не надо, — я уже остыла, но в груди всё ещё kloкотала обида. — Я хочу выйти отсюда, погулять, подышать.

— Не уходи, — попросил Рав. — Тебе пока нельзя выходить.

— А я не прошу разрешения выйти, — я машинально схватила свою сумку с вещами и направилась к двери. — Вы систематически нарушаете наши договорённости. Сначала переодели без спроса. Потом обнимали во сне — ладно, это я сама прилепилась, но и вы не отодвинулись. Потом купили уродливое платье. Потом дали денег взаймы, как будто я должника. А теперь этот поцелуй. Что дальше? Вы меня замуж возьмёте, пока я сплю?

— Аля, — Алан шагнул ко мне, загораживая дверь. — Остынь. Мы обсудим.

— Нечего обсуждать, — я отодвинула его плечом. — Мне нужен воздух. Не надо меня спасать, не надо защищать, не надо целовать. Я лучше прогуляюсь одна.

— Лейа! Нельзя! — крикнул Рав.

Я уже не помнила, как вылетела в коридор. Ноги сами несли меня, сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами всё ещё стояло лицо Рава — растерянное, виноватое, но какое мне теперь до него дело?

Вниз по лестнице, мимо изумлённой прислуги, мимо какого-то постояльца с кубком в руке — он что-то крикнул мне

вслед, но я не расслышала. Только ветер в ушах и гулкая пустота в груди.

Я выскочила на крыльцо — и мороз ударил в лицо, как пощёчина. Я даже не подумала одеться. На мне была только моя домашняя одежда: чёрные спортивные штаны с лампасами, мягкие кожаные сапоги на плоской подошве (те самые, которые я так и не успела сменить на местные) и старая серая кофта на молнии, которую я носила ещё в институте. В ней было тепло, пока я в помещении. А на улице — мороз, снег и ветер. Но мне было плевать.

Я побежала. Прочь от гостиницы, прочь от этих стен, где меня пытались сделать куклой. Коллючий снег летел в лицо, сапоги скользили по насту, но я не останавливалась.

За углом, за углом, в переулок, потом вверх по улице — туда, где за крышами виднелся тёмный частокол леса:

— Только бы не упасть. Только бы не оглядываться. Если я сейчас оглянусь и увижу, что они бегут за мной — я закричу. Или заплачу. Или и то, и другое.

А потом мне что-то послышалось. Голоса. Или не голоса — просто шум, треск за спиной. Я не знала, реально ли это, или нервы просто сдали. Но бежать стала быстрее. Сильнее. Почти не разбирая дороги, проваливаясь в сугробы, но только вперёд, подальше от всего, что там осталось.

Глава 4 "Русская закалка плюс здешняя магия".

Глава 4. «Русская закалка плюс здешняя магия».

*Бывали и в других землях товарищи,
но таких, как в Русской земле,
не было таких товарищей.
(Николай Гоголь, «Тарас Бульба»)*

Лес принял меня, как родной — ветвями, снегом, ледяной тишиной. Я провалилась в сугроб по колено, выбралась, побежала дальше. Пока лёгкие не начало жечь, пока в ушах не зашумело. Только тогда я остановилась. Потом просто упала на какой-то старый пенёк, покрытый мхом и инеем.

Я сидела на старом, замшелом пне посреди заснеженной поляны. Ноги онемели от холода — сапоги промокли, пока я бежала по сугробам. Штаны на коленях потемнели от сырости. Кофта почти не грела, ветер пробирался под ткань и гулял по спине ледяными пальцами.

Я обхватила себя руками, зажмурилась и попыталась не дрожать. Не получалось. Меня трясло — от холода, от злости, от обиды. А может, от всего сразу.

Коленки сводило, пальцы на ногах я уже не чувствовала. В носу защипало от мороза, дыхание вырывалось белыми клубами и таяло в воздухе. Декабрь по местному календарю?

Январь? Я не знала. Мне казалось, что я здесь вечность — сижу на этом проклятом пне, смотрю на чужое небо и не понимаю, как я вообще сюда попала.

— Дура, — сказала я себе. — Дура, дура, дура. Надо было стащить у них куртку. И шапку. И не выбегать на мороз в одной кофте.

Но в тот момент я думала только об одном — быть как можно дальше от них. От Рава с его поцелуями без спросу. От Алана с его холодными монетами. От их правильной, сиреневой, душащей меня заботы.

Слёзы застывали на ресницах. Я шмыгнула носом, поёжилась, поджала замёрзшие пальцы в сапогах. Лес молчал. Только снег тихо сыпался с веток, да где-то далеко ухал филин.

— А если я тут замёрзну насмерть? — подумала я вдруг. — Что тогда? Найдут меня весной? Или волки сожрут? Мне стало страшно. Но сил встать и идти дальше не было. Я просто сидела, стучала зубами и ждала чуда. Или конца. И тут я разревелась.

Слёзы лились ручьями — солёные, обжигающие щёки на морозе. Я рыдала в голос, как маленькая, ни о чём не думая. Только чувствуя: обиду, одиночество, тоску по дому. По нормальной жизни, по людям, которые не будут целовать без спроса, лезть в душу, переодевать.

— Ой, надо же, сумку прихватила, — сквозь всхлипы пробормотала я, заметив, что моя сумка с вещами висит на пле-

че. Рефлекс выживания сработал даже в слепой обиде.

В груди кольнуло: я им даже шоколадки хотела подарить — те ёлочки в яркой фольге, с орехами внутри. У нас же сегодня Рождество, кажется. По моему календарю. Или нет? А они и не знают, не увидят, не попробуют.

Всхлипывая, я уткнулась лицом в колени, позволяя рыданиям течь свободно. Лес молчал. Сосны шелестели хвоей. Птицы не пели. Только снег скрипел где-то вдалеке — кто-то приближался, громко ступая по насту.

Я подняла голову.

Прямо передо мной стоял мужик. Крепкий, лет пятидесяти, с седеющими спутанными волосами и лицом, изрезанным морщинами. Одежда на нём была грубая — домотканая рубаха, стёганные штаны, тулуп. Но глаза... серые, пронзительные. Совсем не местные.

— Девочка, — сказал он, и голос его сорвался на хрип. — Девочка... Ты... русская?!

Я замерла.

— Русская, — выдохнула я, едва веря своим ушам. — Русская. Аля. Из России. А вы? Откуда здесь ещё один русский? А как?

Мужик присел на корточки прямо передо мной, по-простому, по-деревенски, и взял меня за руку — крепко, по-отечески.

— Ты сейчас рыдала на весь лес вслух на русском языке. Я тоже русский, — сказал он. — Я дядя Миша. А по-здешнему

— Михаль. Надо ж, землячка. Кто ж тебя такую маленькую обидел? Ты чего так рыдала-то душераздирающе?

Я хлюпнула носом и, уже не стесняясь, выложила ему всё.

Про аварию. Про демона Краага. Про пробуждение в гостинице. Про алтарь и жертвоприношение. Про парней, которые спасли, а потом переодели, купили уродливое сиреневое платье, дали займы денег — и поцеловали без спроса.

— А Рав этот, — спросил дядя Миша, — белобрысый? Зелёными глазами?

— Он самый.

— А второй — тёмненький, серьёзный, как сын?

— Алан.

Дядя Миша крикнул, покачал головой и тяжело поднялся.

— Знаю я их, — сказал он. — Они вчера у меня были, спрашивали про тебя. А ты, выходит, от них сбежала. Ну, пойдём, милая. Ко мне в дом пойдём. Чайку попьем, обогреемся. Жена моя, Марица, человек добрый, умный. Придумаем, что с тобой делать. И домой вернуть — тоже поможем, чем можем.

Я кивнула, всхлипнула и подала ему руку.

Лес сомкнулся за нами, когда мы двинулись по тропинке, скрипящей под ногами. Впервые за много дней у меня появилась надежда — не на чудо, а на обыкновенное человеческое тепло. Тот, кто родился в России, поймёт: чужой мир перестаёт быть чужим, когда находишь в нём русскую речь и русскую душу.

Мы шли по лесу не спеша. Дядя Миша шагал уверенно, как человек, знающий в этом лесу каждую тропинку, каждый корень под снегом. Я плелась следом, иногда проваливаясь в сугробы, но он каждый раз оборачивался и подавал руку — молча, без лишних слов.

За полчаса пути он рассказал свою историю.

— В девяностые я служил начальником охраны у одного бандитского авторитета, — начал он, и в его голосе не было гордости, только простая констатация факта. — Типичный кадр той эпохи. Пушки, разборки, постоянная готовность к тому, что сегодня ты жив, а завтра — нет. В один из дней шёл я по периметру дачи, в руках — потрёпанный чемоданчик. Там у меня было оружие и направлялся я к оружейному хранилищу. И тут — взрыв.

Он помолчал, глядя куда-то в снежную даль.

— Привет от конкурентов. Очнулся я в этом самом лесу, на руках у красивой селянки. Она была знахаркой и дочкой местного старосты этой деревеньки. Марица её звать. Вылечила меня — раны затянулись под её заклинаниями и мазями. Потом я её от оборотня спас. Тварь была в ночи, но русская сила и военная выучка взяли верх.

Он усмехнулся, но усмешка вышла тёплой.

— Потом любовь случилась. Тихая, как лесной ручей, но крепкая. Поженились в маленькой часовне у реки. Нарожали детишек: Настеньку и Петрушу. А потом папенька супруги скоропостижно скончался — место старосты в деревне осво-

бодилось. Меня селяне и выбрали. Уважают за решимость. А я правлю твёрдой рукой, но справедливо. Жертвоприношения, например, запретил сразу. Как сказал — и без вариантов обсуждения.

Я вздрогнула при упоминании жертвоприношения. Дядя Миша заметил, но промолчал.

— И никто не спорил? — спросила я, осторожно переступая через упавшую ветку.

— А с кем спорить? — хмыкнул дядя Миша. — Фигура у меня внушительная, плечи широкие, кулаки тяжёлые.

— Лет пять назад здесь начались вторжения демонов, — продолжил он. — Чёрные трещины в реальности рвутся, как паутина, выпуская тьму. Логика нет никакой: демоны появляются хаотично, то у малой деревушки, то в чистом поле. Моя Земляничка, ну деревенька эта — одно из мест, где твари возникают чаще других. Поэтому маги из столицы здесь частые гости. Вчера, например, как говорят, Краага убили двое — один светлый, другой тёмный. Твои, выходит, спасители.

— Алан и Рав.

— Они самые. — дядя Миша кивнул. — Хорошие парни, между прочим. Я с ними парой слов перекинулся вчера, когда они тебя искали. Переживали, между прочим. Ты чего от них убежала?

— Ты уже спрашивал, — вздохнула я. — Платье, поцелуй, самоуправство. Долгая история.

— Ну и ладно, — он не стал давить. — Не хочешь — не рассказывай. Главное, что ты жива.

Мы вышли на опушку, и я увидела дом. Бревенчатый, крепкий, с резными наличниками на окнах. Крыша утопала в снегу, из печной трубы вился дымок. Двор был чисто убран, дрова аккуратно сложены поленницей. Всё говорило о хозяйском глазе и твёрдой руке.

На крыльце стояла женщина в тёплом платке, а рядом с ней — двое детей. Девочка лет восьми, с русыми косичками и любопытными глазами, и мальчик лет пяти, крепыш, в валенках и полушубке.

— Папка! — закричали они хором и бросились к нам.

Дядя Миша подхватил их обоих, расцеловал в щёки, поставил на землю.

— Знакомьтесь, — сказал он. — Это Аля. Она из России, как и я. Будет у нас сегодня в гостях. Вы там не шалите, поняли?

— Поняли, — девочка уставилась на меня с восторгом. — А ты демона когда-нибудь видела?

— Настенька! — прикрикнула женщина с крыльца. — Не приставай к человеку.

Она спустилась к нам, вытирая руки о фартук. Марица оказалась именно такой, как описывал дядя Миша: тёплая, с мягкими чертами лица и улыбкой, которая разгоняла любые тени. Ей было под сорок, но глаза оставались молодыми и живыми.

— Здравствуй, милая, — сказала она, беря меня за руку.
— Проходи в дом. Замерзла небось. Обед уже на столе. Борщ с чесноком, хлеб свежий, наливочка ягодная. А там и поговорим.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Идиллия, — сказал дядя Миша, подмигивая.

— Ага, — кивнула Марица. — Идиллия с перчиком.

Внутри дом оказался ещё уютнее, чем снаружи. Большая русская печь занимала половину избы, от неё шло густое, ласковое тепло. Пахло хлебом, травами и чем-то сладким — то ли мёдом, то ли сушёными яблоками.

Я скинула сапоги, прошла к столу. Стол был массивный, дубовый, покрытый домотканой скатертью с вышитыми рунами и цветами. На нём уже дымилась миска с борщом, стоял каравай хлеба, соленья, квашеная капуста. В глиняном кувшине — наливка.

— Садись, — Марица пододвинула мне лавку. — Ешь, а потом и поговорим.

Я села. Дети — Настенька и Петруша — уже управились со своей едой и теперь сидели в горнице у окна с книжками. Дядя Миша занял место во главе стола, налил себе мутноватой жидкости из другого кувшина — самогон, как поняла я.

— А ты что будешь? — спросила Марица.

— Наливку, — сказала я. — Если можно.

— Конечно.

Я отхлебнула. Ягодная, сладкая, с лёгкой кислинкой. По телу разлилось приятное тепло.

— Хорошо, — выдохнула я.

— Ешь, — повторила Марица. — Всё потом.

Я ела. Борщ был густым, красным, с ломтиками сала и зеленью. Хлеб — с хрустящей корочкой и мягким мякишем. Соления — хрустящие, пахнущие укропом. Я не помнила, когда в последний раз ела так спокойно, не оглядываясь, не боясь, что сейчас кто-то войдёт и что-то потребует.

Дядя Миша молчал. Марица хлопотала у печи, поправляла горшки. Только когда я доела вторую миску и отодвинулась, тяжело вздохнув, они переглянулись.

— Ну, — сказал дядя Миша. — Рассказывай теперь всё по порядку. С самого начала.

Я рассказала. Про аварию, про пробуждение в пещере, про демона Краага, про алтарь, про ритуал, про спасение, про гостиницу, про сиреневое платье, про поцелуй, про побег. Про то, что у меня больше нет ни дома, ни документов, ни денег. Про то, что я хочу вернуться.

Марица слушала молча, кивая, иногда вздыхала. Дети в горнице шелестели страницами. На улице начинало темнеть, в избе зажгли свечи.

— Тяжёлая у тебя история, — сказала, наконец, Марица. — Но ты жива, и это главное. А живой человек всегда может начать сначала.

— А как? — спросила я. — У меня ничего нет. Даже име-

ни, если не считать шуточного.

— Шуточного? — поднял бровь дядя Миша.

— Лейа. Я так для здешних назвалась. В честь принцессы из космической сказки.

— Принцесса, значит, — он усмехнулся. — Ну что ж, Лейа так Лейа. Имя красивое, нездешнее. Никто не заподозрит.

Он замолчал на несколько секунд, пристально глядя на меня поверх кружки. Я поймала его взгляд — серый, пронзительный, оценивающий. А потом он поставил кружку на стол и сказал:

— Слушай, Аля... вернее, Лейа. Я тут подумал. Ты пришла из нашего мира, но ничего об этом не знаешь. Парни твои — они тебя спасли, но, как я вижу, многого не рассказали. А ты ведь должна понимать, куда попала и с кем имеешь дело.

Я насторожилась.

— Ты о чём?

— О том, — он понизил голос, хотя мы были в доме одни, — что в этом королевстве не всё так просто, как кажется. Демоны, маги — это только верхушка. Если ты собираешься здесь выжить и найти дорогу домой, тебе нужно знать правду. Всю правду. Не приукрашенную.

— Почему ты мне это рассказываешь? — спросила я, чувствуя, как моё сердце начинает биться чаще.

— Потому что своих надо предупреждать, — просто от-

ветил дядя Миша. — Я тоже чужак здесь. Двадцать лет прожил, а всё равно помню, как страшно было в первые дни. Если бы мне кто-то тогда объяснил, что к чему — может, я быстрее освоился, меньше ошибок наделал. А у тебя времени нет на ошибки, девочка. Тебя ищут, а ты — как слепой котёнок. Так что слушай и запоминай.

Он отодвинул пустую миску и положил руки на стол:

— Слушай сюда, Аля. Ты находишься в королевстве Аранум. Правит им племя аранумарцев — раса красивых созданий, похожих на эльфов из наших старых сказок. Маги, воины, поэты. Аранумарцы держат власть уже много веков.

— И вот что я тебе ещё скажу, — дядя Миша понизил голос, хотя в избе никого, кроме нас, не было. — Как я понял, из вчерашней беседы с твоими магами, Совет магов этого королевства уже каким-то образом прознал про тебя и ищет тебя тоже. Так что ты теперь не только от своих спасителей бежишь, и они, выходит, не просто так тебя разыскивали.

— Зачем?

— Пока неясно. Совет раскололся. Одни считают тебя опасной — твой голос перебивает любого демона. Другие хотят защитить, думают, что ты ключ к затворению демонских трещин. А третьи просто хотят посадить тебя в башню и изучать. А знаешь, откуда я про совет магов узнал? — он отодвинул кружку. — Я вчера случайно их разговор услышал, когда они на коней сажались. Твои-то парни, Рав и Алан, между собой переговаривались, а я неподалеку в са-

райке был.

— Спасибо, перспектива у меня огонь. А эти сектанты? — спросила я, грея руки о кружку с горячим травяным чаем.
— Откуда они вообще взялись в вашей тихой деревне? Вы же говорили, что жертвоприношений не было.

Дядя Миша помрачнел, отодвинул пустую тарелку.

— Не было, — подтвердил он. — До тех пор, пока в округе не появились демоны. Крааг — не первый, кто пришёл через трещину. Сначала были мелкие твари — пакостили по ночам, пугали скотину. Селяне терпели, ставили защитные знаки. А потом, как я выяснил, кто-то из пришлых прохиндеев, торговец или бродячий маг, пустил слух: мол, демонов можно задобрить жертвой. Дескать, если отдать одного человека — остальные будут жить в покое.

— И поверили?

— А куда деваться? — дядя Миша развёл руками. — Люди тёмные, грамоты нет, магии боятся. Вот и ухватились за эту идею, как за соломинку.

Меня передёрнуло.

— А где они сейчас? Те, кто слух пустил?

— Сбежали, — дядя Миша сплюнул в сторону. — Как только маги приехали из столицы — Краага убили и начали расследование. Эти твари испарились, будто их и не было. Но я уверен: они не из местных. У нас каждый человек на виду, каждый — сосед. А эти появились ниоткуда и исчезли в никуда. Я не успел — больше трёх дней их не видели, а

спрашивать теперь не с кого.

— Значит, они не из Землянички, — я осмелилась предположить. — Пришлые. Может, их кто-то намеренно прислал?

— Прислал? — дядя Миша нахмурился. — Зачем?

— Не знаю. Чтобы проверить, как отреагируют маги? Или чтобы... открыть порталы для демонов? Вдруг жертвоприношения — это часть какого-то большого плана?

Дядя Миша долго молчал, потом кивнул.

— Ты умная девчонка, Аля. Я тоже об этом думал. Но доказательств нет. А без доказательств у нас только догадки.

Мы замолчали. В печке потрескивали дрова, и в этом звуке мне слышался далёкий, зловещий шёпот — тех, кто всё ещё где-то рядом, кто ждёт своего часа.

— Не падай духом. — дядя Миша налил себе ещё самогона. — У меня кажется есть для тебя план.

Марица под села ближе.

— Здесь есть небольшой приморский городок – Рябинка. А в Рябинке есть магическая школа, — сказал он. — Называется **Litterarum Magnus** — дословно «Великое Книгохранилище». Туда принимают всех, у кого есть хоть малая искра дара. Учат бытовой магии, травам, зельям, основам защиты. А ещё там — огромные библиотеки. Свитки, манускрипты, книги на сотнях языков.

— Я не умею колдовать, — возразила я.

— Умеешь, — твёрдо сказала Марица. — Волосы же сама

себе перекрасила, это чувствуется. Это бытовая магия. Не осознанная, но это твой дар. Если его развить — сможешь и не такое.

— А лучших учеников, — добавил дядя Миша, — отправляют в столицу. В **Primus Litterarum Magnus**. Главный магический университет. Там такие библиотеки — башни из книг. Если где и есть ответ, как тебе вернуться домой — то там.

— Но у меня нет документов, — возразила я. — Нет местной родни. Никто никого ни в каком мире не возьмёт в школу без официальных бумаг.

— А вот тут, — дядя Миша усмехнулся, — я тебя прикрою.

Он рассказал про свою дальнюю племянницу. Эрику — Рiku для домашних. Сирота из Дальнего графства, жила у дальних родственников в деревеньке у городка Загорье. Несколько месяцев назад туда, по слухам, нагрянули оборотни — целое нашествие, твари рвали всех подряд. Деревеньку снесли подчистую, никого в живых не осталось. А Рика как раз в это время собиралась в Litterarum Magnus — документы уже оформила, место забронировала, но не успела.

— Я её редко видел, — сказал дядя Миша. — Но родня есть родня. Когда пришла весть о гибели, Марица тогда очень плакала. И вот я подумал: почему бы нам сейчас не использовать её бумаги? В школе Рiku никто в лицо не знал. А ты — девушка примерно того же возраста. Чем не Рика?

— Но я не похожа на неё, — возразила я.

— И не надо быть похожей. В лицо не видели. Главное — документ. Имя — **Эрика луву Лесная**. Внешность... ну, мало ли, стресс, магия — волосы перекрасились. От оборотней убегала, пережила ужас. Никто с допросом не пристанет.

— А возраст? Мне двадцать четыре, а Рике...

— Рике было двадцать, — спокойно ответил дядя Миша. — Но ты без макияжа выглядишь на девятнадцать. Не заметят. Место в школе оплачено, общежитие закреплено. Тебе останется только прийти, предъявить бумагу и пройти вступительное тестирование. А там — библиотеки и твой шанс найти дорогу домой.

— А если разоблачат? — я посмотрела на них.

— Не разоблачат, — твёрдо сказал дядя Миша. — Потому что ты и есть Рика. Сирота, выжившая после нашествия оборотней, с характером и с даром к бытовой магии. Ты в это сама поверь — и остальные поверят тоже.

Я выдохнула. Хорошо.

Я больше не Аля и не Лейа. Я — Рика. По крайней мере, до тех пор, пока не найду дорогу домой.

Вечер опускался на лес, свечи догорали, а я сидела за дубовым столом в избе русского старосты деревеньки иного мира и чувствовала, как страх понемногу отпускает. Рядом были свои.

Догорающие свечи отбрасывали пляшущие тени на бревенчатые стены. Я сидела за столом, чувствуя, как тепло от

печки проникает в самые закоченевшие уголки души. Марица убрала посуду, дети уже ушли спать, и мы остались втроем — я, дядя Миша и его жена.

— Ну что, — сказала Марица, вытирая руки о фартук. — Раз решили, что ты теперь Рика, надо делать тебя Рикой снаружи. Волосы у тебя красивые, медовые, но слишком заметные. Парни твои видели тебя с таким цветом. Да и в школе могут спросить — почему ученица из Загорья, где большинство рыжие, а ты вдруг блондинка?

— Я и не блондинка, — возразила я. — Мой медовый — это русый с золотом.

— Для здешних — слишком светлый, — махнула рукой Марица. — А настоящая Рика была ярко-рыжей, как пламя. И кудрявой. Прямые волосы у нас редкость, только у арану-марцев. Так что придётся тебя... колдануть немного.

— Колдануть?

— Бытовая магия. Я ж знахарка. Травы, коренья, отвары. Есть у меня один рецепт — стойкая краска на основе корня марены и лепестков календулы. Волосы не портит, цвет даёт огненный, держится месяц. Потом обновишь, я тебе с собой её дам.

Она подошла к сундуку, достала глиняную плошку с густой пастой, пахнувшей мёдом и лесом, и поставила на стол.

— Раздевайся до пояса, — скомандовала она. — Запачкаешь одежду.

Я сняла свою спортивную кофту, оставшись в футболке —

кусочке моего мира, который всё ещё был при мне. Марица окинула меня взглядом без осуждения, покачала головой.

— Худая ты, милая. Кормить надо.

— Знаю, — буркнула я.

— Посиди немного смирно.

Она нанесла пасту на мои волосы, втирая её от корней до самых кончиков. Пальцы у неё были тёплые, движения — уверенные, привычные. Я закрыла глаза и позволила себе ничего не решать хотя бы на эти полчаса. А дядя Миша тем временем вышел во двор — проверять лошадей.

— Теперь ждём, — сказала Марица, укутывая мою голову в полотенце. — Полчаса. Можешь пока подремать.

— Я не усну, — ответила я, но глаза слипались сами собой. Тепло, тишина, запах трав... Впервые за несколько дней моё тело не требовало быть настороже.

Через полчаса Марица сняла полотенце, подвела меня к медному умывальнику с тёплой водой и начала смывать пасту. Я смотрела в воду — коричнево-рыжие разводы уходили в слив, а на смену им приходил новый цвет.

— Готово, — сказала она, вытирая мои волосы льняным полотенцем. — Глянь.

Она поднесла к моему лицу полированное медное зеркальце. Я ахнула.

Из зеркала на меня глядела незнакомка. Огненно-рыжие кудри, крупные, как языки пламени, торчали во все стороны. Волосы стали гуще, объёмнее, и отливали медью. Я провела

рукой — они были мягкими, шелковистыми, совсем не похожими на жёсткую паклю, которую я ожидала.

— Теперь заплетём в косы, — сказала Марица. — Две. С ленточками. Так у нас деревенские девушки носят.

Она ловко разделила волосы на две части, заплела тугие косы, вплела вязанные ленточки песчаного цвета. Я снова посмотрела в зеркало. Теперь из него на меня смотрела простая деревенская девушка — ничего примечательного, ничего угрожающего.

— Осталось одеть, — Марица подошла к сундуку и достала стопку одежды. — Это для Рики приготовили. Она как раз твоего роста и примерно такой же комплекции. Всё практичное, деревенское, без излишеств.

Она разложила вещи на лавке: юбка до пола, широкая, из грубой шерсти песчаного цвета; белая блузка с длинными рукавами-фонариками, вышитая мелкими васильками по вороту; тёплая безрукавка на овчине; короткий полушубок из овчины, крытый коричневой тканью; вязанный платок; шапка-ушанка серого меха; красные черевички на кожаной невысокой подошве.

— Нижнее бельё, — Марица протянула мне льняную сорочку, что-то похожее на льняные шорты и шерстяные чулки. — Переодевайся.

Я натянула всё это на себя, чувствуя, как чужая ткань прилегает к телу. Сначала было неудобно — после удобных спортивных штанов и футболок юбка казалась бесконечной,

мешала двигаться. Но шерсть оказалась мягкой, не колючей, а полушубок — неожиданно тёплым и лёгким.

— Теперь сапоги, — Марица помогла мне зашнуровать черевички. — В них удобно, проверено. Рика сама выбирала.

Я встала, сделала несколько шагов. Юбка шуршала, сапоги не скрипели. Я повернулась перед маленьким настенным зеркалом — оттуда на меня смотрела чужая девушка. Рыжая, кудрявая, в скромной деревенской одежде, с красными черевичками и вязаным платком на плечах.

— Ну как? — спросила я.

— Идеально, — сказал дядя Миша, возвращаясь с мороза. — Никто не узнает.

— Я похожа на деревенскую дурочку, — вздохнула я.

— Ты похожа на местную, — поправил он. — А это главное. Потом, в школе, можно будет и штаны носить, и куртку. У них есть такие правила для суденток. А пока — учись быть незаметной.

Марица принесла ещё один свёрток.

— Это твои личные вещи, — сказала она. — Документы, немного денег, которые мы скопили для Рики. Скажешь, что ехала издалека, устала. Никто не будет копать.

— А мои... мои земные вещи? — спросила я, глядя на свой рюкзак, оставленный в углу.

— В тайник, под пол, — дядя Миша постучал ногой по половице. — Здесь они в безопасности. Вернёшься — забе-

решь.

Я кивнула. Дневник и ручку я спрятала в нагрудный карман блузки — без них было никак.

Когда сборы подошли к концу, дядя Миша отозвал меня в угол.

— Держи, — он протянул мне свёрток тёмной ткани.

Я развернула — и замерла. Пистолет. Чёрный, компактный, с коротким стволом и удобной рукояткой. Два запасных магазина, туго набитые патронами. «Гюрза» — легендарное оружие, о котором я слышала только в рассказах отца.

— Откуда? — выдохнула я.

— Со мной было, когда я сюда попал, — дядя Миша потупился. — Хранил на всякий случай. У меня в тайнике ещё есть стволы, так что не обеднею. А тебе будет нужнее. Стрелять умеешь?

— В тире стреляла, — я проверила предохранитель, выщелкнула магазин, защелкнула обратно. — Папа учил.

— Значит, пригодится. Спрячь в потайной карман юбки — Марица тебе его пришила. И помни: пользоваться только в крайнем случае. Демонов им вряд ли убьёшь, а вот от людей и магов защититься можно.

Я спрятала пистолет — он уютно лёг в специальный карман, слегка оттягивая ткань. Деньги — серебряные монеты с рунами — уложила в другой карман.

— Спасибо, — сказала я, и голос мой дрогнул. — Я верну. И деньги, и оружие.

— Деньги — это подарок, — усмехнулся дядя Миша. — Пистолет — подарок. У нас тут не специальных магазинов, а вот сволочи иногда попадаются. Пригодится.

Он глянул в окно, на темнеющее небо, и добавил:

— А выезжать надо прямо сейчас. К тому же, чем скорее ты уедёшь из этих мест, тем меньше шансов, что твои парни или маги из Совета нападут на твой след. Ночью на дорогах пусто — никто не увидит, не запомнит. Так что, Аля — прощайся с Марицей, и в седло.

Мы вышли на крыльцо. Уже стемнело, но луна светила ярко, заливая деревню серебряным светом. Снег искрился, как алмазная крошка. У коновязи стояли две лошади — гнедая кобыла для меня и вороной жеребец для дяди Миши.

— Ехать нам до утра, — сказал он. — В Рябинке будем к полудню. А оттуда до школы — рукой подать.

Я подошла к кобыле, погладила её морду. Лошадь фыркнула, доверчиво ткнулась носом в ладонь.

— Боязно? — спросил дядя Миша.

— Немного, — призналась я.

— Это нормально. Кто не боится, тот не выживает.

В дверях показалась Марица с корзиной в руках.

— Возьми в дорогу, — сказала она. — Пирог с капустой, сушёное мясо, яблоки, хлеб. Чай на травах заварю в *термос* — вернее, в глиняный кувшин с заклиниванием сохранения тепла. Миша рассказал, а я сделала.

Я приняла корзину, привязала к седлу.

— Марица, спасибо вам, — сказала я. — Я даже не знаю, как вас всех отблагодарить.

— Выживи, — ответила она просто. — Вернись домой. А нам с Мишей будет что внукам рассказать: как русскую девочку из другого мира спасали.

Марица протянула мне маленький холщовый мешочек:

— Оберег. От дурного глаза. Носи с собой.

Я повесила мешочек на шею под блузку.

— У меня тоже кое-что есть, — я порылась в кармане и достала шоколадные плитки в фольге, которые всё это время лежали в моей спортивной сумке. — Это вам. У нас сегодня Рождество, кажется. Или было вчера, или завтра. Не знаю уже. Но это праздничное. Детям.

Я протянула ей шоколад. Марица ахнула, попробовала кусочек, зажмурилась от удовольствия. Дядя Миша крикнул, пряча улыбку.

— Сладкое, — сказал он. — Но это приятно. Это по-нашему. Спасибо, дочка.

«Дочка». Это слово прожгло меня насквозь. Но я не заплакала при них — только крепче сжала поводья.

— Ну, с богом, — сказал дядя Миша, ловко вскакивая в седло. — Трогаем.

Я подошла к кобыле, взялась за луку седла, поставила ногу в стремя и — вжух — оказалась в седле, раньше, чем успела испугаться.

— Молодец! — присвистнул дядя Миша. — Откуда уме-

ешь?

— Лето в деревне у бабушки, — ответила я, поправляя юбку. — И один вредный жеребец, который сбрасывал меня раз десять. На одиннадцатый раз я уже не падала.

Марица перекрестила нас по-русски на дорогу. Мы выехали со двора и лес сомкнулся за спиной. Луна светила сквозь ветви, отбрасывая причудливые тени. Копыта лошадей стучали по мерзлому снегу глухо и ровно. Я смотрела на спину дяди Миши, на его широкие плечи, и чувствовала себя почти в безопасности.

— Дядь Миш, — спросила я через полчаса пути. — А что насчёт демонов? Я всё думаю — это не случайно. Слишком системно. Сначала мелкие твари, потом Крааг, потом оборотни, которые вырезают целые деревеньки. Кто-то проверяет вашу боеспособность. Готовит вторжение.

— Я тоже так думаю, — серьёзно ответил он, не оборачиваясь. — Поэтому и держу деревню в боевой готовности. Учения раз в неделю, ловушки в лесу. Мы не сломаемся. Русская закалка плюс здешняя магия — крепче стали.

— А те... парни, — я помедлила, но всё же спросила. — Рав и Алан. Они могут быть на нашей стороне?

— Могут, — дядя Миша повернул голову, и луна осветила его морщинистое лицо. — Но не факт. Они не свободны в своих решениях, как мы. Если Совет решит, что ты опасна — они не смогут тебя защитить. Даже если захотят.

— Я их не просила защищать, — буркнула я.

— А они и не спрашивали, — усмехнулся он. — Так уж мужчины устроены. Мы сначала делаем, потом думаем. Ты на них не злишься слишком сильно. Они может правда хотели, как лучше.

— Лучшее — враг хорошего, — вздохнула я.

— Это точно.

Дорога вилась между соснами. Где-то вдалеке ухнула сова. Мороз крепчал, но в полушубке и под двойной юбкой было тепло.

— А если я в школе не смогу? — спросила я. — Если магия не проснётся? Если меня выгонят?

— Значит, придумаем другой план, — спокойно сказал дядя Миша. — Мир большой, Аля. Даже этот, средневековый. Здесь есть не только маги и демоны. Есть деревни, где нужны рабочие руки. Есть города, где нужны люди с головой. Есть и другие места. Найдём способ.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За всё.

— Не благодари, — он махнул рукой. — Земляки должны помогать друг другу. Свои своих не бросают. Иначе кто нам поможет?

Мы ехали дальше. Луна поднялась высоко, освещая нам путь. Я смотрела на звёзды — такие же, как в моём мире? Или другие? Я не знала. Но впервые за много дней я не боялась того, что ждёт впереди.

Мы ехали всю ночь. Луна то пряталась за облаками, то снова выходила, освещая заснеженную дорогу. Дядя Миша

ехал впереди, уверенно выбирая путь, я — за ним, стараясь не отставать и не думать о том, что каждая минута приближает меня к новой жизни, о которой я ничего не знаю.

Лошади шли ровно, не сбиваясь с шага. Подковы звонко цокали по мёрзлой земле. Мороз крепчал к полуночи, но в полушубке и под двойной юбкой было тепло, а ещё Марица засунула мне в карман небольшую грелку — мешочек с горячими углями, который сохранял тепло благодаря магии. Он лежал у меня на животе, и я чувствовала, как маленький островок уюта согревает изнутри.

— Почти доехали, — сказал дядя Миша, когда небо на востоке начало светлеть. — Вон, за теми холмами — Рябинка. Не ожидала? Это не деревня, а целый портовый город на северном побережье.

— Порт? — удивилась я. — Ты говорил «городок».

— Я скромничал, — усмехнулся он. — Здесь корабли приходят из-за моря, везут ткани, пряности, магические артефакты. Рынки шумные, народу много. Тебе будет проще затеряться.

Мы взобрались на холм, и Рябинка открылась передо мной. Я ахнула. Город раскинулся внизу, спускаясь террасами к синему морскому заливу. Дома — каменные, в два и три этажа, с черепичными крышами — теснились вдоль узких улочек. Над ними возвышались башни ратуши и шпили храмов. А вдали, у самой воды, толпились мачты кораблей.

— Ничего себе, — выдохнула я.

— Ничего себе, — согласился дядя Миша. — Но мы не в город, а сразу в школу. Она на другом конце, на скалистом мысе. Видишь?

Он указал на северо-запад, и я разглядела за городскими крышами массивные серые стены. Над ними возвышались башни — не одна-две, а целых семь, с зубчатыми парапетами и остроконечными крышами. Комплекс был огромен; он занимал весь мыс, а у подножия скалы пенились морские волны.

— Это... школа? — не поверила я.

— *Litterarum Magnus*. Один из старейших магических замков королевства. Здесь учатся бытовой магии, травам, лекарскому делу. Внутри — внутренние дворы, сады, несколько корпусов. А под землёй — библиотеки, о которых ты мечтаешь.

— Библиотеки под землёй?

— Тысячи книг. Некоторые — ещё с тех времён, когда демоны впервые появились в этом мире. Если там и есть ответ, как тебе вернуться домой — то он там.

Я смотрела на замок, и сердце моё билось где-то в горле. Он был прекрасен в своей суровой мощи — и пугал до мурашек.

Дорога к замку вилась вдоль городской стены, потом резко сворачивала в гору. Мы проехали через массивные ворота с подъёмной решёткой и оказались на внешнем дворе.

Здесь было просторно. Слева тянулись конюшни, каза-

лось, на сотню лошадей, справа — кузница и хозяйственные постройки. Прямо возвышался главный корпус: три этажа серого камня, узкие окна-бойницы, мощные контрфорсы. От него в разные стороны расходились жилые флигели и учебные башни.

— Похоже на крепость, — заметила я.

— Так и есть, — кивнул дядя Миша. — Здесь и защищаться можно, если что. Лет пять назад, когда случился прорыв демонов прямо у стен, студенты и преподаватели встали на стены с мечами и заклинаниями. Отбились.

Из конюшни вышел старый конюх, принял у нас лошадей. Мы с дядей Мишей направились к главному входу, где нас встретил привратник — не старик, как я ожидала, а молодой маг в синей мантии, с цепким взглядом.

— Вы к кому? — спросил он.

— Я Михаль, староста Землянички, — дядя Миша протянул свиток с печатью. — Привёз племянницу на учёбу. Она Эрика луву Лесная, из Загорья. Нам нужно к члену школьного совета.

Привратник изучил документ, кивнул и провёл нас через массивную дубовую дверь внутрь.

Главный холл замка поражал размерами. Каменные своды уходили вверх на несколько этажей, вдоль стен висели гобелены с изображениями битв магов с демонами. Горели магические светильники — стеклянные шары с ровным золотистым светом. Нас встретил секретарь и проводил в приём-

ную, где мы ждали не больше пяти минут.

Затем дверь открылась, и нас пригласили войти.

Кабинет члена школьного совета оказался не таким помпезным, как я ожидала. Обычная комната с высоким окном, выходящим на море. У стола — кресла для посетителей. Вдоль стен — шкафы с фолиантами.

Сам советник — мужчина на вид лет сорока пяти, с проседью в тёмных волосах, одетый в дорогой, но без излишеств камзол тёмно-зелёного цвета с умным, чуть усталым лицом и серыми глазами, которые смотрели на нас сейчас пронзительно, но без злости.

— Господин Корвин, — представился он, поднимаясь навстречу. — Член Совета школы, курирую зачисление. Вы, должно быть, Эрика?

Я сделала реверанс, как учила Марица.

— Да, господин Корвин.

— Садитесь, прошу вас, — он указал на стулья. — Михаил, вы останетесь здесь на несколько дней?

— Нет, — сказал дядя Миша. — Я только привёз племянницу и хочу убедиться, что её примут. Дела в деревне меня ждут.

— Примут, если пройдёт испытание, — Корвин посмотрел на меня. — Вы знаете, что мы проверяем магический потенциал? Если дара нет — мы не можем принять на обучение. Однако даже слабый дар к бытовой магии или травам — уже основание для зачисления.

— Я понимаю, — сказала я.

— Хорошо. Тогда пройдёте в зал испытаний.

Зал испытаний находился в одной из башен. Это была круглая комната с низким сводом, посреди которой на полу был выложен мозаичный круг из разноцветных камней. В воздухе пахло травами и древностью.

— Встаньте в центр, — велел Корвин.

Я шагнула в круг. Дядя Миша остался у двери, сложив руки на груди. Член совета подошёл к стене, достал с полки небольшой, но явно очень старый хрустальный шар, который тускло мерцал изнутри.

— Закройте глаза, — сказал Корвин. — Дышите ровно. Вспомните что-то, что согревает вас изнутри. Не думайте о магии. Просто о тепле.

Я закрыла глаза. И я представила маму на кухне, папу с его дурацкими шарфами, нашу старую квартиру, книги, запах бабушкиных пирогов, моих смешливых подруг. Тепло разлилось по груди — слабое, но настоящее.

— Откройте глаза, — услышала я.

Хрустальный шар в руках Корвина слабо светился зелёным. Член совета смотрел на него, потом на меня.

— Ваш дар, Эрика, слабый, но он есть. Бытовой уровень, склонность к травничеству и зельям. Этого достаточно, чтобы учиться. Поздравляю, вы зачислены.

Я выдохнула с таким облегчением, что чуть не села на пол.

— Спасибо, — сказала я. — Большое спасибо.

— Ваша комната — в жилом корпусе «Белый павлин», это флигель справа от главного здания, третий этаж, окно во внутренний сад. Сегодня отдохайте, пройдите регистрацию в канцелярии, ознакомьтесь с расписанием. Завтра с утра — начало занятий.

Он повернулся к дяде Мише.

— Михаль, вы можете оставить вещи вашей племянницы и быть свободны. Она в надёжных руках.

— Я верю, — кивнул дядя Миша. — Но, если что, я приеду.

Мы вышли ко внутреннему двору. Я впервые увидела школу почти целиком — замок действительно был огромным. Кроме главного корпуса, здесь были жилые флигели, столовая, учебные башни и даже небольшая часовня. В центре двора — сад, пусть и заснеженный, но ухоженный, с каменными скамьями и фонтаном (замёрзшим, но красивым). Ходили люди. А за стенами шумело море.

— Ну что, Рика, — дядя Миша остановился у входа в жилой корпус. — Прибыли.

— Прибыли, — эхом отозвалась я.

Он обнял меня по-отечески, крепко, как умеют только те, кто знает, что такое терять.

— Пиши письма, — сказал он на прощание. — По-русски, коротко. Отправляй с торговцами, я отвечу. Не высовывайся, слушайся старших, но если кто обидит — знай, я приеду и не посмотрю, что они маги.

— Дядь Миш, спасибо вам за всё, — я вытерла слезу.

— Вот и хорошо. Живи, учись, а там и домой вернёшься.

Главное — не сдавайся.

Он сел на коня и выехал за ворота. Я смотрела, как он удаляется по дороге к городу, пока фигура его не скрылась за снежной пеленой.

Потом я подняла глаза, посмотрела на стены замка, на тёмные окна, на сады и башни — и шагнула внутрь.

Новая жизнь начиналась.

Глава 5 «Экзамены, раны и несданный зачет по чувствам».

Глава 5 . «Экзамены, раны и несданный зачет по чувствам».

«Все зачёты сданы.

Кроме одного —

на право не скучать по тебе».

(мысли Али)

Дядя Миша скрылся за воротами, и я осталась одна посреди огромного замкового двора. Вокруг сновали люди — в мантиях, в простой одежде, с книгами и сумками. Никто не обращал на меня внимания. Хорошо. Значит, маскировка работает.

Я глубоко вздохнула, подняла свой нехитрый скарб — корзинку с гостинцами, перемётную сумку с деревенскими вещами Рики — и направилась к канцелярии. Она находилась в главном корпусе, на первом этаже, за массивной дубовой дверью с гербом школы.

Внутри было тесно от столов, бумаг и спешащих куда-то людей. Я встала в очередь. Впереди топталась девочка на вид лет шестнадцати с косичками и испуганными глазами — она то и дело оглядывалась, но не решалась заговорить. Потом подбежала к столу, получила свёрток бумаг и ключ — и вы-

летела, едва не сбив меня с ног.

— Следующая, — рявкнул писарь.

Я шагнула вперёд.

— Имя?

— Эрика луву Лесная, из Загорья.

— А, — он равнодушно полистал толстую книгу, нашел запись. — Место оплачено, комната есть. Держите ключ. Распишитесь.

Я расписалась — непривычными аккуратными буквами на местном языке Э.Л.Л. — и взяла ключ. На медной бирке ключа было выбито: *«Корпус Белый павлин, этаж 3, комната 17»*.

Корпус «Белый павлин» оказался жилым флигелем, соединённым с главным зданием тёплым переходом. Внутри было чисто и тихо. Каменные полы устланы домоткаными половиками, в коридорах пахло сушёными травами и пчелиным воском. Масляные лампы на стенах горели ровным уютным светом, практически не мерцая, возможно, не без участия магии.

Я поднялась на третий этаж, отыскала семнадцатую дверь. Ключ в замке повернулся мягко, без скрипа.

Комната, в которую я вошла, оказалась небольшой, но на удивление уютной. Широкое окно выходило во внутренний сад — сейчас за стеклом темнели голые ветви и снег, но в помещении было тепло. В углу тихо потрескивала маленькая изразцовая печь, от которой разливалось сухое приятное

тепло.

У стены стояла деревянная кровать с прикроватным столиком. Матрац, когда я машинально на него присела, оказался удобным, пружинистым. Поверх — пуховое одеяло и вышитая подушка. У окна — письменный стол с лампой, чернильница, перо. Рядом — платяной шкаф и книжная полка, уже почти заполненная: какие-то учебники, сборники травников, пара романов для легкого чтения. На подоконнике — глиняный горшок с засохшим растением, видимо, прежняя хозяйка комнаты забыла полить.

Всё внутри было скромным, но продуманным до мелочей. Чувствовалось, что здесь живут, а не просто отбывают срок.

— Намного лучше, чем я ожидала, — подумала я, вдруг почувствовав облегчение.

Я бросила сумку на кровать, поставила корзину с гостинцами Марицы рядом и подошла к окну. Сад внизу был засыпан снегом, но угадывались дорожки, скамейки и маленький фонтан — сейчас замёрзший, сосульки свисали с края чаши. За садом возвышались крепостные стены, а за ними скрывалось море и я почти услышала шум прибоя.

— Я здесь, — сказала я себе. — Я выжила. Я настоящая ученица магической школы в другом мире. Если это сон, пусть он поможет вернуться мне домой.

До ужина оставалось время, и я решила осмотреть замок сама, без провожатых. Вышла из комнаты и спустилась во внутренний двор. Здесь уже зажгли, судя по всему магиче-

ские светильники — они висели в воздухе, как маленькие золотые солнца, и от них светил только ровный, тёплый свет.

Я побрела наугад, сворачивая то в одну арку, то в другую. Прошла мимо столовой — огромного зала с длинными столами и высокими сводчатыми потолками; оттуда вкусно пахло хлебом и жареным мясом, и я мысленно отметила про себя, что голодна. Прошла мимо учебных корпусов и я, улыбнувшись, на секунду представила себя сидящей на деревянной скамье с пером в руке, записывающей заклинания.

Потом я набрела на библиотеку. Она оказалась в отдельной башне — массивная дверь, окованная железом, с замысловатым замком. Рядом на стене — табличка: *«Часы работы — от рассвета до заката. Вход по читательскому билету»*.

Я попыталась дёрнуть ручку — заперто. Конечно. Меня не пустят без читательского билета после заката. Я отошла, но мысленно пообещала себе, что обязательно попаду туда. Обязательно попаду! Где-то там, в глубине этих подземелий, среди тысяч свитков и фолиантов, лежит ответ на мой главный вопрос — как вернуться домой в мой мир.

Рядом с библиотекой обнаружился небольшой внутренний садик — не тот, что виден из моего окна, а другой, более дикий. Здесь даже зимой было что-то живое: несколько вечнозелёных кустов, усыпанных красными ягодами, скамейка под каменным навесом, защищающим от снега. На скамейке сидела пожилая женщина в тёплой шали и читала книгу. Она

подняла голову, когда я проходила мимо, и молча кивнула мне в приветствии. Я кивнула в ответ, не замедляя шага.

— Здесь всё не так, как в той гостинице, — думала я, бредя дальше. — Здесь можно остаться незамеченной. Никто не смотрит косо, не задаёт лишних вопросов. Никто не пытается переодеть меня в сиреневое или поцеловать без спроса.

Я свернула в узкий проход между двумя учебными корпусами и оказалась у крепостной стены. Взгляд наткнулся на широкую каменную лестницу, уводящую вверх, к зубчатому парапету. Туда, где, наверное, открывался вид на море. Я замерла на секунду — внутри кольнул привычный страх высоты. В моём мире я никогда не подходила близко к краю обрыва или балкона выше второго этажа. Но здесь, в этом чужом месте, мне вдруг отчаянно захотелось посмотреть на что-то большое, бескрайнее, чтобы почувствовать, что я ещё жива. Ноги сами понесли меня, перебарывая дрожь в коленях. Я не очень любила высоту и простор, но сейчас, когда внутри всё сжималось от тоски по дому, эта боязнь казалась такой мелкой, такой ненужной. Ступени были скользкими от снега, но я поднималась быстро, держась за холодные перила и стараясь не смотреть вниз.

Я остановилась у смотровой площадки на крепостной стене. Сердце колотилось где-то в горле — от подъёма, от страха, от отчаяния. Внизу, далеко внизу, плескалось море — тёмное, холодное, с белыми барашками пены. Я зажмурилась на секунду, потом всё же заставила себя открыть гла-

за. Ветер трепал мои рыжие косы, и я вдруг почувствовала странную смесь печали и свободы. Я одна. Совсем одна в этом огромном мире. И это одновременно пугало и воодушевляло.

Я постояла ещё немного, пока пальцы не окоченели, а щёки не заледенели от ветра. Потом, переборов желание остаться здесь навсегда, глядя на бесконечную воду, развернулась и начала спускаться. Ступени были такими же скользкими, но теперь я шла медленнее, осторожнее, держась за перила обеими руками. Страх высоты никуда не делся, но мне удалось загнать его глубоко внутрь, туда, где жила обида на парней и тоска по дому. Когда ноги коснулись твёрдой земли внутреннего двора, я выдохнула с облегчением и поплелась в сторону столовой — живот напомнил, что я не ела с самого завтрака.

На ужин в столовой давали тушёную баранину с овощами и свежий хлеб. Я села в уголке, за маленький столик, предназначенный для одного. Никто не подсел ко мне, и я была рада этому. Я ела молча, наблюдая за другими ученицами — они смеялись, перешёптывались, кто-то грыз гранит науки за соседним столом, уткнувшись в учебник. Обычная школьная жизнь, только с магическим отливом.

После ужина я вернулась в свою комнату. Зажгла свечу, села за стол, вытащила дневник. Чистые страницы всё ещё пахли моим миром — типографской краской и домом.

Я писала долго, не торопясь. Про дядю Мишу, про дорогу,

про замок магической школы, про испытание с хрустальным шаром. Про сады и море. Про то, как тихо и спокойно здесь. Про парней. Я не знала, где они сейчас. Может, ищут меня. Может, уже забыли. Может, рады, что избавились от такой обузы.

«День первый в школе. Никто меня не узнал. Я теперь Рика — сирота из Загорья, с даром к травам и бытовой магии. Библиотеку откроют только через неделю. Надо продержаться.

Замок огромный, но я запомню все переходы. Комната удобная, тепло, тихо. Никто не лезет с разговорами. Это хорошо. Мне нужно время, чтобы привыкнуть и высмотреть, где искать ответы.

Парни... не знаю. Иногда я злюсь на них, когда думаю о сиреневом платье и поцелуе. А иногда хочется, чтобы они были рядом. Особенно Рав. Я злюсь на него за то, что поцеловал без спроса, за его самоуверенность, за то, что он смотрит на меня так, будто читает меня насквозь. Но сейчас, когда я сижу одна в этой комнате, когда за окном шумит чужое море и каждая звезда здесь не моя — я ловлю себя на том, что вспоминаю, как он, обнимая, гладил меня по спине и называл «госпожа-чудачка». Как его рука лежала на моей талии, и это было... спокойно. Тепло. Безопасно.

И я ненавижу себя за это. За то, что скучаю по человеку, который нарушил договоренности. За то, что мне хочется увидеть его зелёные глаза и услышать его голос — даже ес-

ли он снова скажет что-нибудь не то.

Но я не позволю себе это чувство. Чувствам доверять нельзя. Нельзя доверять никому, кто может сделать больно. Даже если от их рук пахнет лесом и теплом.

Домой попаду сама. Найду про нужный портал в библиотеке. И вернусь домой. Обязательно».

Я захлопнула дневник, спрятала его под матрас, а пуховое одеяло — оно оказалось на удивление мягким. Задула свечу и долго лежала в темноте, слушая, как потрескивает печь и где-то далеко, за толстыми стенами, шумит море.

Звезды здесь были другими. Чужими. Но я не плакала.

Я засыпала с мыслью, что завтра — первый учебный день. И я не опозорюсь. А после — библиотека. И дорога домой.

Я проснулась от того, что в окно бил яркий солнечный свет. Снег за ночь выпал свежий, и отражённое сияние заливало комнату, делая её почти праздничной. Печь давно прогорела, но в комнате всё ещё было тепло — толстые стены хорошо держали тепло.

Я потянулась, чувствуя, как непривычно мягок матрас и как хорошо спалось в полной тишине. Ничьих рук на талии, ничьих ног, перекинутых через красивых мужчин. Никаких «госпожа-чудачка» на ухо.

— Свобода, — подумала я с лёгкой грустью, сама не зная, почему грусть примешивается к этому слову.

Я встала, умылась холодной водой в уборной, прилегавшей к комнате, — оделась в своё новое деревенское: юбка,

блузка, полушубок, черевички. Волосы заплела в две косы, как вчера. В карман положила оберег от Марицы и горсть монет на всякий случай. В другой карман — завёрнутую в тряпицу «Гюрзу». Не то чтобы я ожидала нападения на первом занятии, но с пистолетом мне было как-то спокойнее.

На завтрак в столовой давали овсяную кашу с мёдом и тёплое молоко. Я села за тот же маленький столик в углу и ела медленно, наблюдая за залом. Студенты — в основном девушки, но были и парни, — разбивались на группы. Шумели, смеялись. Кто-то листал учебники перед первым занятием, кто-то жаловался на домашнее задание. Всё как в обычной школе, только вместо рюкзаков — сумки из кожи, а вместо тетрадей — пачки бумаги и перья.

Я чувствовала себя чужой. Не потому, что меня не замечали — наоборот, несколько раз кто-то ловил мой взгляд и приветливо кивал, а одна девушка даже предложила сесть вместе. Я вежливо отказалась. Мне нужно было оставаться незаметной. Чем меньше связей, тем меньше вопросов.

Расписание висело на доске у входа. Первый урок — «Основы травологии», аудитория 7, второй флигель. Второй — «Бытовая магия: теория и практика», аудитория 12. После обеда — «Этика мага и местное законодательство». Скучновато, но терпимо.

Травология оказалась самой обычной ботаникой, только с магическим уклоном. Преподавательница — сухая пожилая женщина с острым носом и колючими глазами — водила нас

по оранжеее, где даже зимой цвели растения. Запахи стояли густые, пряные. Она показывала нам корни магических растений, листья сон-травы, стебли огнецвета.

— У нас всего три занятия в неделю, — говорила она, — но к концу первого курса вы должны будете безошибочно определять двадцать основных трав, знать их свойства и уметь составлять простейшие отвары. Кто не сдаст зачёт — отчисляется.

По аудитории пробежал шепоток. Я сидела смирно, слушала и запоминала. Всё это было похоже на то, чему Марица учила меня прошлым вечером, только системнее. Я даже смогла ответить на вопрос преподавательницы про ромашку и календулу — и та посмотрела на меня с одобрением.

— Из Загорья, значит? — спросила она. — Там сейчас тяжело, говорят.

— Да, — коротко ответила я, не вдаваясь в подробности. Она не стала расспрашивать дальше. Спасибо ей за это.

Второй урок — бытовая магия — оказался самым странным. Преподаватель, молодой мужчина в синей мантии, объяснял основы. Оказывается, бытовая магия — это не только ускоренное заваривание чая или мытьё посуды без рук. Это ещё и умение создать малый источник света, нагреть воду, освежить одежду, заморозить продукты, быстро высушить волосы после мытья.

— В каждой женщине, — сказал он, — живёт природный дар к этой магии. Мужчины с ним почти не рождаются, по-

этому большинство бытовых магов — женщины.

Я усмехнулась про себя. Так вот почему Рав и Алан не могли магически постирать мои вещи без моей помощи.

Нам дали попробовать зажечь маленький огонёк на кончике пальца. У половины группы получилось сразу. У меня — нет. Пальцы холодели, искорка выскакивала и тут же гасла. Я злилась, но не показывала виду. «Бытовой уровень дара», — сказал Корвин. Значит, должно получиться. Просто не сразу.

Преподаватель подошёл ко мне, посмотрел на руки, на лицо. Ничего не сказал, просто положил свою ладонь на мою и тихо произнёс:

— Не напрягайся. Представь, что это как выдохнуть. Тепло идёт изнутри.

Я закрыла глаза, представила мамины руки, когда она месила тесто. Тёплые, мягкие. Искра вспыхнула — маленькая, золотая, но настоящая. Она горела на моём указательном пальце целых пять секунд.

— Хорошо, — сказал преподаватель. — Практикуйтесь дома. Со временем будет получаться дольше.

Я кивнула, пряча улыбку. Получилось! Настоящая магия, пусть и крошечная.

Обедать я пошла не в столовую, а к себе в комнату. Достала припасённый пирог с капустой от Марицы, съела его с большим удовольствием, запивая водой из кувшина. В окно всё так же светило солнце, снег искрился. Где-то внизу, в

саду, хрустели дорожками другие ученицы.

Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и думала.

«Первый день почти прошёл. Никто меня не узнал. Преподаватели не подозревают. Соседи не лезут в душу — потому что соседей пока нет, комнату дали для меня одной. Наверное, это просто повезло.

Магия... она есть. Слабая, но есть. Если я смогу зажечь огонёк, то смогу и большие. Может, со временем доберусь до заклинаний поиска порталов.

Библиотеку откроют через неделю. Мне нужно продержаться, не выдать себя, не сорваться. И потихоньку искать.

А парни... — я помедлила, прикусив кончик ручки, повертела в руках край одеяла. — Наверное, они далеко. Ищут или не ищут — не так важно. Я не могу на них рассчитывать. Я должна рассчитывать только на себя».

Я достала дневник и написала ещё несколько строк:

«Вечер первого учебного дня. Зажгла магический огонёк на пальце. Пять секунд. Марица бы похвалила.

Здесь хорошо. Тихо. Никто не смотрит косо. Я могу быть тихой, незаметной девушкой Эрикой. Никто не знает, что внутри меня прежняя Аля, злая, колючая, потерявшая дом.

Я скучаю по дому. По маминому чаю. По папиным дурацким шарфам. По моей комнате, которую я вечно не убирала. По запаху нового года и ёлки.

Но здесь у меня тоже есть цель. Я найду способ вернуться. Или... или приму этот мир, если другого выхода не будет. Но пока я не сдаюсь».

Я захлопнула дневник и спрятала под подушку.

Последний урок на сегодня — Этика мага и местное законодательство — оказался самым скучным. Старый маг в потрёпанной мантии рассказывал о том, что магам запрещено наводить порчу на простых людей без крайней необходимости, что за убийство даже демона нужно отчитываться перед Советом, а за использование магии в личных целях (например, чтобы приворожить соседа) можно получить срок в исправительной башне.

Я слушала вполуха, больше наблюдая за другими учениками. Кто-то старательно записывал, кто-то рисовал на полях, кто-то клевал носом. Обычная школа. Даже в другом мире ничего не меняется.

После занятий я снова пошла к библиотеке. Она была закрыта, но на двери висело объявление: «Читательские билеты выдаются в канцелярии после истечения испытательного срока — 7 дней. Для получения допуска необходимо успешно сдать первый тест по травологии».

Семь дней. Всего семь дней. Я выдержу.

Я постояла у дверей, прижавшись лбом к холодному дереву. Представила, что там, за этой дверью, — тысячи книг. Сотни свитков. Десятки карт порталов. Где-то среди них — мой путь домой.

— Я найду тебя, — мысленно пообещала я. — Я не успокоюсь, пока не найду.

Вечером, перед сном, я вышла во внутренний сад. Луна была почти полной, звёзды мерцали холодно и ярко. Морской ветер доносил запах соли и водорослей. Я стояла на заснеженной дорожке и смотрела вверх, туда, где среди чужих созвездий, возможно, было и моё — забытое, покинутое.

— Не сдавайся, Аля, — сказала я себе шёпотом по-русски. — Ты выжила. Ты справишься.

Потом я вернулась в комнату, разделась, забралась под пуховое одеяло. Печь ещё не погасла, угли тлели, отбрасывая тёплый, уютный свет на стены.

Я закрыла глаза и заснула без снов — крепко, спокойно, впервые за много дней.

Завтра будет новый день. Новые уроки. Новые возможности.

Я готова.

Первый учебный день остался позади, а впереди была длинная зима. Я быстро освоилась в замке: утром подъём по магическому будильнику (стеклянный шар, который начинал светиться за полчаса до занятий и тихо пищать), затем завтрак в общей столовой, лекции, обед, практикумы, ужин, самостоятельные занятия в комнате или библиотеке, и отбой — ровно в десять вечера. Я удивилась, когда узнала, что здесь, в Арануме, тоже двадцать четыре часа в сутках, а в году двенадцать месяцев. Сутки делились на часы, минуты и

секунды — маятниковые часы в коридорах отбивали время так же, как в моём мире.

Месяцы назывались иначе, но длились столько же дней. Декабрь был месяцем Снежного Волка, январь — Месяцем Морозной Звезды, февраль — Ветреного Коня, март — Пробуждения Земли, апрель — Цветущих трав, май — Ягодного сока, июнь — Светлого Неба, июль — Знойной Пыли, август — Созревшего Колоса, сентябрь — Листопада, октябрь — Туманного Берега, ноябрь — Первого Снега. Я запомнила их не сразу, но к концу первого семестра уже ориентировалась.

Первые недели давались тяжело. Я путала листья огнецветов с листьями искровника — преподавательница травологии, госпожа Торн, была беспощадна к таким ошибкам. На бытовой магии мои огоньки гасли быстрее, чем у любой первокурсницы. На этике меня чуть не завалили за вопрос, можно ли использовать заклинание принуждения, чтобы соседка по комнате перестала храпеть (соседки у меня не было, я жила одна, но вопрос был гипотетическим). Оказалось, нельзя. Но главное потрясение ждало меня в середине января, когда лорд Рейвен объявил, что женщины в Арануме не имеют права использовать боевую магию.

— Это закон королевства, — сказал он спокойно, словно речь шла о погоде. — Женщины могут изучать бытовую магию, травологию, лекарское дело, теорию эфира, но боевые заклинания — только для мужчин. Это... традиция.

Я сидела и сжимала кулаки под партой. Традиция. Та

же самая традиция, из-за которой меня чуть не принесли в жертву демону. Я хотела закричать, возразить, но вовремя прикусила язык. Я здесь — Эрика, скромная сирота из Загорья, а не бунтарка из другого мира.

— А если женщина сама обороняется от демона? — спросила я нейтральным тоном.

— На крайний случай разрешены защитные заклинания — щиты, отвод глаз, слабые обездвиживающие чары. Но нападать — нет, — ответил лорд Рейвен. — Таков закон.

Я замолчала. Но про себя поклялась, что если меня снова попытаются принести в жертву, я буду использовать всё, что умею — законно или нет. А пока нужно было учиться тому, что разрешено.

К счастью, вместо боевой магии нам предложили очень полезный курс: способы лечения ран, нанесённых демонами. Это была обязательная дисциплина для всех учениц. Госпожа Торн объясняла:

— Демоны оставляют особые раны. Они не заживают обычными мазями и заклинаниями. В когтях и зубах тварей содержится **тёмная эссенция** — магический яд, который препятствует регенерации. Если вовремя не нейтрализовать его, рана будет гноиться, а человек — умирать медленно и мучительно.

Я слушала, затаив дыхание. Вспомнила Краага — его когти, его пасть. Если бы тогда меня не спасли маги, если бы я не успела убить его первой, то никакое лечение не помогло

бы. Но теперь я училась помогать другим.

Нас учили готовить антидотные компрессы из корня серебряной ивы, цветов календулы и порошка из высушенных светлячков (их магия нейтрализовала тёмную эссенцию). Мы тренировались накладывать очищающие повязки — с заклинанием, которое буквально вытягивало яд из раны. Это было сложно: требовалось одновременно держать огонёк на пальцах (чтобы согреть компресс) и шептать формулу очищения.

— Ты слишком сильно жжёшь, Эрика, — поправляла меня госпожа Торн. — Тёплый, а не горячий. И не шепчи, а представляй. Мыслеобраз важнее слов.

Я злилась, но переучивалась. К концу февраля я научилась правильно накладывать очищающую повязку. Одна из старших учениц, по имени Лия, поранилась о ржавый гвоздь на конюшне (не демон, конечно), и я в порядке тренировки обработала рану после того, как ей вытащили занозу. Зажило за два часа — вместо двух дней.

— Молодец, — похвалила госпожа Торн. — Из тебя выйдет хорошая лекарка.

Мне было всё равно, кем выйду. Я просто хотела знать, что смогу помочь, если рядом снова окажется кто-то, кого ранил демон.

Февраль вообще выдался богатым на события. Я, наконец, запомнила все двадцать обязательных растений и сдала зачёт по травологии на твёрдую «хорошо». Госпожа Торн даже

похвалила мой отвар из корня мандрагоры — правда, заметила, что я переборщила с дозой, и пациент будет спать трое суток. Но формула была верной, и это главное.

— У тебя хорошие руки, Эрика, — сказала она однажды. — Чувствуешь травы. Это не каждому дано.

Я кивнула, пряча улыбку. Марица говорила мне о том же. А ещё в феврале я получила первое письмо от дяди Миши. Оно пришло с торговым караваном — короткая записка по-русски, крупными буквами:

«Аля, жива? У нас всё нормально. Марица шлёт поклон. Дети скучают. Парни тебя не нашли — уехали в столицу. Не высовывайся. Пиши. Дядя Миша».

Я перечитала его пять раз. Парни уехали. Не искали. Или искали, но не нашли. Я почувствовала странное облегчение и тут же — глухую, нелепую обиду. Им что, наплевать? Или они поняли, что я не хочу, чтобы меня находили? Я ответила коротко: *«Жива, учусь. Передавай всем привет. Рада, что не ищут».*

Март. Месяц Пробуждения Земли. Снег начал таять, но в замке всё ещё было холодно. На бытовой магии я, наконец, научилась держать огонёк на пальце целых три минуты. Лорд Рейвен заметил мой прогресс и оставил после занятия.

— У тебя дар, — сказал он, глядя на мои руки. — Необычный. Не сильный, но... глубокий. Как будто ты черпаешь энергию не извне, а изнутри, из памяти. Из того, что потеряла.

Я не спросила, откуда он знает. Может, угадал. А может, маги чувствуют такие вещи.

— Продолжай практиковаться, — добавил он. — И не злись на себя. Гнев тушит огонь. А тепло, наоборот, разжигает.

Тепло. Я думала об этом часто. О том утре, когда проснулась в объятиях Рава. О его руке на моей спине. О том, как он учил меня писать и читать, как терпеливо выводил буквы на бумаге. Я злилась на него за поцелуй, но тепло осталось. Оно жило где-то глубоко, под слоями обиды и подозрительности, и иногда напоминало о себе. Я запрещала себе думать о нём. Но запреты не работали.

К апрелю — месяцу Цветущих трав — замок ожил. Во внутренних дворах зазеленела трава, в садах распустились первые цветы. Мы углубились в демоническую медицину. Теперь нас учили не только компрессам, но и диагностике: определять степень отравления тёмной эссенцией по цвету раны, по пульсу пациента, по запаху выделений. Это было похоже на детективную работу.

— Если рана сине-фиолетовая, эссенция проникла глубоко, — объясняла госпожа Торн. — Требуется не только повязка, но и внутреннее противоядие. А если рана чернеет по краям — пациент может потерять конечность. Тогда нужно ампутировать, пока яд не пошёл выше.

Я старалась не бледнеть. В моём мире о таком я знала только из кино. Здесь это была реальность, с которой я могла

столкнуться в любой момент.

В конце апреля мы сдавали промежуточный зачёт по демонической медицине — на манекенах с магической симуляцией раны. Мне досталась глубокая рваная рана на предплечье со средней концентрацией яда. Я не волновалась. Просто делала то, чему училась: очистка порошком светлячков, компресс из серебряной ивы и календулы, наложение повязки с мыслеобразом «вытягиваю тьму». Тепло в пальцах было ровным, уверенным.

— Готово, — сказала я через пятнадцать минут.

Госпожа Торн провела диагностическим кристаллом над манекеном.

— Яда не осталось. Рана начала заживать. Хорошо, Эрика. Зачёт сдан.

Я выдохнула. Ещё один шаг.

Май — месяц Ягодного Сока — был самым напряжённым. Нам предстояло сдать итоговые экзамены по всем предметам.

Травология — «хорошо» с плюсом.

Бытовая магия — «хорошо» (огонь, нагрев воды, сушка одежды — всё стабильно).

Теория эфира — «удовлетворительно» (профессор Элиан был сух и педантичен, но я хотя бы не провалилась).

Этика мага — «отлично» (я выучила все законы королевства, включая тот, что женщинам запрещена боевая магия, и теперь понимала, почему нас не учат файерболам; но также

запомнила, что защитные заклинания и лечение — это наше право и обязанность).

Четыре экзамена позади. Я сидела в своей комнате, перебирала конспекты и чувствовала, как внутри постепенно отпускает напряжение. Травология, бытовая магия, теория эфира, этика — всё сдано. Ни одного провала. Даже «удовлетворительно» от профессора Элиана меня не расстроило. Главное — я не вылетела, не опозорилась, не выдала себя. Но впереди оставался последний, самый страшный рубеж. Практикум по демонической медицине. Экзамен, который принимала лично госпожа Торн — и где нельзя было ошибиться. Одна неточная пропорция — и рана не заживёт. Одно неверное движение — и яд останется в теле. Я повторила формулы в который раз, перебрала мысленно порядок наложения повязки, заставила себя лечь спать пораньше. Завтра решит многое.

Остался последний и самый важный экзамен — практикум по демонической медицине. Нам выдавали реальные муляжи с разными типами ран, и нужно было за отведённое время провести полное лечение: диагностику, приготовление компресса, наложение повязки, активацию заклинания.

Я вытянула билет с раной на ноге — рваной, с явными признаками тёмной эссенции (муляж был сделан так искусно, что даже пахло гнилью). Не теряя ни секунды, я начала работать. Корень серебряной ивы растёрла в ступке, смешала с календулой, добавила порошок светлячков — пропор-

ции я помнила наизусть. Потом, пропитав повязку отваром, наложила на рану.

— Очищаю, — шепнула я, представляя, как свет вытягивает тьму.

Тепло разлилось по пальцам. Повязка на секунду засветилась бледно-золотым и потухла.

Диагностический кристалл госпожи Торн показал ноль.

— Отлично, — сказала она, и это было единственное «отлично», которое я от неё слышала. — Ты справилась быстрее всех в группе. У тебя редкое чутьё на концентрацию яда.

Я не знала, что ответить. Просто кивнула и вышла из класса.

Прислонилась к холодной каменной стене коридора, закрыла глаза. Слёзы — не грустные, а какие-то светлые — наворачивались на глаза. Я сделала это. Сдала всё. Не провалилась. Выжила.

— Поздравляю, — раздался голос за спиной.

Я открыла глаза. Рядом стоял господин Корвин, член школьного совета.

— Спасибо, — выдохнула я.

— У вас есть потенциал, Эрика. Не только в лечении, но и в защитной магии — щитах, отводе глаз. Женщинам это разрешено, и вы могли бы преуспеть. Если продолжите в том же духе, через год сможете подать заявку на перевод в *Primus Litterarum Magnus*. В столицу. Там и библиотеки больше, и курсы по защите сильнее. И там... — он помедлил, — можно

найти ответы на вопросы, которые вы не задаёте нам вслух, но ответы на которые вы возможно ищите.

Сердце ёкнуло. Он что-то знает? Или просто угадывает? Я быстро взяла себя в руки.

— Спасибо, — повторила я более твёрдо. — Я постараюсь.

Он кивнул и ушёл.

Лето началось в июне — месяце Светлого Неба. Большинство учениц разъехались по домам, но я осталась в замке. Не потому, что некуда было ехать — дядя Миша звал в Земляничку, — а потому, что боялась. Вдруг парни ещё ищут меня и наведаются в деревню? Или, что ещё большее, вдруг они меня не ищут, и я только зря надеюсь?

Я проводила дни в библиотеке. Читательский билет давал мне доступ к огромному подземному хранилищу — тысячи книг, свитков, дневников магов прошлого. Я искала любые упоминания о порталах между мирами. Нашла несколько древних легенд о «зеркалах, открывающих путь в бездну», о «призывающих ритуалах», о «разрывах ткани реальности». Ни одного конкретного заклинания. Ни одной карты. Только намёки, которые я записывала в дневник, чтобы не забыть.

По вечерам я выходила на крепостную стену — туда, где когда-то стояла, боясь высоты. Страх никуда не делся, но я научилась с ним жить. Я смотрела на море, на горизонт, и думала, что где-то там, за линией воды, может быть, есть проход. В мой мир. Домой.

Письма дяде Мише я писала по-русски, короткие, отрывистые. Он отвечал так же: *«Всё спокойно. Демонов не было. Парни не появлялись. Марица печёт пироги. Приезжай, когда сможешь»*. Я не приезжала. Стыдилась? Боялась разочаровать? Или просто не хотела видеть деревню, где могли внезапно оказаться *мои* парни?

К концу июня — Светлого Неба — мне выдали итоговую ведомость: успешная сдача всех зачётов и экзаменов, допуск ко второму курсу, рекомендация на факультатив по защитной магии и лечению глубоких демонических ран. Я держала этот лист в руках и улыбалась. Впервые за много месяцев — без горечи, без надрыва, без скрытой боли. Я справилась.

В своей комнате — всё той же, уютной, с тёплой печкой и видом на сад — я сидела на кровати, смотрела в окно на белые ночи. Звезды здесь были чужими, но я уже привыкла.

Достала дневник, написала новую запись:

«Первый семестр закончен. Я сдала всё. Экзамены — позади. Магия у меня слабая, но я умею лечить раны от демонов. Хотя боевая магия женищинам запрещена, я не расстраиваюсь — лечить нужнее.

В библиотеке пока ничего не нашла о порталах домой. Но у меня есть время. Ещё один семестр — и я попробую перевестись в столицу. Господин Корвин сказал, там и библиотеки большие, и защитные курсы сильнее.

Парни... я скучаю. Не перестаю злиться, но скучаю. Особенно по Раву.

По его голосу — низкому, чуть хриловатому, когда он говорил мне «госпожа-чудачка». По его терпению, когда он выводил буквы на бумаге. По его рукам — тёплым, уверенным, когда они лежали на моей талии и я притворялась, что не замечаю, как замирает сердце.

Я вспоминаю, как он учил меня писать слово «Лейа» — и его палец скользил по моей ладони, повторяя буквы. Как он однажды случайно коснулся моей щеки, когда поправлял выбившуюся прядь, и мы оба замерли. Как он смотрел на меня — не как на «проклятую пришлицу» или «сироту из Загорья», а просто на меня. На Алю. На ту, которая сейчас прячется под маской Эрики и деревенской юбкой.

Здесь, в замке, среди чужих стен и чужих людей, я иногда ловлю себя на том, что ищу его в толпе. Мне кажется, вот-вот повернусь — а он стоит в дверях библиотеки, опирается плечом о косяк и улыбается. Но никого нет. Только серые стены и магические светильники.

Я бы хотела, чтобы он был здесь. Чтобы сказал: «Я нашёл тебя. Прости. Я больше не буду целовать без спроса». И я бы, наверное, не удержалась и ответила на поцелуй — впервые без злости, без желания ударить, а просто потому, что соскучилась.

Но он не придёт. Я сама от него сбежала. Сама сказала: «Идите вы оба». И теперь сижу в этом замке, учусь лечить демонические раны, пишу письма дяде Мише и делаю вид, что мне всё равно.

И я не пойду искать. Потому что боюсь. Боюсь, что он не простил мне побега. Боюсь, что он уже забыл меня. Боюсь, что если я увижу его снова — рассыплюсь на кусочки, как тот хрустальный шар на экзамене, который не выдержал напора магии.

Но я скучаю. Каждую ночь, когда гашу свет и слышу, как за окном шумит море. Каждое утро, когда просыпаюсь и на секунду забываю, что я одна. Скучаю так, что зубы сводит.

И ненавижу себя за это.

У меня есть цель. Библиотека. Портал. Дом.

Я справлюсь. Я всегда справлялась».

Я закрыла дневник, спрятала под матрас — туда же, куда и пистолет «Гюрза», который ни разу не пригодился, но лежал рядом, успокаивая. В этом мире женщины не имели права на боевую магию, но пистолет — это не магия. Это был мой козырь, о котором никто не знал.

Лето было в разгаре. Впереди были свобода, чтение, прогулки по замку и потихоньку — подготовка ко второму семестру. И тихая, глупая надежда, что однажды, когда я буду готова, дорога домой откроется сама. Или кто-то откроет её для меня.

Глава 6 «Студенчество – лучшие годы жизни...»

Глава 6. «Студенчество – лучшие годы жизни...»

Студенчество – лучшие годы жизни.

Выпустился с одной каторги

и еще не устроился на другую.

(народная мудрость)

Лето тянулось долго. Днями я бродила по замку, привыкая к мысли, что второй семестр начнётся со дня на день.

В моём мире уже наступил бы июль, жара, арбузы, длинные вечера на балконе. Здесь же Месяц Светлого Неба медленно катился к закату, и я почти привыкла к чужим созвездиям. Почти.

Денег, которые дал мне дядя Миша, пока на текущие расходы хватало. Госпожа Ширли, наша экономка, как-то встретила меня в коридоре, оглядела с ног до головы и фыркнула:

— Девонька, вижу, ты здесь на каникулах одна торчишь. Делать нечего — помоги мне по хозяйству. Плачу медяками, работой не загоню.

Я согласилась не раздумывая. Скука сводила с ума, а в компании ведра и швабры я хотя бы чувствовала себя полезной.

Но в середине лета я всё же выбралась в город. Рябинка

— большой портовый город, здесь можно найти почти всё. Я отыскала в городе портного по рекомендации госпожи Ширли и потратила почти все накопленные медяки и немного серебра на то, чтобы сшить себе нормальную одежду. Не те деревенские юбки с фартуками, не сиреневые платья с цветочками, а то, в чём я привыкла ходить дома в родном мире: удобные брюки из плотной чёрной ткани, рубашки с длинным рукавом, тёплые жилеты на подкладе, лёгкую куртку на осень и более тёплую — на зиму, а также сапоги на низком каблуке и ботинки для повседневной носки. Портной оказался понятливым — после того как я показала ему эскизы (спасибо Раву за заклинание, навык рисования никуда не делся), он только крикнул и сказал: «Необычно, но удобно. Для девушки, которая не хочет путаться в юбке, — в самый раз».

Когда я в первый раз вышла в обновках во внутренний двор, несколько студентов удивлённо обернулись, но я только усмехнулась. Моё тело — мои правила.

А потом каникулы почти кончились. Начало второго семестра — через несколько дней. Студенты съезжались, в парках снова сталолюдно, а я, получив очередное задание от госпожи Ширли, брела по аллее, уткнувшись носом в расписание. На мне были новые чёрные брюки, мягкие ботинки и тёмно-зелёная рубашка под лёгким жилетом. Волосы заплела в низкий хвост, чтобы не мешали. Я даже чувствовала себя почти человеком.

Листья уже начали желтеть, хотя до настоящих холодов было ещё далеко.

Я шла спокойно по парку. Листья шуршали под ногами, где-то вдалеке пели поздние птицы, и я даже на минуту забыла о своей ноше — ведре, тряпке, швабре, — погружённая в список моих будущих лекций: «Зельеварение для продвинутых», «Тёмная эссенция: диагностика», «Защитные чары для женщин». Так бы и дошла до комнаты, если бы не грубые голоса и звуки ударов.

Сначала я подумала, что показалось. Но нет — хруст веток, глухие удары, сдавленное «отпусти». Я сунула расписание в карман брюк и осторожно, стараясь не звякнуть ведром, выглянула из-за куста.

Какая-то малоприятная компания — пятеро здоровых парней в богатых, но безвкусных камзолах — волокла за собой высокого рыжего парнишку. Его руки были скручены за спиной, голова низко опущена, и он не сопротивлялся — как будто смирился. Только иногда вздрагивал от пинков.

— Вот уроды, — прошептала я. — Эх, взять бы автомат да разрядить обстановку... Зря они с ним так!

Я вообще по жизни всегда была защитником слабых и угнетённых. Это свойство и вылилось в мой дикий вопль на весь парк:

— Эй, вы, твари ублюдочные! Пацана отпустили!

И только когда крик затих в ветвях, я подумала: «Может, зря я так крикнула?» Какая-то я сверхсмелая в по-

следнее время — обстоятельства сказываются... Хотя фраза «Эй, твари ублюдочные!», произнесённая с чувством, толком и расстановкой, всегда оказывала волшебное действие на представителей мужского пола. Правда, с отягчающими последствиями... для произнесшей фразы.

Но не в этот раз. Лидер мерзкой компашки — высокий, статный, с утончёнными, почти аристократическими чертами, тёмноволосый — обернулся ко мне с видом «И что это там за мошка жужжит?». Удивлённо поднял бровь, скользнул взглядом по моей странной одежде — брюки, жилет, ботики, — явно не понял, что это за чучело, и тут же отвернулся, продолжая пинать рыжего.

— Зря он отвернулся, — подумала я. — Как говаривал д'Артаньян: дерусь просто потому, что я дерусь.

Ведро полетело первым. Метко, с размаху — брякнулось о плечо лидера, громко звякнув. Он развернулся, и гримаса злобы исказила его красивое лицо. Но я тоже не ждала, успела подбежать и ткнуть его шваброй в живот, а он согнулся пополам, выпустив из рук рыжего.

А потом во мне проснулась «маленькая сволочь», которая от души добавила основательный пинок по самому сокровенному месту поверженного врага.

— Я тебе, мерзкий ублюдок, сейчас устрою бой без правил! — зашипела я, глядя, как он корчится в листьях. — Ты у меня на ближайшее тысячелетие размножаться забудешь! Про секс только в любовных романах читать сможешь! Я те-

бе сейчас бесплатную депортацию в ад устрою!

Его подручные остолбенели. Такая наглая, растрёпанная девица, похожая на пугало с ведром и шваброй, посмела ударить их «короля»?

Они пришли в себя — и двинулись на меня. Вчетвером. У меня внутри всё оборвалось. Но отступить было поздно.

— Стоять, гады! — задрала я палец к небу, надеясь на чудо. — В жаб превращу, и ваши мужские достоинства усохнут на корню!

Парк замер. Листья зашелестели тише, птицы умолкли. Рыжий парнишка поднял голову — в его глазах мелькнуло удивление, смешанное с благодарностью.

И чудо случилось.

Не потому, что моя угроза подействовала (хотя кто знает). А потому, что из-за поворота аллеи вышел старец в белых, словно снежные вихри, одеждах — длинное одеяние с серебряными рунами. Он опирался на резной посох, который тихо постукивал по земле, и двигался с удивительной для его почтенного облика проворностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.